

72.3
590

Камзабай Букетов

ДРУГ МОЙ, БРАТ МОЙ

Камзабай Букетов

Друг мой, брат мой
(воспоминания)

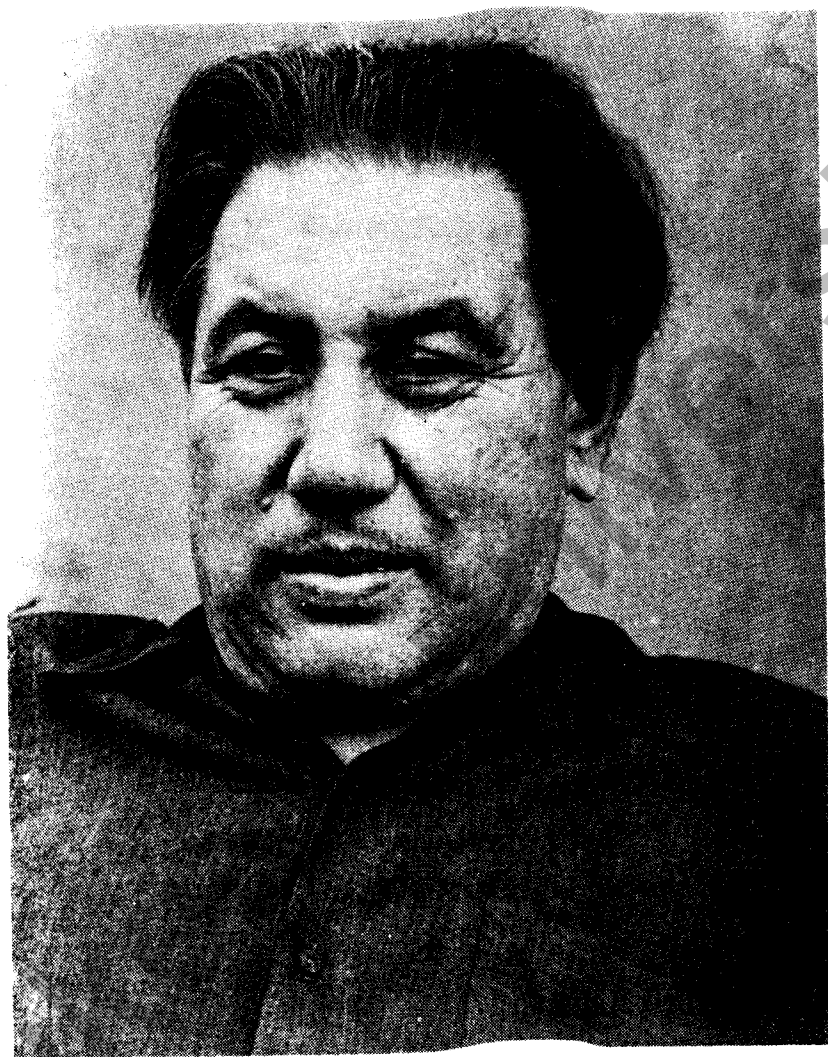
Караганда — 1994

Buketov university

К. БУКЕТОВ. Друг мой, брат мой
Караганда: Изд. КарГУ. с. 118.

ISBN 5-7667-0821-1

© К. Букетов, 1994

Signature

ПРЕДИСЛОВИЕ

Камзабай Арстанович Букетов - инженер электрик, ему не долго пришлось работать по своей приобретенной специальности. Его переводили из одной отрасли в другую на руководящие хозяйственные должности в г. Караганде и Карагандинской области.

В свое время был награжден несколькими правительственными наградами за хорошую работу. Он единственный, среди работников жилищно-коммунального хозяйства Карагандинской области, удостоившийся почетного звания "Заслуженный работник службы быта Казахской ССР". К.А. Букетов, очевидно, никогда не думал, что напишет книгу, и вот уже седой, к семидесяти годам от роду, взялся за перо, чтобы запечатлеть на бумаге воспоминания о старшем брате - в некотором роде своем воспитателе и учителе. Об одном из выдающихся ученых нашего времени в области химии и металлургии, писателе, поэте и переводчике, оставившем большое наследие в науке, культуре и искусстве, Евнее Арстановиче Букетове - академике Национальной академии республики, докторе технических наук, профессоре, лауреате Государственной премии СССР и члене Союза писателей СССР.

Первые очерки воспоминаний Камзабая Букетова об ученом появились в 1988 году на страницах газеты "Индустриальная Караганда", которые были написаны по просьбе друзей покойного.

Некоторое время имя Евнея Букетова замалчивалось, причину читатель узнает, прочитав эту книгу.

Ценность настоящих воспоминаний представляет то, что его написал родной брат академика, который вырос вместе с ним, и отдельные моменты его жизни и деятельности хорошо известны только ему, так как почти никого уже нет в живых из знавших детские и юношеские годы Евнея Арстановича.

Отрывки отдельными очерками, статьями в свое время публиковались на страницах журналов "Простор", "Акикат" и "Зерде", газет "Орталык Казахстан", Северо-Казахстанской и Кокчетавской областей.

Они были тепло встречены читателями.

По просьбе и предложению многих друзей и соратников академика автор систематизировал по мере возможности в хронологическом порядке и предлагает вашему вниманию свои воспоминания.

Я долгие годы был в дружеских отношениях с академиком Е.А. Букетовым и близко знаю автора этой книги, спасибо ему за этот небольшой, но ценный труд.

Талантливость и душевность, обаяние несравненного ума, одаренного от природы академика Е. Букетова заслуживают того, чтобы запечатлеть образ этого неповторимого человека.

Убежден - будет еще немало попыток воссоздать на бумаге, на сцене, на полотне и в камне выразительную фигуру академика Евнея Арстановича Букетова, во всех этих попытках воспоминания живого свидетеля будут незаменимым и достоверным документом.

Он никогда не должен уйти из нашей памяти. Как Чокан Валиханов, Абай Кунанбаев, Сакен Сейфуллин, Каиыш Сатпаев, Мухтар Ауэзов и другие, которые живут вместе с новыми поколениями и служат примером в движении к будущему.

**Жаик Бектуров,
писатель, Почетный гражданин г. Караганды.**

В ауле

Если бы при жизни старшего брата кто-нибудь мне сказал: "Напиши книгу", - я бы посмеялся и ответил: "Это может сделать только Евней, обращайтесь к нему".

А теперь, когда его не стало, вся наша жизнь разворачивается, как книга... И передо мной предстают воспоминания о нашем далеком детстве в живописных местах северного Казахстана...

Зимовье нашего аула находилось в пойме реки Ишим на правом берегу в среднем её течении. Оно состояло из трех небольших аулов и называлось Алыпкаш, по имени знаменитого предка, прославившего себя в борьбе с иноземными захватчиками - джунгарами.

Мы с Евнеем родились в ауле "У мечети", название которому дала старая деревянная мечеть в его центре. Через три двора от нее проходила проселочная дорога - Каражол. Дорога, вправо от нашей избы, вела в Большой аул - Улкен аул, который окаймляло старое русло реки. Эта дорога пересекала ручей, казавшийся мне целой рекой. Два аула находились на берегах двух стариц: Большой Черной и Малой Черной, из них аульчане пили воду и поили скот. Третий аул хорошо был виден из окна нашей избы, он находился на пригорке у истока ручейка, вытекавшего из-под земли у самого аула, поэтому его называли "Аул у родника".

Еще из нашего аула на противоположном берегу реки хорошо была видна русская деревня с белыми избами из самана, крытыми соломой. Деревня называлась Коноваловка или, как произносили наши предки, - Конобал. Оттуда летом через брод, зимой по льду к нам приходили, приезжали бородастые мужики, которых мы, дети, боялись, от которых прятались и убегали. А наш папа называл их тамырами (друзьями). Из деревни Двойники, находившейся на нашем берегу, приезжал особенно почитаемый тамыр Сары-Иван (сары рыжий). Именно здесь, в живом общении и чутком внимании друг к другу закладывалась основа нашей дружбы с русскими. Этот Сары-Иван научил нашего отца заниматься земледелием. У наших родителей на свет появилось 14 детей, из них осталось

в живых только пять. Умершие были все старшие. Видимо, сказывался кочевой образ жизни до 1923-1924 годов. Наши аулы постоянно кочевали, притом круглый год жили в юртах. В зимнюю стужу юрту обкладывали снегом, а внутри разводили очаги, тем и грелись. Можно себе хорошо представить, какое это было жилище; поэтому, видимо, и умирали дети в младенчестве, а боговерные родители успокаивали себя тем, что их младенец оказался хорошим, поэтому "Бог дал - Бог взял", так как ему тоже нужны хорошие люди.

Хочу рассказать о двух старших братьях. Хорошо сохранила память добрые воспоминания нашей любимой бабушки, наших родителей, да и многих аульчан.

Самого старшего брата при рождении нарекли Зейнелгабиден, а прозвали ласкательно Зейкен, это имя закрепилось за ним и осталось в памяти.

Вспоминая детские годы второго брата - будущего академика Республиканской академии, я обязательно вспоминаю Зейкена, видимо, вот почему. Они, эти два брата, чем-то отличались от всех остальных, ныне здравствующих четырех братьев. А отличались своим природным талантом.

Зейкен в возрасте пяти лет играл на распространенном национальном музыкальном инструменте - домбре, в семь лет свободно читал Коран, в это время начал сам сочинять музыку и исполнять импровизированные и народные песни. Такие увлечения старшего сына привлекли внимание отца, а он был мастер на все, как говорят в народе, руки, и смастерил специально домбру по его росту, на которой мальчику Зейкену стало удобно играть, чем он очень увлекся, виртуозно исполняя любые наигрыши и песни. Он хорошо играл на сыбызгы - свирели. Любые тои, шылдакана и другие празднества не только в своем ауле, но и в других близлежащих, не проходили без участия сына Арстана - Зейкена. Его возили по аулам в сопровождении многочисленной взрослой молодежи - бозбалалар. Жизнь его была коротка. Не дожил он до девяти лет, скончался, проболев всего лишь три дня. До конца своей долгой жизни наша бабушка со слезами на глазах говорила, что его "сглазили". Никогда не сходило с ее уст имя Зейкена. Прежде чем позвать кого-нибудь своим певучим голосом, она обязательно первым произносила имя Зейкена, потом только имя того, кого хотела окликнуть.

В памяти всех родственников и многих аульчан он остался очень одаренным, способным мальчиком. О нем после его смерти были сложены грустные песни, отдельные из них

слышал в исполнении своего дяди Маутай-ага и других родственников и аульчан в округе. При этом у слушателей навертывались на глаза слезы.

Видимо, окружение оказало влияние на музыкальное развитие Зейкена. Отец наш и дядя Маутай-ага были хорошими домбристами, играли на самодельной свирели (сыбызгы), не раз завоевывали призы на тоях. До преклонного возраста они не расставались с домброй. У них были мягкие, серебрястые, приятные для слуха голоса. Поэтому следует предположить, что в нашем доме собирались люди под стать им. Сейчас все забылось, стерлось из памяти, особенно с уходом из жизни старшего поколения, видевшего Зейкена, многие из них не вернулись с полей сражений Великой Отечественной войны.

За несколько месяцев до похорон брата Зейкена родился мальчик, будущий академик, нарекли его именем Евнгабиден, схожим с именем любимца семьи - старшего сына. Эта традиция у казахов сохранилась по сей день.

Имена эти арабского происхождения. Из имени Евнгабиден ласкательно получился Евней, и это имя закрепилось за ним. После смерти Зейкена Евней стал бабушкиным сыном, поэтому он пользовался особой привилегией, тем более до моего рождения он был единственным ребенком у нашего отца и двоих его младших братьев. Несмотря на такое привилегированное положение, он не был баловнем. С детских лет не позволял себе шалостей, вызывающих негодование у окружающих. Единственной его прихотью была езда верхом на лошади с кем-нибудь впереди на седле. Бабушка и родители рассказывали: проснувшись утром, озирался вокруг, протирая глаза, и если дома не было Маутай-аги, жившего вместе с нами, то соскакивал с постели, опрометью выбегая на улицу, искал лошадь дяди. Если же ее не оказывалось, то бежал в соседний двор, где жил другой дядя. Увидев его Вороного, успокаивался, готовился к верховым поездкам. Привыкнув болтаться с дядями в седле, постоянно караулил их коней, чтобы не уехали без него. Вороной у Ибрай-аги был очень строптивым, не признавал никого, кроме хозяина. Однажды летним вечером, когда Вороной, спасаясь от комаров, подбежал к юрте и стал с подветренной стороны костра, трехлетний Евней спокойно подошел к коню, оказался под брюхом между передними ногами и обнял одну ногу. Бабушка застыла в испуге, а он продолжал обнимать то одну, то другую ногу. А дальше было еще хуже, от передних ног он перешел к задним и стал между ними. Но конь в это время спокойно, медленно и осторожно тронулся,

а Евней хватался за заднюю ногу, за хвост коня, не желая отстать, и упал, подняв страшный рев. Конь ушел, а бабушка еле пришла в себя. Эта история стала одной из любимых тем бабушки во время бесед с подругами и гостями, а Карагер (Вороной) из постылого в нашей семье превратился в любимца, несмотря на то, что он оставался таким же злым животным, как и прежде. Эту историю я слышал от бабушки и в последние годы ее жизни она повторяла ее в мельчайших подробностях. Бабушка наша прожила более 90 лет, овдовев совсем молодой, дед наш умер рано, оставив шестерых детей, из которых выжили четверо: три мальчика и девочка.

Евней был любимцем бабушки, родителей и всех родственников, он заслужил эту любовь своим умом и талантом, проявившимися очень рано. В детские годы мне казалось, что меня все они не любят, эта ревность доходила до того, что иногда мне приходила мысль, зачем я родился, может быть, я чужой. Только повзрослев, стал понимать, что я тоже любим всеми.

С детских лет Евней был смекалист, придумывал всевозможные игры со своими сверстниками, был как бы их предводителем и организатором. Об этом при встречах вспоминают его аульские сверстники, друзья Уайс, Кабен, Кабдусалам и другие, оставшиеся в живых.

Когда им шел 5-6 год, в аул приехал баксы-знахарь по имени Айкен, по приглашению кого-то из аульчан для лечения больного. В отдалении от аула поставили лучшую юрту, и баксы-Айкен со своим помощником завели больного в юрту и начали лечение. Я тоже крутился здесь же с кем-то из родителей и видел этот процесс. Когда по телевизору смотрю современные эстрадные концерты молодежи, то перед глазами возникает игра этого баксы. Он начинал, напевая неистово визжащим голосом, приговаривая отгонять от больного злых духов, которые сидели в нем, причиняя ему ужасную боль. Наговаривания баксы были бесконечно длинными. В моей памяти остались отдельные отрывки и то, по-моему, не очень точные, где упоминаются разные змеи, хищные птицы и т.д. Видно, баксы определил, что злые духи вселились в тело больного в виде змей разных цветов, он и вызывал их выйти из тела и приползти к нему, а тот с ними расправится раскаленным в огне топором, который лизал языком. Костер горел здесь же в юрте. Современным детям, думаю, понятно, как это проделывается. Топор в руках баксы находился,

примерно в таком же положении как микрофон у современного прыгающего на сцене эстрадного артиста.

Уловив все проделки баксы и его песни-наговоры, подсмотрев это в щель юрты, Евней после его отъезда собрал своих шерстников и начал повторять все это. Он до того увлекся этим занятием, что бабушка, у которой мы все были под пристальным оком, и родители напугались, не превратится ли Евней в баксы, и они кое-как отговорили его от этой опасной игры.

Прошли годы, и трудно сейчас поверить, что на некогда обжитом, оживленном, милом сердцу месте наших предков нет никаких селений: на месте Большого аула плещутся волны рукотворного моря - Сергеевского водохранилища, а через аул "У родника" прошла трасса подземного водовода в Кокчетавскую область. И только бугорки на месте аула "У мечети" да родовое кладбище на возвышенности перед бывшим аулом, где похоронено несколько поколений наших предков, напоминают о том, что здесь когда-то жили люди...

На Урале

1930 год. Лето перевалило на вторую половину. Стоит ясная, тихая погода, небо голубое, чистое. В один из таких дней у нас дома засуетились, стали складывать какие-то ящики, в общем, идут сборы, куда-то уезжаем. К нам приходят группами и в одиночку аульчаны, родственники почему-то тихо плачут, о чем-то говорят. На другой день утром все подготовленные домашние вещи сложили в одноконную бричку, сверху отец соорудил ровную площадку, которую огородил свернутыми одеялами, зимней верхней одеждой, усадил нас с Евнеем, установил казахскую национальную люльку с моим младшим братом Маратом, родившимся в том же году зимой, мама села так, чтобы удобно ей было и придерживать люльку, и кормить грудью, а также присматривать за нами, малышами. В тот год Евнеем шел шестой, мне - третий годик, Марату было несколько месяцев.

Собралось много народу не только из родного аула, но из всех окрестностей, поднялся неистовый рев-плач, женщины что-то приговаривали, мужчины молча вытирали глаза носовыми платками, все обнимали наших родителей, а нас брали на руки, целовали, напутствовали. Не все, конечно, я понимал, но остались в памяти эти проводы, первые в жизни. Мы тронулись. В бричку запряжена была в оглобли наша смиренная саврасая кобылица с волнистыми гривой и хвостом, с левой

стороны в пристяжку был впряжен именной молодой (четырёхлетка) конь Евнея темно-серой масти в яблочках по кличке Сардонен, а справа трусил саврасый жеребенок, похожий на мать. Далеко за аул нас провожало много мужчин и юношей верхом на лошадях, у них впереди сидели сверстники - друзья Евнея. Проехав некоторое расстояние, все остановились, попрощались, и мы тронулись, а они еще долго стояли и смотрели нам вслед, пока мы не скрылись за поворотом.

Ехали мы мимо высокой скалы, похожей на вертикальную стену, будто специально сложенной из разноцветных камней. Дорога шла правее соседнего села Коноваловки. Через какое-то время мы въехали в небольшой аул, там нас встретили угрюмо, мы не стали задерживаться, поехали дальше, из аула за нами следом выехало несколько всадников, сопровождали нас до брода через реку Ишим. Помогли переправиться и остались, провожая нас глазами. К вечеру мы добрались до аула, расположенного в лесу на бугорке. Справа был глубокий овраг, на дне которого протекал ручей, а слева - густой березняк. Это был ТОЗ (товарищество по совместной обработке земли) - основа будущего колхоза "Баганаты", который в нашей биографии значится местом рождения. Поселились в землянке одного хорошего знакомого отца, а через несколько дней поставили небольшую юрту. Мы познакомились с аульными ребятами. Евней быстро освоился и стал опять заводилой детских игр. Отец сапожничал, куда-то ездил, еще чем-то занимался, а у матери были мы, и ей хватало забот. Ходили мы на речку, бегали по берегу, плескались в воде, в общем, нам стало неплохо. Но почему-то отец к зиме не готовился, раза два ездил верхом на Сардонене к родным мамы, привозил гостинцы: курт, римчик, сладости, - рассказывал новости маме и нашей бабушке, которая перебралась к Евнею, так как не могла без него жить. Глубокой осенью, когда опали листья с деревьев, на телеге приехал дедушка по матери, Толемис, с сыном Тайжан, переночевали, а на утро опять погрузили всю домашнюю утварь на две телеги, расселись и - в путь. Аульчане, к которым успели привыкнуть, опять провожали со слезами. Мы прискали в аул на родину мамы, ее родные нас хорошо встретили, устроили в одной довольно просторной землянке с дедушкой, нашу бабушку увез ее младший сын - Маутай-ага.

Весной отец продал именную лошадь Евнея Сардонен. Он долго плакал - жаль было расставаться с любимой лошадей, плакали наша мама и любимая бабушка Меруерт. Исчез куда-то

подросший саврасый жеребенок, может быть, зарезали и съели, или тоже продали, не помню, вместо него появился маленький, как игрушечный, гнедой жеребенок.

С наступлением лета 1931 года мы опять погрузились в ту же бричку, но уже было меньше вещей, видимо, брали только необходимое. Отец соорудил над бричкой шалаш с полукруглым верхом, покрыл каким-то брезентом, и опять тронулись в неизвестном направлении. В бричку была впряжена только джирасая кобыла, а слева вместо Сардонен был привязан гнедой жеребенок. Теперь уже не было ни коровы, ни теленка, с которыми приезжали в прошлом году. Куда они делись, известно только родителям. Мы, дети, постоянно находились в телеге, отец чаще шел пешком, рядом с телегой, иногда забирался к нам, давая отдохнуть ногам. С нами постоянно шел пешком дядя Исхак, двоюродный брат отца, средний сын бабушки Кошумбая. Не помню, сколько дней и ночей мы ехали, через какие села, куда и в каком направлении. Запомнились Преснау (Пресновка), Петекау (Петухово), Макоши (Макушино), Мокрасвай (Мокроусово). Добрались до деревни Малзак - Малый Кизак, расположившейся в глухом, прерываемом сосновом лесу. С чем связан выбор места, объяснений от отца не слышал. По пути, когда проезжали русские деревни, села, взрослые и дети выбегали, глазели, вероятно, было в диковинку видеть, как одна семья незнакомой национальности куда-то кочует, но все смотрели молча. Иногда в некоторых местах пожилые люди подходили к нам, о чем-то с отцом разговаривали, потом и женщины и мужчины бежали за нами кто с чем. Несли кринки молока, сметану, хлеб, картошку, незнакомые для нас какие-то красные, зеленые плоды. Мы не ели, так как незнакомые продукты казались невкусными. Но зато наш дядя Исхак с аппетитом уплетал все, да приговаривал, как хороши, вкусны, а наша мама ворчала: какой может быть вкус у невареной травы. Отец обыкновенно молчал. Где мы останавливались, не помню, только помню, что ехали очень долго, как мне тогда казалось.

Еще запомнилось: отец нас, сидящих на телеге, заставлял пристально смотреть вперед, не пробежит ли какой-нибудь зверек через дорогу, если пробежит, то запомнить точно, в каком направлении пробежал. Однажды, когда солнце клонилось к закату, Евней вскрикнул, показывая пальцем, что заяц (коян) справа налево пересек дорогу. Отец сам внимательно посмотрел на ладони, в направлении, показанном Евнеем: действительно, какой-то зверь скакал, подпрыгивая. Удостовере-

рившись, что это так, отец глубоко вздохнул и сказал: "Слава Богу, все будет благополучно - құдайға шүкір, жолымыз болады екен". Он был суеверным человеком, верил в приметы. Когда отправлялся куда-нибудь по важным делам, а наша кочевка, действительно, была очень важным событием в жизни семьи, то следил, как любой зверек, лучше не хищный, перебежит: если справа налево, т.е. внутрь подола одежды от застегнутых пуговиц, тогда поездка завершится благополучно, а если же наоборот, т.е. скользя по подола одежды, то закончится плохо. Папа наш позже, когда благополучно вернулись на родину, нередко вспоминал этот эпизод как пророческий, и именно потому, что зайца, безобидного зверька, заметил старший сын Евней. Особенно он любил вспоминать, когда встречался со своими сверстниками, старыми друзьями.

Размышляя над темой о причинах отъезда нашей семьи из родного аула, прихожу к выводу, что отец наш был в какой-то степени ясновидец. Он по каким-то своим приметам почувствовал надвигающиеся невзгоды, голод, разруху 1931-1932 годов. Спасая семью от неминуемой смерти, заранее двинулся в приуралье. Он был убежден, что простой русский народ поддержит нас, в чем он не ошибся.

Вернемся к Малым Кизакам. Эта деревня сохранилась до сих пор в моей памяти. Школа стояла за речкой. В деревне не было мазаных побеленных строений. Все дома и другие строения были рубленые из добротных бревен, крыши тесовые. В этой деревне нас приютил русский мужик дядя Иван, здоровый, с черной густой бородой и вьющимися длинными волосами. У них было двое детей: мальчик и девочка. Казахи его звали кара Иван (черный Иван). Мне хорошо запомнилась хозяйка дома. Она была светловолосая, белолицая, одевалась всегда аккуратно в светлые тона. Она была доброго отношения к нам, детям, ласково смотрела на нас, угощала всевозможной снедью, разрешала играть с ее детьми и пользоваться игрушками, салазками и тележкой. Жили мы у них во дворе в каком-то помещении, то ли во времянке, то ли в сарае. Дом хозяина был из добротных сосновых бревен, высокий, под тесом, окна со ставнями, вход был с торца, крыльцо в несколько ступенек. Иногда, играя с детьми хозяина, удавалось попадать в дом, где было несколько комнат, аккуратно убранных, запомнилось, что почти во всех комнатах по углам, а в одной комнате в простенке между окнами висели в позолоченном обрамлении портреты-иконы. На мой вопрос, что это такое, папа объяснил, что это русские боги. Когда на них молятся,

то сбываются все желания только у русских, а мусульманам молиться нельзя. Этим, видимо, он оберегал нас от крещения. Несмотря на это, иногда с хозяйскими детьми крестился, а хозяева этому радовались.

К зиме нас переселили в дом, в одну из комнат поближе к выходу. Моя обязанность была качать люльку, т.е. нянчить братишку, иногда играл во дворе, обнесенном высоким досчатым забором, на улицу выглядывал через щели ворот и забора.

Евней ходил в школу, отец или мать его встречали, провожали, потом стал ходить один. Однажды зимой пришел заплаканный и весь в снегу. Оказывается, над ним издевались дети из старшего класса. А дело было так : в летнее время в школу ходили в обход через мостик, а зимой - прямо по льду, и надо было подниматься по довольно крутому берегу. Эти озорники, их было несколько, подкараулили Евнея, и как только он докарабкался до обочины, его толкнули, и он скатился кувырком назад. Он опять упорно лез вверх, а они вновь столкнули его вниз. Так повторялось несколько раз. Наконец, озорников окликнул какой-то взрослый прохожий и пригрозил им, только тогда они разбежались. А Евней весь потный, изможденный пришел домой. В один из зимних дней эта история повторилась. Так шутили деревенские дети над нерусским чужаком, на его счастье в этот раз увидела озорников его любимая учительница, которая сама разогнала ребят, помогла подняться, взяла за руку и привела его домой. Потом она частенько приводила его, иногда заходила в нашу комнату, разговаривала со мной, но я ничего не понимал. Мама ее называла мугалим - учитель. Она помогала Евнею готовить домашние задания. Евней позже не раз вспоминал все это. Очень хорошо отозвался о своей первой учительнице сам Евней в автобиографической повести "Шесть писем другу", и много добавил его близкий приятель, писатель Жаик Бектуров. Вот что он писал:

"...В 1981 году предоставилась возможность, и мы с Е.А.Букетовым побывали в Мокроусовском районе Курганской области. Не доезжая до районного центра с.Мокроусова, остановились на железнодорожной станции Макушино. Там до сих пор живет много казахов. Из разговоров с ними выяснилось, что в этой долине нет реки Малказак, а есть небольшие речки Кизак и Кайнак, одна из которых в свою очередь делится на два рукава, один называется Малый Кизак. Так открылась тайна Малказака.

...В Мокроусове Евней безошибочно нашел на окраине место, где была когда-то школа, в которой он учился. Здание, конечно, давно снесено, на его месте росло дерево. А внизу протекала малюсенькая речушка, которая казалась когда-то Евнею глубокой".

А в моей памяти эта речка была бурной горной рекой. Здесь нужно небольшое уточнение: первая школа, о которой идет речь, была в деревеньке Малый Кизак, наименованной по названию протекавшей речушки, а деревня находилась на расстоянии нескольких километров от районного центра, и хаты стояли между толстыми сосновыми деревьями.

По возвращении из этой поездки Евней сам рассказывал, что на месте некогда большой деревни осталось несколько покосившихся домиков, где проживали люди преклонного возраста, которые не помнят о событиях тех далеких тридцатых годов, когда наводнили те края голодные, оборванные люди.

В той русской школе, где Евней начал учиться грамоте, у него была, как я упомянул выше, любимая учительница. Он ее часто вспоминал и называл то Августиной, то Августой Устиновной. Именно она помогала ему одолевать русскую грамоту. Одновременно помогала и его родителям.

Как-то наш отец покупал на станции Лебяжье картошку и попался на глаза милиционеру. Тот, заподозрив незнакомого казаха в спекуляции, забрал его лошадь, самого Арстана посадил в каталажку. Узнав об этом через Евнея, учительница пошла пешком сорок верст до станции и добилась не только освобождения невинного, но и возвращения ему лошади и покупок. Этот трогательный поступок учительницы глубоко запал в память маленького Евнея.

Ж.Бектуров продолжает:

"...По возвращении в райцентр мне удалось уговорить Е.А.Букетова посетить краеведческий музей. В светлых просторных залах музея экспонаты размещались по тематическому принципу. В одной из комнат мы увидели портрет обаятельной женщины. Евней Арстанович сразу же узнал в ней свою любимую учительницу. На экскурсовода обрушился поток вопросов.

Выяснилось, что настоящее имя и отчество этой женщины Августа Иустиновна, девичья фамилия - Каминская, она в 16 лет окончила женскую гимназию с большой золотой медалью. Выяснилось, что один из сыновей учительницы, Борис Федорович Тарасов, 1912 года рождения, участник Великой Отечественной войны, подполковник ветеринарной службы,

живет в Башкирии в городе Белорецке. По возвращении в Кираганду Букетов написал ему письмо и получил обстоятельный ответ. Жаль, что Е.Букетов и Б.Тарасов так и не успели встретиться, оба почти одновременно скончались.

Августа Иустиновна Каминская родилась в городе Ялуторовске бывшей Тобольской губернии. Ее отец Иустин Каминский, по национальности поляк, за активное участие в польских событиях 1863-1864 годов, после жестокого подавления восстания был сослан царским правительством в город Ялуторовск - обычное место ссылки революционеров.

Рядом с портретом А.И.Тарасовой (Августа Иустиновна вышла замуж за рабочего Федора Тарасова) в музее висел портрет ее старшего сына Германа Федоровича Тарасова, 1906 года рождения, генерал-майора, Героя Советского Союза, погибшего в сражениях против немецкого фашизма. Г.Ф.Тарасов в 1934 г. окончил Военную академию имени Фрунзе, перед войной работал начальником штаба Забайкальского военного округа".

"У А.И.Тарасовой было пятеро детей. Одна из дочерей, Агния Федоровна, и сегодня живет в г.Туринске Свердловской области. Сразу же после окончания гимназии Августа Иустиновна приехала в Мокроусово и до 1935 года, в течение 40 лет безвыездно здесь учительствовала. Она умерла в поселке Аргаяш Башкирской АССР в декабре 1936 года в возрасте 57 лет. Сыновья и дочери ее учились у своей матери в школе, где впоследствии учился и наш Евней Арстанович.

Жизнь Августы Иустиновны была богата многими яркими событиями. Главное из них - установление и укрепление Советской власти на Урале, чему она была свидетельницей. Понятно, почему русская учительница в далеком Мокроусове так сочувственно отнеслась к обездоленным казахским переселенцам, почему так близки были ей беды и горести простых людей.

Вряд ли надо кому-то доказывать, какую важную роль в становлении личности играют люди, даже случайно встреченные на жизненном пути. Русская учительница Августа Иустиновна Тарасова оставила глубокий след в сердце казахского мальчика..."

Когда Евней начал читать и писать по-русски, он мне показался очень большим и вызывал мое почтительное отношение к нему. Я стал называть его Бапа, что означало старший, хотя разница в годах у нас была лишь три года. Забегая вперед, скажу, что долго звал его так, пока в один из своих приездов он не наградил меня оплеухой за какие-то

мои проделки. А почетное имя Бапа закрепилось за ним на всю жизнь, и все братья, сестры, их дети называли его до последних дней так.

Оказавшись единственной казахской семьей в глубине русских селений, предчувствуя предстоящий недород, голод раньше других почти на целый год, наша семья испытывала большие затруднения из-за невозможности свободно изъясняться (отец слабо владел русским языком, а мать вообще не знала ни слова). Но эта трудность уменьшилась, когда через несколько месяцев жизни в русском селе Евней "обрусел" и стал говорить на русском так же свободно, как на родном. Он стал семейным переводчиком.

Родные и земляки, оставшиеся на родине, узнав, что Арстану живется в далекой русской деревне неплохо, к лету 1932 года стали съезжаться в Малказак. Приезжавшие родные, знакомые отца привозили очень тревожные вести: очень многие люди умирают от голода. По дорогам плелись изможденные толпы. Многие родственники и знакомые аульчане умерли в пути и оставлены без погребения, укрытые чем попало. Не было сил похоронить умерших. Оставшиеся спешили в спасительные земли. Чудом добравшиеся в русскую глубинку в основном выжили, так как получали бескорыстную помощь и поддержку.

Ранней весной 1932 года еще по твердому снегу отец собрался на родину. Соорудил на санях специальные места, куда аккуратно уложил продукты: муку, мясо, пшено- и уехал. Мама боялась за него, русские знакомые тоже, но через несколько дней он вернулся и не один, а привез младшего своего брата Маутай-ага с семьей и любимую нашу бабушку. Нам с Евнеем стало веселей жить с бабушкой, к тому же у Маутай-аги был сын Самат, мой сверстник. Позже отец рассказывал, что ехал он без передышки, с ружьем наготове, особенно спешил, когда въехал на территорию Казахстана, где уже свирепствовал голод. К середине лета приехал второй наш дядя-Ибрай-ага с семьей, их спасли привезенные отцом продукты, которые они потребляли очень бережно и украдкой от посторонних глаз. К тому времени мы переехали в большой сарай, который отец отремонтировал с помощью русских соседей, настелили досчатый пол. Сарай был очень большой, часть отгородили, и семьи всех трех братьев жили вместе. Остальная часть сарая служила временным пристанищем для прибывших земляков, а их было очень много.

Приезжавшие, а чаще приходившие появлялись у нас полнами. Мама, да и бабушка со своими снохами готовили пищу и всех кормили, потом только расходились, разъезжались, и общем, исчезали. В то время, особенно осенью и зимой, не обходилось без каких-нибудь ЧП. Доходили слухи о кражах скота, продовольствия и другого имущества у местных жителей, несмотря на радушный прием, случались драки и даже убийства, но к лету 1933 года все стихло. Видимо, все, кто только мог, выбирались из Казахстана, многие уехали дальше, на север, добрались до промышленных центров Урала. Несколько наших родственников в поисках средств существования оказались в Челябинске, Златоусте, Ирбите, Томске и других местах. Словом, разбрелись, некоторые из них остались там навсегда. Сейчас на тех землях живут их потомки. В этой суматохе исчез и дядя Исхак. У него не было семьи. Ходили разные слухи. Он и племянник отца пропали без вести.

Прожив в этом сарае до конца лета, к зиме мы вместе с семьей дяди Маутай стали квартировать у одной вдовы, жившей с дочерью в пятистеннике, неподалеку от дяди Ивана, а дядя Ибрай-ага квартировал на другом конце деревни, у него было двое детей: старший сын Жамбай, мой сверстник, и дочка, сверстница нашего Марата.

Евней пошел во второй класс. Он единственный из всех детей-казахов, поселившихся в тех краях, ходил в школу. В том была большая заслуга отца, который делал все, чтобы Евней учился грамоте.

Прозимовали. Всю зиму продолжали приезжать люди, часто к отцу приходили группами, просили его совета, а иногда разбирали какие-то распри между собой. Часто слышались слова "украли", "обманули", но кто у кого, конечно, я не знаю и не помню.

В эту зиму случилось несчастье с моим младшим братом Маратом. Когда дома никого не было, мы втроем (с нами была дочь дяди Ныгметжана Бигайша, которая была на год старше меня) играли наперегонки. Марат споткнулся о чей-то сапог, валившийся тут же, упал и лбом ударился о порог двери. Появился на лбу синяк, на это никто из взрослых не обратил внимания, так как Марат не плакал. После этого Марат начал болеть, синяк не сходил, а к весне он превратился в глубокую рану, из которой стал сочиться гной. А когда потеплело на улице и сошел снег, он умер, ему шел третий год. Похоронили его за деревней на опушке леса, рядом с какой-то одинокой мусульманской могилой на бугорке.

На лето все казахи, обитавшие в округе, собирались у нас и долго о чем-то говорили. Был здесь и дядя Кошан, близкий друг отца. Сын его Аманжол Кошанов, родившийся в тех краях, стал академиком АН Казахской ССР, доктором экономических наук, профессором. Все приехавшие поздравляли отца с успешным окончанием школы старшим сыном Евнесем, желали ему дальнейших успехов, здоровья и благополучия. Потом несколько человек вместе с отцом и дядей Кошаном куда-то уехали, возвратились и еще говорили, пили традиционный чай и разъехались. А разговоры сводились к тому, где летовать, т.е. организовать жайлау.

На второй или третий день отец запряг кобылу и вместе с мамой собрался куда-то ехать. Я с ревом прицепился к ним, они сжалились и взяли с собой. Ехали недолго, проехали лесок и оказались в очень красивой деревне, было много беленых хат с крашеными окнами и со ставнями. Отец оставил нас с мамой у одних русских, видимо, у знакомых, а сам уехал и долго не возвращался. Я захотел есть. Привык в своей деревне к тому, что куда бы ни пришли, всегда чем-то угощали, а здесь этого не было. Мама начала меня успокаивать, объясняя, что в этой деревне дома ничего не держат, это Коммуна, все у них общее и питаются в столовой. Откуда мне знать, что такое столовая, Коммуна и т.д. В душу запало, что Коммуна, это такие деревни, где у людей ничего нет и живут голодные. Так я позже иногда объяснял своим сверстникам. Возвращались домой с мешками пшеницы и проса.

Отец с братьями ежедневно рано утром уезжали на работу и возвращались вечером. Нас с Евнесем мама, а чаще всего бабушка водили на могилу Марата. Они сами садились на траву, усаживали нас и начинали читать молитву. По их знаку мы тоже раскрывали ладони, произносили "Аллакбар" и проводили по лицу ладонями. Летом соорудили ограду вокруг кладбища, где к этому времени было уже с десяток захоронений. Последний раз всей семьей посетили могилу, побывали у многих русских, ставших уже хорошими друзьями отца, заехали к Августе Иустиновне. Родители очень тепло с ними прощались. Крестьяне выносили много продуктов, одаривали ими и укладывали в телегу. В один из погожих дней погрузили домашние вещи в бричку и выехали из приютившей нас деревни, а через несколько километров подъехали к аулу, до настоящего аулу из юрт, какие были у нас на родине. Оказалось, собравшись весной у нас, земляки договорились пролетовать на этом месте, в шалашах, так как ни у кого юрт

не было, не смогли их привезти сюда. К нашему приезду стояло несколько шалашей, похожих на обыкновенные казахские юрты. Одна из них была нашей. Отец соорудил ее заранее. Конструкция юрты была довольно простой: деревянная часть состояла из шести столбов, вкопанных в землю, составлявших шесть углов, обвязанных перекладинами, к которым были прислонены колья из тоненьких жердей: крыша была выведена полушаром из жердей. Это сооружение аккуратной укладкой до краев полушара было покрыто соломой, высота довольно большая, крыша покрыта дерном для того, чтобы ветром не сдуло и дождь не протекал. Все это сооружение было оборудовано так, чтобы можно было разводить очаг, служивший для приготовления пищи, а также для обогрева в ненастную погоду. Аул расположился полукругом. Подъезжали ежедневно по нескольку семей. Всем аулом помогли прибывающим соорудить шалаша, обустроиться, а потом приглашали по старой традиции друг друга на "ерулік" - трапезу для вновь поселившихся соседей.

Воды в округе не было, и тогда в центре аула сообща выкопали колодец. Сначала воды было много, но постепенно она начала убывать, а к осени сошла на нет, хотя колодец и углубляли.

Недалеко от аула была дорога, соединяющая райцентр с Малыми Кизаками, а за дорогой простиралась пашня.

Так прожили лето, а к осени все вместе покинули эти места навсегда. Породнившись за время летовки, аульчане разбрелись кто куда в поисках лучшей доли. А несколько семей переехали в соседний Макушинский район и соединились в местечке Сахалин с другими соплеменниками, но ненадолго, так как не было школы, не хватало жилья и приближалась зима. Группами по нескольку семей стали разъезжаться в русские деревни на зимовку. Наша семья переехала в более отдаленную деревню - Куприно, где была школа. На квартиру устроились у одной женщины, жившей без мужа с двумя детьми и пожилой женщиной, видимо, матерью. Евней пошел в школу в третий класс. Мы жили в светлой горнице с четырьмя окнами. До сих пор перед моими глазами картинка: на потолке гвоздь, вколоченный в перекладину, а на нем висит моток тоненькой блестящей проволоки, один конец которой был закручен в спираль. Когда я поинтересовался у отца, что это такое, он объяснил: "Это петля для ловли зайцев". Но я никак не мог внять в толк, как все же такой проволокой ловят зайцев. Своим детским умом соображал, что заяц передней, более тонкой

лапкой попадает в эту пружину. Но как она могла влезть туда? С этой мучительной думой засыпал, а проснувшись, думал над тем же вопросом. И продолжалось это до тех пор, пока Евней не продемонстрировал, как это получается, сделав петлю из другой такой же проволоки.

Однажды поздно ночью постучался в окно и вошел обросший мужчина. Он остался ночевать, а утром, когда мы проснулись, его уже не было. Иногда потом он стал появляться чаще. Оказалось, что это был хозяин дома, муж хозяйки. Позже узнали, что он скрывался, был связан с какой-то бандой. Когда узнали об этом наши родители, то начали поговаривать о смене квартиры, но не успели этого сделать. Однажды утром обнаружили, что нас обокрали. Из-за тесноты в комнате наши вещи были сложены в сенах. И вот все, что было там ценное, украли. Воры сделали имитацию, будто вскрыли крышу и через дыру все вытащили, но отец определил, что все вынесено через двери, и это было дело рук хозяина дома.

После того случая папа нашел другую квартиру, менее удобную, и мы переехали. Прежняя квартира была рядом со школой, хорошо было Евнею, он успевал быстро прибегать домой, спасаясь от нападения русских мальчишек. А новое жилье было в отдалении, ближе к окраине села. Приходилось кому-то из взрослых провожать и встречать брата, хотя никто не трогал его. Вскоре он подружился с соседским мальчиком Васей, который приходил к нам, и они с Евнеем готовили уроки, читали, играли. Родители полюбили этого светлого голубоглазого мальчугана, он здорово заступался за Евнея и не давал его в обиду, защищал от мальчишек с другой улицы. К середине зимы нас опять обокрали, забрали последние более или менее ценные вещи, оставив почти без одежды. На этот раз подозревать в воровстве было некого. К тому же Евней пришел из школы заплаканный, чего не случалось с ним раньше, значит с кем-то подрался или же озорники поиздевались над ним.

И вот родители не выдержали и вернулись в Сахалин, к землякам. Пришлось потеснить одну семью и жить на двухъярусных нарах, было тесно. Евней прервал учебу. Отец сильно переживал, что целый год пропал у сына, но Евней успокаивал его, уверяя, что нагонит, постарается за год окончить два класса.

Весной началась посевная, все мужчины были в поле, а женщины протравливали семена. Дома мы были с бабушкой. Утром все оставшиеся жители барака проснулись от незнакомого

гула-шума, выбежали на улицу. Весь народ небольшого поселка был на улице, кричали: "Аэроплан, аэроплан!" - и смотрели на небо. В небе, неподалеку от села, над полями летала, как мне показалась, обыкновенная брйчка, какая была у нас, она сделала два или три круга, пролетела над нами и села недалеко от места, где обрабатывали семена.

Все, кто только мог, бежали в том направлении, конечно, и мы с Евнеем тоже направились туда. Он меня тащил за руку, я еле успевал за ним. Когда подбежали, то увидели, что это вовсе не брйчка, а что-то другое, совсем невиданное сооружение, хотя и на колесах. Это был обыкновенный двухкрылый аэроплан, прототип нынешнего АН-2. Летчик был одет во все кожаное, блестящее, на лбу сверкали пилотские очки. Это сейчас я пишу, называя своими именами незнакомые понятия, а тогда было все в диковинку.

Летчик начал о чем-то говорить с собравшимися, многие боялись близко подойти, смотрели издали. Евней, оставив меня с бабушкой, смело подошел к летчику и разговорился с ним, о чем-то стал расспрашивать, указывать рукой на аэроплан. А в это время рабочие загружали какие-то мешки в аэроплан. Это были семена пшеницы, проводился опыт посева с воздуха. Закончив погрузку, летчик направился к самолету, Евней - за ним, на ходу о чем-то разговаривал. Летчик взял Евнея на руки и приготовился сажать в кабину, тут все соплеменники подняли крик и не дали Евнея летчику - неправоверному, испугались за его жизнь. Но все же Евней слетал на этом аэроплане. Позже он долго рассказывал и дома и среди своих сверстников о том, как выглядели с высоты земля и все строения.

Закончилась посевная. Все, кто жил в этом небольшом поселке, погрузились и поехали. Подъехали к берегу большого озера, остановились и табором располсжились на ночь, а утром все одновременно начали сооружать уже ставшие традиционными соломенные шалаши. За несколько дней аул разросся. Место было хорошее, особенно для нас, ребят, раздолье - было где бегать, купаться и т.д. С наступлением лета, когда появились всходы, ребятня начала зарабатывать хлеб, на прополке. Утром нас собирали и выводили на "Опытное поле", и мы рвали сорняки вручную, при этом каждому отводилась полоса в несколько рядов по ширине сеялки. В обед нас кормили, а к вечеру мы возвращались домой, гордые тем, что в руках у каждого были булки, а у некоторых по половине, в зависимости от того, как работали. Булки были круглые,

пышные. В первый день Евней заработал целую булку, а я половинку, наша бабушка бесконечно была рада этому. Окликнув своего старшего сына, нашего отца, своим тоненьким серебристым голосом: "Арстан, а Арстан, вот видишь, мои жеребеночки (құлыншақтарым) стали кормильцами", - она разрешила полбулки на равные части и разнесла по ближайшим шалашам, приглашая пожилых людей отведать первые заработки ее галчат и помолиться за их здоровье. Сюда, на берег большого озера, съехалось довольно много семей, не менее тридцати, все взрослые мужчины работали на "опытном поле". Это было отделение Макушинского зерносовхоза. В аул приезжал верхом, то на гнедом, то на темно-сером в яблочках под кожаным солдатским седлом, рослых, упитанных конях управляющий Пузанков (Позыкан). Он часто останавливался у нас и пил кумыс, видимо, полюбил этот ароматный напиток. Наша мама была искусницей в приготовлении вкусного национального напитка.

К этому времени у многих уже появился скот - дойные коровы, кобылицы. Овец, коз не держали, это было связано с кочевым образом жизни. В теплые летние вечера молодежь собиралась в середине аула, тогда-то я и увидел национальную игру "алты бақан", в которой и мы, пострелята, вели себя по-своему, бегали, кувыркались. Постепенно народ начал переходить от уныния к веселью. Появились акыны-импровизаторы, организовывали айтысы, казакша куресы, байга, хотя и не настоящие.

В это лето из Челябинска приехали родные братья и племянники нашей бабушки: дядя Шери с женой и трое холостых. Все статные, хорошо, не по-нашему, одетые. У них мы, дети-несмышлениши, увидели интересные вещи: на груди и с правой и с левой стороны всевозможные значки. Евней, рассмотрев и прочитав надписи на каждом из них, собрал нас всех вокруг себя и объяснил, что означает каждый из них - "ГТО", "Мопр", "Ворошиловский стрелок" - последний нам особенно понравился. Впервые мы увидели, и это нас поразило, что брюки спереди и сзади были, как лезвие ножа: приехавшие, ходили в скрипучих сапогах и казались нам большими начальниками. Позже узнали, что все они были рабочими металлургического завода. Тогда же к другим аульчанам приехали их родственники из Златоуста, Ирбита, Свердловска. С ними из аула уехало несколько молодых людей. Многие из них остались там на постоянное жительство, их потомки и сейчас живут в тех местах.

Приближалось время идти в школу. Отец с Евнеем уехали искать родных по линии матери (нағашы). Вернулся отец один, Евнеев оставил у дедушки, который жил со старшим сыном Касымом. Жили они в совхозе Чаглинском Северо-Казахстанской области. Дядя Касым работал, не знаю по-тогдашнему, а по-сегодняшнему - секретарем парткома совхоза. Дедушка с бабушкой в Евнеев души не чаяли. Он начал ходить в третий класс. С наступлением зимы пришла весть, что они куда-то переезжают в связи с переводом Касыма по работе, поэтому Евнеева надо где-то устроить. Поехал отец, перевез Евнеева в Петропавловск, устроил на квартиру у одного знакомого земляка, проживавшего там, пообещав вскоре привезти провизию. По каким-то причинам он задержался, а когда приехал, то не узнал своего сына: Евнеев был похудевший, изможденный, грязный, больной. Оказалось, он был предоставлен сам себе. К хозяевам наезжало много народу, так дом был постоянным двором какого-то совхоза, кроме того, хозяева были заняты на работе, много времени отнимали очереди. Отец посетил школу, поговорил с учительницей, которая похвалила Евнеева, сказала, что он очень старательный, успевает по всем предметам, но в школу приходит неопрятный, в грязной одежде, иногда засыпает на уроке. Выяснилось, что он не мог ложиться спать, пока не улягутся все, дома были всегда какие-то приезжие, чаще всего он ложился у порога, а постелью и одеялом была собственная одежда, утром он полуголодный, полуумытый шел в школу в том же, в чем спал.

Увидев все это, отец решил забрать Евнеева домой, так как других знакомых в городе не было. Евнеев настаивал на том, чтобы продолжать учебу, убеждал отца, что у него все хорошо и не хочет, чтобы у него пропал еще один год. Увидев настойчивость сына, отец задержался, и начались поиски другого пристанища. Отец случайно узнал, что в городе живут Султангазы - родные мужа нашей тети - сестры отца Даляпраза (ее имя Евнеев дал своей младшей дочери). В этой семье устроил отец Евнеева, где его жизнь сложилась очень удачно. Хозяева оказались хорошими людьми, у них не было детей, может быть, поэтому они ухаживали за Евнеевом, как за своим ребенком, и он внес разнообразие в их жизнь.

В ту зиму мы зимовали на отгонном участке совхоза "Красноармейский", о чем я узнал позже, а в памяти осталось "Менгесер", по названию соленого озера, которое в период Великой Отечественной войны обеспечивало солью всю округу. Взрослые нашей семьи ухаживали за отарой овец. Кроме наших

двух семей здесь были еще две семьи, хозяин одной по имени Укмет, что в переводе на русский означает "власть", был старшим бригадиром.

Глубокой осенью мы расстались с Ибрай-ага, он со своей семьей уехал на родину, а две семьи, наша и Маутай-ага, остались жить в одной землянке. Еды было вдоволь, мама наша готовила вкусные, разнообразные блюда. Отец кроме работы по уходу за отарой охотился на зайцев, и мы отведывали свежую зайчатину. Однажды папа с охоты пришел удрученный. Известно, что зайцы зимой протаптывают тропинки по глубокому снегу и все бегают по одной тропинке. Отец ставил свои нехитрые петли на таких тропинках через определенное расстояние. В этот раз на одной из тропинок в заячью петлю влез волк, оборвал по тропинке все петли и унес. А материала для изготовления петель всегда не хватало.

Нас, играющих на улице детишек, во всем зимовье было двое, я да мой сверстник по имени Жукен, с которым мы всю зиму шатались в отаре. В отаре были и козы, а среди них большой, с согнутыми в хомут рогами черный козел, которого обучили верховой езде и на нем катались.

К Евнею никто не ездил, иногда от него получали хорошие письма, отвечал ему Маутай-ага, единственный более или менее грамотный в нашем зимовье. С наступлением лета Евней приехал в сопровождении Султангазы с женой. Они были, в том числе и мой брат, хорошо одеты. На Евнее был выглаженный темно-синий костюм, на брюках стрелка, как у тех родственников, которые прошлым летом приезжали из Челябинска. Фуражка под цвет костюма, белая сорочка завязана красным галстуком с блестящим зажимом. Все жители зимовья высыпали на улицу и бежали навстречу, я тоже бежал, но, увидев так одетого своего повзрослевшего брата, обомлел и растерялся. Вместо того, чтобы подбежать к нему и обнять, как все родные, я залез на металлическую бочку, валявшуюся здесь же, и глазел, как вместе с сопровождающими приезжими его обнимают. Только потом, когда сам Евней подбежал ко мне, стащил с бочки, начали обниматься, у нас потекли слезы: мы так соскучились за долгую разлуку.

В эту зиму он повзрослел, стал более степенным. Пересмотрев все его учебники, тетради, свидетельство об окончании третьего класса, дядя Маутай-ага рассказал всем о его успехах. Все присутствующие были довольны. Наша бабушка и отец одновременно воскликнули: "айналаин!".

Приехавшие новые родственники гостили у нас довольно долго. Они рассказывали о том, что Евней усердный, много читает, прочитанное пересказывает, третий класс закончил на "отлично".

После отъезда гостей Маутай-ага с одним из земляков откочевал на родину, бабушка уехала с ними, а там они присоединились к семье Ибрай-ага. Мы тоже снялись и уехали туда, где летовали прошлым летом, соединившись с земляками. Поселились на том же берегу озера. Многие наши прошлогодние шалаши сохранились и нуждались только в ремонте. Так почти повторилось прошлое лето. На зиму большинство обитателей этого места в ближайшем лесу соорудили землянки неподалеку от станций Макушино и стали зимовать. К этому времени у многих появились тягловые лошади, волю. Взрослые устроились работать, кое-кто нанимался со своими подводами. Детей школьного возраста отвели в совхозную школу. Я пошел в первый класс, а Евней - в четвертый. В школу надо было ходить вокруг озера, километра 3,5-4. До зимы всех детей, а нас было 7-8, возили на подводах по очереди родители, количество дней дежурства зависело от количества школьников, наш отец дежурил 2 дня подряд.

Я значился в списке, как это было принято у мусульман, - Арстанов, по имени отца, а Евней - Букетов, по имени деда. Учили нас две сестры: Анна Ивановна - учительница Евнея, Мария Ивановна - моя. Анна Ивановна была светловолосая, высокая ростом, а у Марии Ивановны волосы были смолисто-черные, обе имели по моде того времени короткую стрижку.

У моей первой учительницы был мягкий, спокойный, тихий голос. Я не помню ее раздраженной, когда кто-нибудь из детей шалил, она своей плавной походкой подходила и успокаивала шалуна, если шалость повторялась, брала за руку, уводила и ставила в угол у доски. После таких нескольких случаев мы вообще сидели тихо. Ребята-казахи были тихонями, так как все для нас было непривычно.

Видимо, Евней рассказал Анне Ивановне, что в первом классе учится родной брат. Однажды Мария Ивановна перед началом уроков спросила мою фамилию.

- Арстанов.
- Брат у тебя в четвертом классе есть?
- Да.
- Как его фамилия?
- Букетов.
- Почему разные фамилии?

На этом наш диалог закончился, так как я в то время весьма слабо владел русским языком, и, естественно, ничего вразумительного сказать не мог. Она молча взяла мои тетради и исправила. Так я стал Букетовым.

В том же году по первому снегу приехал наш Ибрай-ага и увез Евнея к себе, и мы стали жить и учиться врозь, встречаться только во время летних и зимних каникул. Времена, проведенные вместе, оставили неизгладимые радостные впечатления.

С наступлением зимы, после отъезда Евнея в школу ходить по льду озера стало намного ближе, нас перестали возить. На опушке леса поселилось много семей, более тридцати. Жили дружно и весело. Часто справляли какие-то национальные праздники, приглашали друг друга в гости (конакка). Мы, дети, тоже занимались помимо учебы, своим детским делом.

С весны все обитатели этого райского уголка, как казалось тогда, засуетились, засобирались. Делегация из трех человек, в том числе наш отец, куда-то съездили и о чем-то договорились.

В один из погожих дней поздней весны все погрузились и тронулись большой вереницей подвод. На второй, может быть, на третий день оказались на берегу реки Ишим у города Петропавловска.

Получили большие серые брезентовые палатки, которые установили с подветренной стороны тальников-кустарников, растущих вдоль берега реки. В этих палатках разместились по несколько семей, а отдельные семьи, в том числе и мы, жили в своих балаганах. После приезда на следующий день многие взрослые были уже на работе. Обустройством семей занимались после работы.

Работали на возведении дамбы. У кого было тягло, тем дали добротные брички, на которых возили землю на насыпь, у кого не было тягла, орудием труда служили их мускулы и штыковые лопаты, они занимались землекопами. Наш папа тоже на своей кобылице возил землю, одновременно доили эту кобылу, поэтому жеребенок плелся рядом, привязанный к оглобле.

На летние каникулы Ибрай-ага привез Евнея. Вскоре дядя уехал, оставив его. Он целое лето был дома, заменяя отца, работал на стройке. Работа заключалась в следующем: на бричке был сооружен разборный ящик из довольно крепких досок, подводу подкатывали к землекопам так, чтобы удобно было грузить землю, после погрузки грунт везли на насыпь,

там разбирали ящик, и земля рассыпалась. Так Евней провел целое лето, работая 3-4 дня в неделю. Я, безусловно, старался быть рядом, хотя от меня никакой помощи не было, разве только сбежать домой за водой или кумысом. Однажды, плетясь за бричкой, я как-то поскользнулся, упал, одна нога попала под заднее колесо брички. Добро бричка шла порожняком, и я получил небольшой ушиб. После этого случая Евней не брал меня на работу.

Перед началом учебного года приехал второй дядя Маутай-ага и увез Евнея в школу, а мы еще работали. Глубокой осенью сдали весь государственный инвентарь, рассчитались, погрузились и опять тронулись в путь. Многие отправились на родину. Несколько семей: Мукановы, Агатаевы, Амреновы, в том числе и наша, - тронулись на запад, вдоль железной дороги и снова оказались в ставшим родным для нас Макушинском районе. Отец здесь разыскал своих дальних родственников, живущих в местечке ОРС (отдел рабочего снабжения). Другие поселились на центральной усадьбе Макушинского зерносовхоза. Из старшего поколения тех людей сейчас никого в живых нет, многие остались на полях сражений, а мои сверстники Кабден, Еламан Мукановы, дети Агатаевых и потомки еще нескольких семей обосновались на постоянное жительство и живут по сей день. О них упомянуто в выше приведенных воспоминаниях Ж.Бектурова.

Отец всю зиму сапожничал, подшивал валенки, к весне тачал сапоги, чинил ботинки, мама шила одежду и спецодежду для рабочих совхоза, а также жителям окрестных деревень. В местечке, где мы жили, не было школы, поэтому мне пришлось ходить во второй класс, живя у знакомых на центральной усадьбе совхоза.

По окончании учебного года приехали дядя Ибрай-ага с Евнеем. Вскоре Евнея он оставил дома, а меня забрал с собой на родину. Причиной тому, видимо, были воспитательные цели: мы не должны забывать родных, отчуждаться от них. К тому же у обоих дядей в семьях не было детей. После прибытия на родину у Ибрай-аги за одну зиму умерли жена, двое детей, он остался один, у Маутай-аги умерли двое детей. Видимо, сказалась неустойчивость быта.

В этот приезд Ибрай-ага, я хорошо запомнил, долго уговаривал моих родителей вернуться на родину, прощаясь, он сказал Евнею, чтобы он до начала учебного года уговорил родителей переехать на родину. В том году так и случилось. Целое лето я был на родине, познакомился со многими

близкими родными, а ведь я всегда считал родными тех, с кем кочевали на чужбине.

В этот раз к началу учебного года домой к родителям сопровождал меня Маутай-ага. Он сумел за два дня уговорить наших родителей переехать на родину, которые сами об этом подумывали. Нас с Евнеем он забрал, чтобы мы не отстали от учебы. К этому времени у нас были еще двое братьев: Жартас и Шабден - будущие геологи.

Итак, мы приехали в Марьевку, где жили наши два дяди одной семьей. Евней пошел в свою школу, а меня определили в Марьевскую начальную школу до приезда родителей.

Во время пребывания на каникулах у родителей Евней не покладая рук помогал отцу в его хозяйственных делах: чистил двор, заготавливал дрова, сено. Семья наша переселилась в освободившуюся приличную землянку, которую тут же отремонтировали, мы неплохо подготовились к зиме - все это удерживало отца от переезда. Однако сработала хитрость дяди Маутая, который увез нас с Евнеем. Оставшись без нас, родители начали скучать и к октябрю приехали на родину.

Вскоре постоянным местом жительства отец выбрал село Двойники, расположившееся неподалеку от места зимовья наших далеких предков. Вступили в колхоз "Красная планета", внесли положенный пайвзнос члена колхоза - молодую кобылицу с полной упряжью. Она была от той самой кобылы, на которой мы уехали в глубь российских селений, и была мастью копия матери. В колхозе дали ей кличку "Волна". В будущем появился целый косяк лошадей, похожих друг на друга. Их так и звали - Арстанов косяк. Эти лошади составили костяк конепоголовья колхоза, немало из этого племени было мобилизовано на фронт.

Здесь я изложил то, что сохранила память о детских годах. Все это до сих пор перед моими глазами, видимо, у меня развита зрительная память. Я вспомнил нашу жизнь в восьмилетний промежуток, с лета 1930 года по осень 1938 года.

Не могу объяснить, почему наши родители постоянно переезжали с места на место и зимой и летом. Или же неустроенность быта, или же скудность жизни, или же просто привычка кочевому образу жизни. Живя в этих условиях, мы вообще не имели понятия, как сидеть за столом. Письменным столом для нас служил земляной пол, а стулом - собственный живот. Думаю, представляет читатель, какую позу занимали ученики, готовя домашнее задание. Евней, конечно, не был исключением. Отец мог бы смастерить стол. Но, во-первых,

отсутствовал материал, во-вторых, - и это главное, - возникли бы трудности в перевозке при переездах.

В колхозе

Жизнь в этой деревне пошла размеренным темпом. Здесь жили и были членами колхоза стародавние друзья отца, которые приняли его как родного, и еще две семьи родственников. Зимой квартировали у русских, а весной купили на окраине села, у опушки леса, недалеко от колхозной базы второй бригады избу-пятистенник, аккуратно обмазанную и побеленную, с надворными постройками. Отец ночью охранял колхозную базу с рабочим скотом, между делом сапожничал, а мама по-прежнему занималась, кроме домашних хозяйских дел, шитьем.

Отец наш был высок ростом, на его красивом лице выделялся прямой с горбинкой нос, карие глаза смотрели всегда строго и немного грустно. Говорил всегда ровным, спокойным голосом. Впечатление немного портила искривленная правая нога. В детстве юный Арстан пытался обездить молодую лошадь, она скинула его, и он сломал ногу, которая потом неправильно срослась. Отец виртуозно играл на домбре, которую смастерил сам, пел высоким серебристым голосом казахские народные песни. Отдельные куплеты остались у меня в памяти. И только сейчас по опубликовании произведений многих в свое время репрессированных поэтов стал узнавать, что это были песни на стихи М.Жумабаева, С.Сейфуллина, М.Дулатова и других, а тогда они выдавались за народные, но почему-то всенародно не исполнялись, и чаще всего, когда куда-нибудь сходили на телеге. Отец был мастер на все руки. Хороший сапожник, он мог делать также разные предметы домашнего обихода из дерева, кожи, кости и металла. Мне запомнились три вещи: четки, сделанные из рога с вкраплениями серебра, трость, инкрустированная корой березы с удобным оголовником из рога, костяной футляр для зубочисток. Все они были украшены затейливыми узорами из цветного металла. К Евнею отец относился как к равному. Да и на меня поднял голос всего один раз. Это было однажды осенью, когда отец узнал от кого-то, что я помог соседскому парню украсть седло у одного из гостей, приехавших к нам. А было это еще летом. Он пришел домой очень сердитым и два дня молча стегнул меня по спине и спросил высоким голосом: "Кто тебя научил воровать?" Этот случай запомнился мне на всю жизнь. С того дня я хорошо усвоил, что брать или даже помогать брать чужое

нельзя. Я думаю, что именно от отца к Евнею перешла неспешность, умение выслушать собеседника, рассудительность.

Наша мама, в отличие от нашего отца, была невысокого роста, полноватая, круглолицая, светлая, с маленьким курносым носом и зеленоватыми глазами. Шутливым характером представляла противоположность отцу. Но она так же, как отец, была мастером на все руки: шила, вязала одежду и шапки, за что ни бралась, все у нее спорилось в руках. Они с отцом постоянно советовались полупешотом, какую вещь как нужно смастерить, что из чего можно сделать и т.д. Как память о родителях я храню швейную машинку фирмы "Зингер", которая долгое время была нашей кормилицей. Мама могла иногда накричать на нас, особенно на младших сыновей, но быстро отходила. Лишь Евнею ничего не угрожало, он, как я выше писал, был на правах деверя, а не сына, поэтому часто остроумно шутил с ней. Традиции казахов в отношениях с родственниками мужа мама строго соблюдала до конца своей жизни.

Евней продолжал жить у дяди, приезжая домой только на зимних и летних каникулах. С его приездом в нашем доме царил веселье той. Его друзья русские, казахи, поляки, приезжали вместе с ним, собиралась деревенская молодежь, и шумною толпой не только веселились, но и находили работу каждый по душе: пилили дрова, вывозили навоз, скопившийся за зиму. Да мало ли дел можно найти на крестьянском подворье?

Вся трудовая деятельность Евнея во время каникул вызывала тихий протест бабушки, которая к его приезду обязательно перебиралась от своего младшего сына к нам. Евней был бабушкиным сыном и по казахскому обычаю называл нашу маму по имени. Бабушкина трепетная любовь к нему граничила с поклонением божеству. Ее верблюжонок, как она его называла, учился очень усердно, знал много, и она очень хотела, чтобы он хорошо отдохнул от утомительной учебы. Особенно счастлива была она, когда Евней в свободное от работы время или в ненастные дни собирал вокруг себя не только молодежь, но и аксакалов. Перед молодежью он декламировал стихи на русском и казахском языках или вместе с друзьями горячо обсуждал какую-нибудь прочитанную книгу. А зимние каникулы обычно посвящал пожилым людям, которые специально по вечерам собирались, чтобы послушать старшего сына Арстана. Евней читал им сказания о батырах и гордых красавицах из народного эпоса. Имена Козы-Корпеш, Баян-Су-

лу, Алпамыс, Кобланды-батыр, Кыз-Жибек звучали как красивая песня. Слушатели забывали обо всем, погружаясь в сказочный мир героев, и, сопереживая, могли и прослезиться, выразить свое негодование или удивление громкими возгласами. В такие вечера узкое морщинистое личико бабушки как будто разглаживалось и светлело, а ее светло-серые глаза, потускневшие от возраста, неожиданно прояснялись: как же, даже аксакалы с большим вниманием слушали ее "верблюжонка". *

Во время летних каникул Евней два-три дня занимался домашними делами, а затем шел к бригадиру колхоза Михаилу Козлову и просился на работу. Тот был рад помощи со стороны и приглашал на стан, находившийся в нескольких километрах от села. Евней пахал пары двухлемешным плугом, запряженным двумя парами волов. Погонщиками волов обычно были молодые девушки. Пока норма (1,2 гектара) не была выполнена, волов не распрягали. Итоги работы подводились ежедневно и на двух досках: фамилии перевыполнивших и выполнивших норму - на красной, а не выполнивших - на черной. Под ними обычно появлялись шуточные эпиграммы Евнея, где он восхвалял тружеников и бичевал лентяев. Конечно, это сопровождалось недовольством последних и появлением недругов у брата. Но его никто не трогал, потому что бригадир (в народе его называли Мишка-беспалый: у него не было указательного пальца) слишком уважал Евнея, несмотря на его молодость. После окончания пахоты паров начинался сенокос. Здесь старшие ребята, вроде Евнея, садились на сенокосилки, а младшие, примерно моего возраста, - на лошадь, за которой шли волы, впряженные в сенокосилку. На такой работе и я проработал около трех лет. Если бы сохранились документы колхоза "Красная планета", то, наверное, можно было бы узнать, сколько трудодней заработал Женя Букетов (так звали его в нашей деревне) за летние каникулы 1939-1940 годов.

Главной особенностью брата в те годы было то, что его постоянно можно было встретить с книгой. Об этом вспоминают его школьные товарищи. Так, И. Белетченко пишет: "Евней в школьные годы много читал. Круг его интересов был довольно широк: он зачитывался художественной литературой, не пропуская исторические романы и исследования, часто видели в его руках книги по естествознанию и технике. За чтением нередко забывал про домашние задания, выручала хорошая память. Быстрее других писал сочинения, решал задачи..."

* "Верблюженок" - ласковое обращение.

А вот что вспоминает Е. Корпич: "Евней шел по школе на два класса ниже моего выпуска, но по своему умственному развитию был выше некоторых старшекласников и любознателен. Помнятся его прямолинейные и смелые выступления на комсомольских собраниях. Тогда в районе была единственная русская средняя школа в Марьевке. Ребята из других сел, кончая семилетку, доучивались в Марьевской средней. Многие из них были переростки. Они жили на частных квартирах и считали себя взрослыми, проявляли леность в учебе. О таких ребятах и рассказал на одном из комсомольских собраний Евней. Тогда обидчики подкараулили его вечером и попытались запугать. Но на ближайшем собрании Евней поднялся и снова рассказал об этом инциденте. Четверо против одного. Пристыженные, они сидели молча и больше не пытались пугать его, который был меньше ростом и младше их годами".

Здесь уместно будет привести полностью воспоминания Екатерины Татарниковой: "С Е.Букетовым мне довелось учиться в Марьевской средней школе в 1937 году в пятом классе. Сидели мы с ним за одной партой в течение года. Очень развитой, не по годам смелый и в то же время обыкновенный с виду мальчишка - таким я его запомнила. Самым примечательным в Жене, как мы его все звали, были, конечно же, его исключительные, феноменальные способности. Кстати, это обстоятельство порой оборачивалось против самого вундеркинда. Вступить в спор с учителем и одержать победу для Жени ничего не стоило. Не каждому учителю такие дискуссионные выпады юного эрудита были по душе.

Сейчас уже не помню конкретных ситуаций, но знаю, что конфликты с педагогами привели даже к тому, что Женя был вынужден оставить школу и сдавать экзамены экстерном.

Хочу особо подчеркнуть, что каких-либо признаков зазнайства, кичливости в характере Жени абсолютно не было. Он охотно общался со сверстниками, брал под защиту девочек. Это его "рыцарство" в том возрасте, когда мальчишки, как правило, бывают не в меру ершисты и задиристы, особенно приятно вспоминать. На переменах он охотно играл с детьми в мяч, другие подвижные игры. Как сильного ученика его нередко закрепляли за слабоуспевающими. И не было случая, чтобы Женя отказался кому-нибудь помочь.

Отличительная черта его характера - человеческая доброта. Уже в шестидесятые годы, оказавшись по личным делам в г.Алма-Ате, я имела случай убедиться в этом. В ту пору имя Е.Букетова было уже широко известно в ученых кругах. Помню,

взяв телефонный справочник, случайно наткнулась на фамилию Букетова. "Позвоню", - мелькнула по-детски озорная мысль. Почти не надеясь быть узнанной, спросила:

- Женя, здравствуй, ты меня узнаешь? Я Катя Бахтий, помнишь такую?

- А как же? Ведь мы с тобой целый год за одной партой сидели! Слушай, Катя, приезжай ко мне прямо сейчас, я хочу угостить тебя, вспомним детство...

И такая в его голосе неподдельная радость звучала, что у меня слезы на глаза навернулись.

Не смогла я воспользоваться радушием и гостеприимством своего одноклассника, прийти в гости не позволило в тот день здоровье, а позже я постеснялась отвлекать от дел столь занятого работой человека. Но теплые воспоминания о Евнее Букетове я храню и по сей день".

Однажды он приехал из Марьевки на зимние каникулы и привез кожаную сумку, наполненную бумагами. Точно не помню, в каком классе он тогда учился: в 7-м или 8-м. Оказывается, он перевел на русский язык уже почти полкниги С.Муканова "Загадочное знамя" ("Жұмбақ жалау"), которая позже вышла под названием "Ботагоз". Деревенская молодежь интересовалась его переводами, он им прочитывал страниц десять и выпроваживал, умоляя не мешать ему. Этот его труд пропал бесследно. Однажды я спросил Евнея, где же этот перевод. Он засмеялся, сказав, что это был детский лепет. Но это был труд, и притом творческий.

Встречаясь в последние годы с оставшимися в живых учителями, школьными товарищами и одноклассниками брата, осмысляя их воспоминания о его школьных годах, я убеждался в том, что во время учебы в Марьевской школе шло становление его характера, накопление знаний, которые он черпал из книг и из уст учителей. Очень уважал знающих учителей, а при общении с незнающим терял интерес к нему как к человеку и обращался только к книгам. Он был лучшим учеником как в области гуманитарных, так и точных наук. Он постоянно анализировал педагогическое мастерство учителей, делая выводы для себя, так как он часто объяснял материал по каким-то предметам своим товарищам и мог применить какие-то свои приемы. Об этом и о многом другом рассказал при встрече первый директор Марьевской школы Иван Антонович Трофимов, о котором Евней очень тепло вспоминает в своей автобиографической повести "Шесть писем другу".

Как-то Евней рассказывал: однажды в седьмом классе за отличную учебу его наградили двумя метрами сатина. Он принес материал дяде Ибраю. А Ибрай-ага, гордый тем, что его племянник получил награду, не позволил сшить из него что-либо, а повесил в передний угол. И Евней удивлялся педагогической прозорливости дяди, так как этот кусок материала дисциплинировал его больше, чем какие-либо слова, и ему становилось совестно уже при мысли, что он не оправдывает надежд дяди.

Педагогические наблюдения Евнея пригодились ему, когда в 1941 году после окончания девятого класса его в числе лучших учеников направили учителем в одну из сельских школ района. За год его перебрасывали несколько раз из одного села в другое, видимо, потому, что учителя уходили на фронт. В то время он работал и в райкоме комсомола.

В годы учебы в средней школе Евней принимал активное участие не только в комсомольской жизни, но и в школьной художественной самодеятельности, наизусть декламировал А.Пушкина, В.Маяковского, многих других поэтов и писателей. Его школьные товарищи свидетельствуют, что Евней ставил пьесы, являясь сам режиссером и актером. Так, в 7-8 классах поставил маленькую трагедию А.Пушкина "Каменный гость", одновременно исполнив главную роль Дон Гуана. Потом перевел пьесу на казахский язык и ставил сцены в родном ауле. Эту традицию он не оставлял и с возрастом, будучи профессором, академиком. Но об этом позже.

В военное лихолетие

После смерти отца в декабре 1942 года забота о семье легла на плечи Евнея. Нас осталось пятеро братьев, самому младшему было менее двух лет. Настало время думать, как выжить и действовать. Вот как вспоминает об этом Евней в одном из последних писем самому младшему брату: "1943 год. Весна. Видимо, месяц март. Отец умер 9 декабря 1942 года. Все свои запасы без остатка израсходовали на поминки, обеднели до нищеты, ибо "покойник богатого разоряет, а бедного оголяет".

Покойная Бальтай (наша мама) без оглядки, все, что было вложила на поминки. Не смогла содержать красную корову - пала весной. То же случилось с серой кобылой. Я учительствовал в соседнем селе Ольгинке, в месяц получал паек около пуда зерна - вот все, что было на всю семью для существования, и по талонам давали кое-какую одежду. На один талон я для

тебя купил маленькие ботинки и принес домой "Ой, мой пороненок, - сказала Бальтай, - зачем купил ботинки, лучше бы материал на рубашку... Все же решил испытать себя, тебе было 2,5 года, не ходил, ножки тоненькие (питание полуголодное), взял тебя на колени и на твои ноги обул ботинки. Не успел завязать шнурки, ты начал восклицать "Эй-эй-эй!" С радостью сполз с моих колен, встал на ноги и начал, покачиваясь, шагать. У покойной Бальтай потекли слезы, она начала плакать навзрыд, а вместе с ней и я заплакал. До сих пор помню, это были слезы радости за твою радость... Поэтому сразу прекратилось у нас сожаление, что не купил материал на рубашку. К тому еще тетя Ждрук пришла к нам и начала ворчать: "Какой мальчик, живущий с здравствующим отцом, обул такие ботинки..."

Теперь лето того же года. Пятнадцатилетний Камзабай с раннего утра до заката плетется за колхозным стадом, к тому же полуголодный, на ногах признаки обуви. Встает до восхода пошелся на базу. Я уже учительствовал в Двойниках. Встал и пошел в лес. На огороде без ограды пасется скот. Пока нарубил и отсучковал жердей, перевалил день за полдень. Еле передвигая ногами, добрался до дома. Покойная Бальтай приоткрыла для меня немного ірімшік (творог), укрыв тряпкой, показала мне и сказала: "Иди покушай", - а тебя, Шабдена и Жаркена домой не стала пускать. А вы, несмотря на все ее лайреты, предчувствуя, что буду кушать, от дверей не отходили. Я не успел ложку в рот взять - все трое ворвались и подбежали ко мне. Короче, все, что было, скушали вчетвером. "Эй, эти кутята, когда ворвались?" - с этими словами Бальтай начала разносить их. Итак, усталый, голодный, придя домой, притворившись сытым, свалился на кошму. А мама сама постоянно ходит и трудится дома полуголодная, а то вовсе голодная. На нас частенько ворчит: "Этих никогда не насытишь".

Студенческие годы. Покойная Бальтай вдвоём с Камзабаем иногда присылают посылки. Я масло не ем, несу на базар, на вырученные деньги покупаю чай, посылаю домой. В одной из таких посылок в масле завелись толстые черви, видимо, не посолили (помнится, это была осень 1947 года). Масло поставил на электроплитку, растопил, доведя до кипения, топленку продал на базаре. Опять купил чаю и отправил домой. Если так не делать, положение очень тяжелое. Месячный заработок Камзабая 300 рублей, и я получаю стипендию 300 рублей. Мать шьет одежду и чаще всего бесплатно, иногда кто-нибудь, если отблагодарит, то всегда довольна, что много заработала.

Знаю такую натуру матери, знаю домашнее положение, что не так уже хорошо, но Камзабай постоянно в своих письмах расписывает, что житье райское, все в достатке, этим он поддерживает меня. Во время летних каникул после в орого курса накосили сена, сложили в поле в скирду и оставили. Зимой при перевозке у Камзабая отобрали все это сено (один родственник, он был активистом в колхозе). У Камзабая мук не меньше было, чем у меня, чтобы как-то прокормить Вас. Какие бы трудности ни испытывал, ни разу не помянул: "прерви учебу". Короче, до середины пятидесятых годов наша жизнь была тяжелой...".

Как видно в приведенном из письма отрывке, мы немало хлебнули. Чем только ни приходилось заниматься! Кроме пастушества я сапожничал, плотничал, платили кто чем мог. Вот когда пригодились те уроки ремесла, которые преподавал когда-то отец, пригодились, конечно, и его инструменты. Но мне надо было учиться, поэтому я стал жить у Ибрай-ага и продолжал учебу в той школе, где раньше учился Евней. Брат, приезжая в райцентр по служебным делам, обязательно заходил в школу, справлялся о моих успехах и советовал мне, какие книги читать. После зимних каникул в начале 1944 года его перевели в начальную школу села Двойники, куда сам напросился, чтобы быть вместе с семьей, т.е. с мамой и тремя малолетними братьями. Там проработал до конца учебного года, совмещая учительство с работой в первичной комсомольской организации колхоза. Весной вместе с коллегой-фронтовиком, у которого была лошадь, пахали колхозникам огороды однолемешным плугом, впрягая лошадь фронтовика-инвалида, а за плугом шел Евней, т.е. они вдвоем организовали маленький кооператив. Платили по возможности, без торгов. Вспахал и себе огород, посадил картофель, весной отремонтировал ограду, чтобы скот не пасся на огороде, летом накосил сена и сложил в приличную скирду возле дома, вычистил двор и привел в порядок надворные сооружения. В общем, хорошо подготовил к зиме наше маленькое крестьянское хозяйство. В сентябре мне сообщили, чтобы я приехал домой на два-три дня. Я прошел пешком километров тридцать и появился дома. Евней сказал мне, что мы переезжаем в родной аул Баганаты, где жили наш младший дядя Маутай-ага и другие близкие родственники. К моему приходу Евней с мамой уже выкопали картошку, скирду сена поменяли на теленка, избу тоже на что-то поменяли. Евней съездил в Баганаты, попросил в колхозе подводу, пригнал домой. Стояли дни бабьего лета. Утром

погрузили весь свой скарб: сначала картофель, потом домашнюю утварь, сверху соорудили площадку-сиденье для мамы и братишек. В телегу впрягли двух лошадей, сзади привязали корову с телятами и приготовились в путь. Полсела пришли провожать: близкие соседи Рассохины, Субботины, Дроботовы и много других односельчан. И они, и наша мама расстроились до слез, было жалко расставаться с такими хорошими людьми. Вся семья, кроме меня, разместилась на телеге, я пошел пешком, подгоняя корову с телятами. Когда выехали за деревню, Евней остановил подводу, сошел сам, посадил меня на свое место и сказал: "Трогай". Кони шли мерным шагом, а ехали по той самой дороге, по которой в довольно далеком тридцатом впервые тронулись с насиженных мест в поисках лучшей доли в жизни. Перед моими глазами ожили родные скалы, но они уже были ниже тех, что запомнились в малолетстве. Приехали в тот же аул.

Когда до Баганаты осталось 1,5 - 2 км, по воле Евнея мы снова поменялись местами. Въехали в аул. Он как глава семьи правил лошадьми, остальные все на подводе, только я пешком плелся, подгоняя корову с телятами. Вспоминая, я думаю, что причиной такого поведения послужила одна понравившаяся брату девушка, и он решил показать себя хозяином дома...

Аульчане радушно встретили нас. Сначала мы обосновались в довольно просторной землянке Маутай-ага, а к зиме, благодаря настойчивости Евнея, у нас был собственный угол: землянка с небольшим подворьем скота. Евней работал в русской семилетней школе в восьми километрах от Баганаты. Я как-то не задумывался, почему же наша семья, бросив обжитый дом, с хорошей подготовкой к зимовке, пересекла в Баганаты. И только после смерти брата, размышляя над событиями тех лет, пришел к открытию, которое никогда не приходило мне в голову: война шла к победному концу, поэтому он решил ехать учиться. Вся затея с переездом, срочным сооружением жилья - все было подчинено одной мысли: не оставить нас далеко от родственников с надеждой, что не дадут голодать. И его надежды осуществились. В это время ему не было и двадцати лет.

Весной 1945 года он неожиданно появился у Ибрай-ага, где после окончания семилетки я жил и работал в одном из учреждений района. Приезд его оказался не случайным. Он привез целый мешок (именно мешок) учебников, решив сдать экстерном экзамены за 10 класс, а затем ехать в Алма-Ату для поступления в институт. Заветная мечта его сбылась,

аттестат он получил, какие оценки там стояли, я не помню. Этой школе недавно постановлением правительства республики присвоили его имя, и теперь это средняя общеобразовательная школа №2 имени академика Е. А. Букетова.

Все родственники, в том числе властный Ибрай-ага, ставший после смерти отца нашим главным покровителем, и наша мама поддержали его. Мама приговаривала, потихоньку утирая слезы, чтобы обязательно ехал. Она выполняла завет отца - дать детям образование.

В поисках знаний

В середине июля Евней с аттестатом в кармане уехал с одним из своих друзей в Алма-Ату. Перед отъездом, исполняя все обычаи предков, прощаясь, заходил в каждый дом, отведывал кусочек съестного (дәм тату), кланяясь перед старшими, дольше задерживаясь у аксакалов и т.д. Об этом подробно написано им самим. Одет был он в простенькую ситцевую сорочку синего цвета, сшитую мамой, старенькие солдатские брюки-галифе, растоптанные сапоги, сшитые мною. Вместо чемодана взял солдатский вещмешок, добро, в это время возвращались солдаты, в руки - фуфайку, сшитую мамой из разных кусков материи, и отправился в поисках знаний. Ничто не могло его остановить: ни отсутствие достаточных средств, ни то, что на проживание в Алма-Ате, но даже и на дорогу, не было средств, ни малолетние братья, - так велико было его желание учиться. Старшим в семье остался я, не достигший семнадцати лет, без специальности. Многие аульчане осуждали его: не думает о семье, совсем замечтался, учась в русских школах. Но жизнь показала обратное. Получая образование, Евней думал о будущем своих родных и близких. Следуя за ним, мы, младшие, все получили высшее образование.

После первого курса института он приехал летом на каникулы. На нем была военная гимнастерка из дорогого материала, подпоясанная широким офицерским ремнем, хорошие офицерские брюки-галифе, хромовые сапоги, в руках - чемодан, в общем, был во всем добротном по тому послевоенному времени. Оказывается, один из его довоенных друзей, фронтовик-офицер Каиржан Рыспаев, был проездом в Алма-Ате и, увидев, во что одет Евней - студент высшего учебного заведения, выделил все это из своих армейских запасов. Когда брат собрался обратно в Алма-Ату, оставил мне гимнастерку, брюки и ремень. Я долго носил их, и конечно, только по праздникам. А сам он в чем уехал? Не помню.

В те годы почему-то у нас не задерживались домашние животные, всегда с ними что-то случалось, и мы оставались без кормильцев. Вместо павшей коровы дядя Маутай-ага подарил телочку, которая опять стала нашей кормилицей. Мама сепарировала молоко, сбивала масло и собирала для посылки Евнею, а из обраты делала айран или иримчик, кормила нас. Посылки из Северного Казахстана в Алма-Ату шли тогда полтора - два месяца, поэтому мама собирала такие продукты, которые не портились. Иногда все же, несмотря на все наши старания, посылки он получал с подпорченными продуктами, но об этом никогда не писал и, бывая на каникулах дома, не рассказывал, чтобы не испортить наше настроение. Евней со своей стороны, получая посылки, думал о том, как бы нам чем-нибудь помочь, что-нибудь выслать, чаще всего чай. А мы этот чай обменивали на другие продукты, а иногда, случалось, наша мама раздавала его родным и знакомым, чтобы похвастаться: вот какой стал ее старший сын, присылает дефицитный товар.

Да, это было так, пока он не стал подрабатывать. Первым приличным его заработком был гонорар за перевод повести И.Василенко "Артемка". Перед нами уже не стояла проблема, как прокормиться. Приезжая на каникулы из института, брат старался помочь подготовиться к зиме, кроме того, ездил по деревням района, читал лекции, нередко читал и в клубе райцентра, куда старались попасть и мы. Часто появлялись его статьи и очерки в республиканских газетах. Он много переводил. Это были произведения русских и зарубежных классиков. Кроме того, он подрабатывал на поденнице - разгрузке и погрузке вагонов на железной дороге, перевозке вещей пересезающих с квартиры на квартиру или отъезжающих после войны эвакуированных, которых немало было в Алма-Ате. Чем только ни приходилось ему заниматься, чтобы прокормиться и нас поддержать!..." В годы учебы многие студенты испытывали большие недостатки по карточкам. Пищу мы сами готовили в общежитии, и это нам давало какую-то экономию. В первый год мы жили на улице Калинина над каким-то учреждением. В одной комнате жили по 30-40 студентов, кровати были двухъярусные, столов вообще не было, так как негде было ставить, ухитрились разбиться группами и по очереди готовить обеды, ужины и т.д. Евней был не приспособлен к такой жизни, т.е. не умел готовить, он всегда просил нас: дайте любое другое поручение, но не корпеть над электроплитой". Так вспоминает те студенческие годы один из

его лучших друзей О. Нурекин. Преодолев все трудности, в 1950 году брат закончил Казахский горно-металлургический (ныне политехнический) институт. После окончания остался в этом же институте продолжить учебу дальше, как он написал нам в письме. Для нас и для родственников было непонятно, что это за бесконечная учеба. Без особого энтузиазма и радости оставшись в целевой аспирантуре, прокорпев в лаборатории более года и не добившись особых результатов в своих исследованиях, Евней почувствовал какую-то усталость и даже отвращение к лабораторным опытам. Охватило равнодушие ко всему. Как он сам пишет, потянуло в родные края, к матери, к братьям, в свой аул. Он обратился к своему руководителю профессору Понамареву В.Д. и тот без упреков и лишних слов разрешил ему взять отпуск, посоветовав при этом отдохнуть до тех пор, пока не потянет снова в лабораторию.

И вот родной аул. Приехал не тощий студент, а порядком раздобревший аспирант, и этим произвел на нас, родственников и знакомых, почтительное впечатление. К тому же он приехал не с пустым чемоданом, как раньше, а с подарками семье, близким. На наше любопытство, что такое аспирант, популярно объяснил, что теперь учится, чтобы учить таких студентов, каким сам был недавно, т.е. по окончании будет старшим учителем.

Евней ничуть не изменил своему традиционному поведению. Немного побыл дома, несколько дней поездил по аулам, где жили наши многочисленные родственники и его друзья (в этот приезд, я заметил, районные руководители с готовностью представляли ему транспорт - сытых лошадей, впряженных в легкий ходок с коробом, удобным для сиденья, сплетенным затейливыми узорами из лозы). Посетив и проведая почти всех, ибо он более двух лет не был на родине, брат вернулся домой.

На второй день вместе с дядей Ибрай-ага, как всегда, собрался на сенокос. Помнится мне, этот выезд был у них последним. Поехали они в телеге, доверху нагруженной жердями для шалаша, косами, лопатой, другой утварью, одеждой, постельными принадлежностями, инвентарем для возделывания кумыса - напитка, придающего силу, словом, всем тем, что необходимо для жизни на сенокосе. Место, где мы ежегодно косили, находилось в каких-нибудь шести-семи километрах, но дядя наш собирался обстоятельно, как будто выезжал за сто верст, ибо он считал, что во время сенокоса не к чему мотаться в аул и отрываться от дела. Приехав на ранее выбранное место на берегу старицы Узун-Карасу,

поставили шалаш, обосновались надолго. На этом уголке нашей любимой старицы есть песчаный бережок. Там любила прохладиться в жаркие дни серая кобылица дяди, спустившись по некрутому откосу и войдя чуть ли не всем телом в воду. Место было пригожее и нам для купания, а плавать Евней очень любил. Об этом последнем сенокосе он часто и тепло вспоминал, особенно когда встречался со своими друзьями и с молодежью. Видимо, вот почему: "...подробности, - писал он впоследствии в своих автобиографических заметках, - воскресают перед моими глазами во всех деталях, может быть, потому, что они теперь никогда не повторятся не только для меня, но и для других поколений. Поехал я недавно в аул, моих лугов нет, но есть безбрежные поля, густо заросшие сеянными травами, по этим полям ползает большая машина, похожая на громадного паука, аккуратно стрижет поле и выбрасывает кирпичики спрессованного сена. Кто же теперь после этого будет ходить с дедовской косой за плечами".

К концу третьей недели жизнь на сенокосе, приятно разнообразная, с выездом в соседние аулы, рыбалкой, купанием в старице, беседами с наезжавшими к нему и к Ибрай-ага друзьями и товарищами, вдруг показалась ему малозначительной по сравнению с тем, что оставил там, в институте, в лаборатории. Вот как вспоминал он в тех же заметках: "...Купался я однажды в старице, испытывая то особое внимание, которое, наверное, знакомо лишь человеку, всхрипнувшему часок-другой после напряженного трудового утра, спрятавшись от полуденной жары в прохладном шалаше, и затем тут же попавшему в бодрящие объятия мягкой старичьей воды. Помню, как плавно, осторожно вынырнув из воды, я, следуя "мудрому" совету Кузьмы Пруткова, с улыбкой стал считать круги, расходящиеся от меня. И вдруг, именно в этот момент водяные круги отодвинулись от меня и обступили мои химические уравнения и формулы, и с этого мгновения они не покидали меня, возвращаясь все чаще и чаще... С этого дня потерял всякий интерес и к сену, к жизни на сенокосе, которой с упоением наслаждался..."

Задержавшись немного, чтобы помочь заскирдовать скошенное сено в круглые скирды-чучаки, он быстро собрался и уехал в Алма-Ату. Это был последний приезд до защиты кандидатской диссертации и последнее занятие крестьянским трудом. Хотя он ежегодно приезжал домой на родину, необходимость заниматься ему подобным трудом полностью отпала, так как подросли младшие братья.

Дней через десять после памятного купания он оказался в полуподвале лаборатории. Дела у него пошли лучше, и через полгода появились желанные результаты. Творческие работники знают, как неповторимы радости их труда. И так продолжалась аспирантская жизнь, работа над кандидатской диссертацией. К концу третьего года обучения его шеф, суммируя полученные им научные данные, нашел, что пора поставить точку и оформлять диссертационную работу.

Следующим этапом были доклады на научных конференциях, на кафедрах по профилю, одним из главных был доклад на кафедре Московского института стали и сплавов и на техническом Совете крупного химического комбината. Всюду он получал положительные отзывы о своей работе, хотя сам был ею недоволен, так как понимал, что многое недостаточно изучено, что на многие вопросы еще надо искать ответы. Несмотря на свои сомнения, получив поддержку и на производстве и в научных кругах, он подготовился к защите диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук. Читателя, наверное, интересуется, над чем он работал. Я этого точно не могу сказать, тема его диссертации была секретной, тогда называли "закрытой". Позднее я узнал, диссертация была по молибдену, он защитил ее летом 1954 года и получил ученую степень кандидата технических наук. После защиты остался в институте и продолжал работать на родной кафедре под руководством своего любимого профессора Виктора Дмитриевича Понамарева ассистентом, доцентом, не оставляя при этом научно-исследовательские лабораторные работы по тем замечаниям, которые были высказаны учеными институтами, производственниками, а также в частных беседах при предзащите и защите диссертаций.

Чтобы ярче представить его в те довольно молодые годы, ненадолго прервем рассказ о его научной деятельности.

Увлечение

Мне нередко задают вопрос, как Евней выбрал профессию. Если я скажу, что он всю жизнь мечтал быть ученым-металлургом, то я скажу неправду. Я уже писал, что ему одинаково легко давались и естественные и гуманитарные дисциплины. Этот вопрос был ему задан на одной из встреч в Карагандинском университете. Тогда он ответил следующими словами: "...Когда я ехал в столицу Казахстана на учебу, мечтал о карьере учителя языка и литературы, но в тайне от себя - о карьере писателя. Хотел поступить в филологический факуль-

Наша мама.

Школа, где учился в 4-ом классе Евней, с. Марьевка.

Евней - ученик 7 класса.

Учитель Городецкой неполно-средней школы, 1945 год.

А. И. Тарасова — первая учительница
Евнея. Фото 1935 года.

Учащиеся 9-го класса Марьевской СШ. Первый справа стоит Евней.

И. А. Трофимов — директор
Марьевской средней школы.

Во дворе с детьми.

Родовое кладбище. Евней с Маутай-ага, детьми Мажитом, Рашитом и племянником Габитом у надгробия родителей.

С соседом Хамитом Ахмединым и другом А. И. Перевертуном в часы отдыха у подъезда дома.

С дочкой Акслу и племянницей Акслу приехал на новогодний утренник в коллектив Камзабая, 1962 год.

За интересной беседой с писателем Ж. Бектуровым.

Главный редактор журнала «Знамя» Вадим Кожевников берет интервью у ректора КарГУ Е. А. Букетова, присутствует секретарь парткома М. К. Смагулов.

З. Д. Ундасынова — жена Е. А. Букетова.

В минуты отдыха после работы.

Разбор сложной темы в КарГУ.

В цехах Казахстанской Магнитки. На переднем плане В. К. Акулинцев (в шляпе) — первый секретарь Карагандинского обкома партии. Д. А. Кунаев — первый секретарь ЦК КП Казахстана, второй справа (в кепи) Н. А. Назарбаев, на заднем плане второй слева Е. А. Букетов — директор ХМИ АН Каз. ССР.

Участники выездной сессии АН Каз. ССР. На переднем плане слева направо: К. И. Сатпаев, В. В. Гурба, Ш. Е. Есенов и Е. А. Букетов, г. Джезказган, 1962 год.

Среди своих учеников-аспирантов в ХМИ АН Каз. ССР.

С дочерьми Акслу и Даляпраз.

С друзьями: слева С. Х. Тлеубаев, справа А. К. Кусайнов и сыном Рашитом в Алма-Ате.

Выбор площадки под строительство университетского городка с участием М. И. Имашева — секретаря обкома партии — в центре, Н. О. Тулепова — председателя Карагандинского горисполкома, Е. А. Букетов в белых сорочках с другими заинтересованными лицами.

Митинг на закладке фундамента первого здания университетского городка. У микрофона народный поэт Казахстана А. Тажибаев.

На Ленинском субботнике среди студентов физического факультета с деканом Ж. С. Акылбаевым.

В лаборатории ХМИ консультирует аспирантов.

Е. А. Букетов и проректор по науке Э. М. Мулдакметов, на заднем плане К. Ж. Жусова — декан исторического факультета. На открытии археологического музея КарГУ.

Дядя Ахмадия и его жена Балду в день юбилея — 50-летия
Евнея.

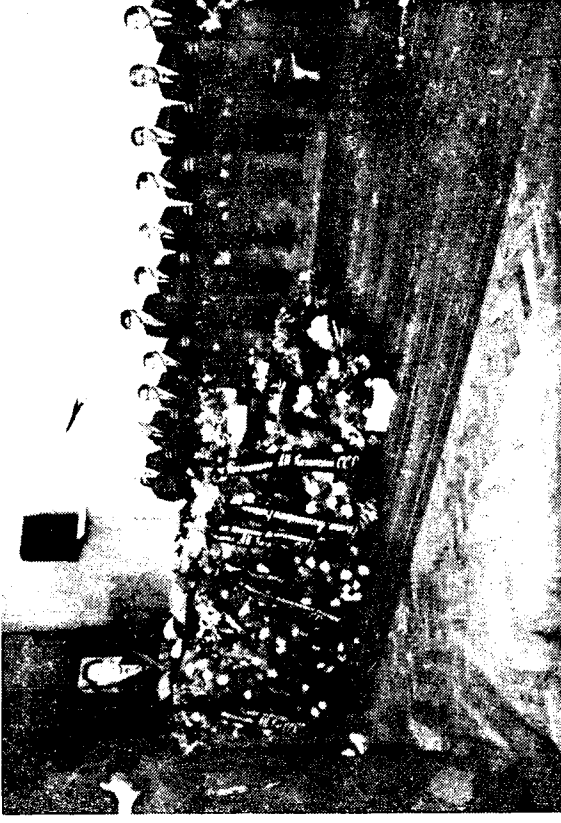
В день торжеств — 50 лет, среди снох.

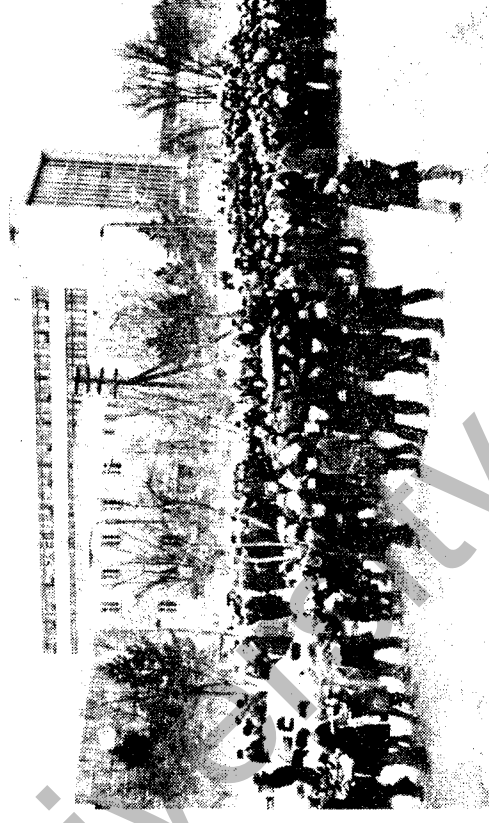
Домашний рабочий стол в день смерти. Часы показывают время кончины, утром.

Родственники у гроба.

В почетном карауле руководители Карагандинской области.

В последний путь.

Траурный митинг у могилы. У микрофона председатель комиссии по организации похорон, зам. председателя облисполкома О. Ш. Шакиров. Выступает Ж. Н. Абишев.

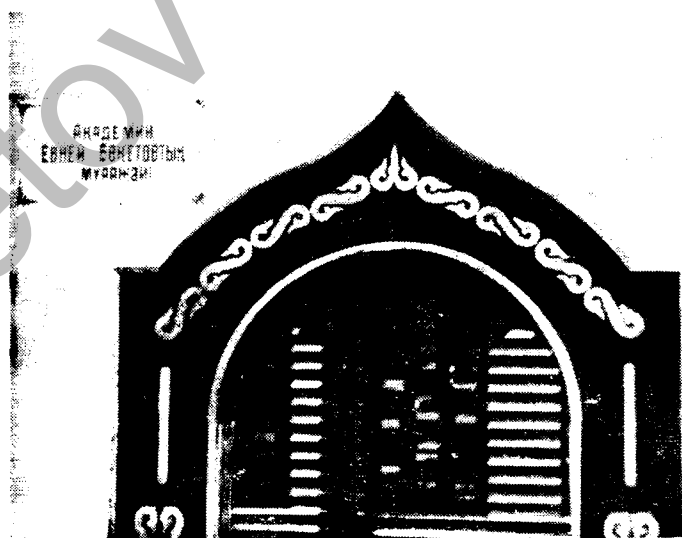
У мемориальной доски на фасаде главного корпуса ХМИ брата Е. А. Букетова - слева направо: Шабдан, Камзабай и Жартас в день открытия.

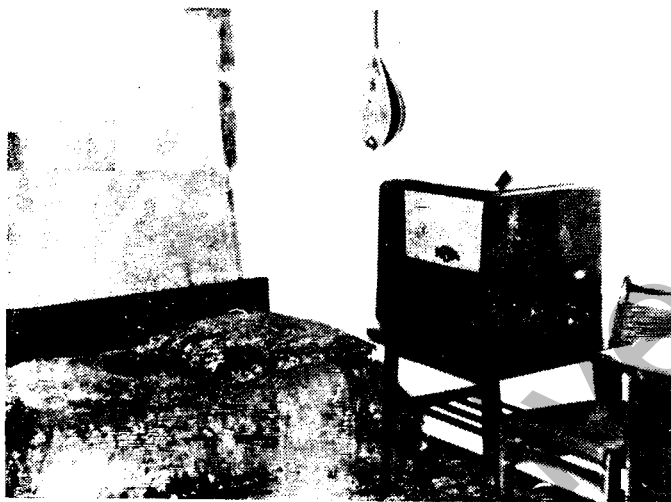
Надгробный памятник из красного гранита. Исполнители: заслуженный деятель искусств Каз. ССР скульптор Ю. В. Гуммель и архитектор А. Б. Титарев, 1984 год.

Уголок Сергеевского районного историко-краеведческого музея, Северо-Казахстанская область. Минута молчания перед портретом Е. А. Букетова 23 марта 1990 года. Первый справа - школьный товарищ В. Д. Кузнецов - директор музея.

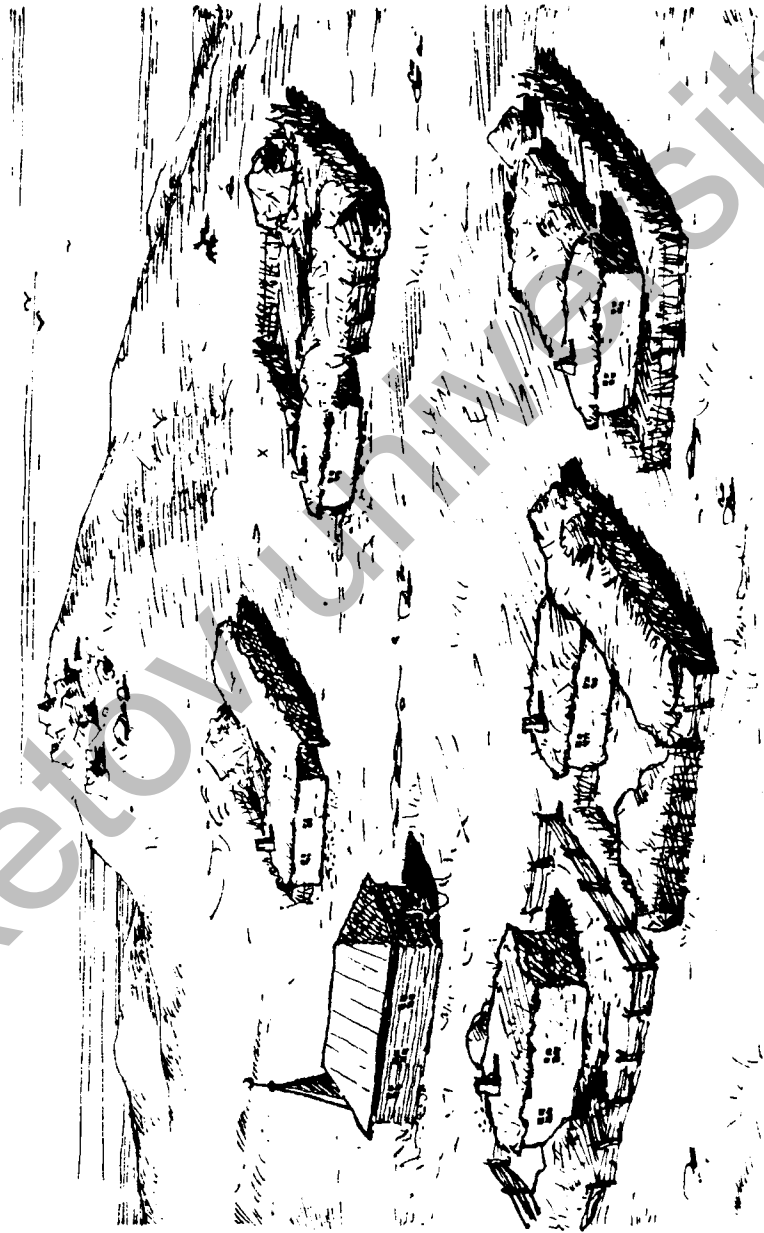
Вход в музей академика Е. А. Букетова.

Экспонаты музея

Экспонаты музея.

Зимовье аула Альпкаш у мечети, где родился Е. А. Букетов.
Воспроизведена со слов К. А. Букетова Динара Сулейменова.
x - изба родителей Евнея.

вет. Но по подсказке друзей решил, что литературой можно заниматься везде и всегда, из-за материальных соображений (стипендия была в 2 раза выше) сдал документы в горно-металлургический институт, имея весьма смутное представление о специальности металлурга". В его повести "Шесть писем другу" главный герой схож своей судьбой с автором. Находясь в стенах института, Евней начинает вращаться в кругах работников литературы и искусства. Об этом свидетельствует эпизод из воспоминаний народного писателя Казахстана Абдильды Тажибаева в книге "Запомнившиеся": "Если память не изменяет, было это в июне 1947 года. Мы, с десяток писателей, собирались с семьями и поселились высоко в горах в доме отдыха Совмина и заняли отдельные небольшие дачки. Начальный период прошел приглашениями в гости друг к другу, так как за зиму мы редко общались, а позднее стали собираться только по воскресеньям, каждый был занят своими делами. В один из таких воскресных дней: - Вот летовка старшего брата, - с такими словами услышал голос Шахмета Хусайнова. Вошли Евней Букетов и Шахмардан Есенов. Обменялись рукопожатием и приветствиями, я пододвинул им стулья. - "Вот два студента-великана, специально шли, разыскивая тебя. Один твой шурик, а второй брат, пиши расписку, что принял в целостности-сохранности сын Тажибая". - Шахмет удалился, не стал задерживаться, куда-то торопился... ...Я посмотрел на часы и встал:

- Пойдемте со мной, джигиты, вы меня сегодня выручите от одной обязанности.

- Драки нет ли? - спросив, встал с места Шахмардан.

- Я готов на все, - вторил ему Евней, тоже встав.

Мы втроем направились к двухэтажной даче Мухтара Ауэзова. У домика в холодке за четырехугольным красным столом сидели-прохлаждались Мухтар, Габит, Габиден (Ауэзов, Мусрепов, Мустафин) втроем...

...После приветствия и краткого знакомства Муха принес стулья и усадил двух молодых людей. Началась непринужденная беседа. Вспомнили шедшую на сцене Каздрамтеатра драму Мухтара Ауэзова.

... Наблюдаю, старшие братья очень довольны, что познакомились с такими симпатичными великанами. Смотрят на них и хотят узнать, еще на что способны будущие инженеры. Габит вымолвил, что видел одного русского инженера, который наизусть прочитал "Грозу".

- У русской интеллигенции это бывает. У меня был друг в Ленинграде, очень интересно наизусть читал "Дядю Ваню" Чехова,- поддержал Мухтар.

- Что вы втроем решили замучить моих младших братьев, что ли? - решительно я заступился за молодых. "Брат, не заступайтесь. Кажется, мы тоже не лыком шиты, не так ли, Шаха?" - сказал Евней, обращаясь к другу. Потом Шахмардан встал с места, стал похожим на Кебека на сцене и поклонился Евнею. А Евней, улыбаясь, вторя Шахмардану, начал декламировать, и они вдвоем исполнили известный диалог из драмы "Енлик-Кебек".

- Замечательно получилось, дети мои! - сказал Муха.

Беседа продолжалась на разные темы... На прощание и хозяева и гости выразили свою радость по поводу такого знакомства". В начале пятидесятых годов Евней увлекался литературно-критической деятельностью. Этому, видимо, послужили две причины. Первая - настойчиво пробивался наружу природный дар писать и вторая - материальная заинтересованность в гонораре, хотелось вырваться из полуголодного существования. Он пишет рецензии на произведения видных писателей республики, выступает с литературной критикой на страницах республиканских газет и журналов. Появились такие его статьи, как "О переводах на казахский язык произведений В.В.Маяковского" и "Грозное оружие" о В.В.Маяковском.

Являясь большим поклонником новаторского стиха В.В.Маяковского, брат с большой любовью характеризует его творчество и оценивает его так: "Прославляя передовое, растущее, Маяковский выступает не как восторженный созерцатель, а как самоотверженный и активный боец, строитель новой жизни, как "народоводитель и одновременно народный слуга".

...Я часто смотрю на старую фотографию, где Евней на клубной сцене читает "Стихи о советском паспорте". Не только его жесты, но и высокая фигура, большеглазое лицо, могучая стойка напоминают Маяковского. Он мог часами декламировать его стихи и поэмы. И, конечно же, он не мог оставаться равнодушным к переводам стихов любимого поэта на родной казахский язык. В своей статье "Дума о переводах" Евней анализирует переводы, сделанные такими видными мастерами казахского слова, как С.Мауленов, К.Бекхожин, К.Аманжолов, М.Алимбаев и другие. Наиболее удачными он считал переводы Касыма Аманжолова, хотя отмечал, что в некоторых местах не сохраняется "лесенка" Маяковского.

В культурной жизни республики важное место занял в тот период роман Габита Мусрепова "Пробужденный край". Анализируя произведение, Евней пишет в статье "У истоков дружбы": "Роман написан образным, сочным языком. Это несомненное достижение автора, свидетельствующее не только о широких возможностях казахского языка, но и о большом значении вдумчивого изучения писателем лучших творений русской литературы". Евней в своей статье положительно оценивает образы рабочих Андрея Быкова, Михаила Нволи, Старика Шило. Он показывает, как колоритно Г.Мусрепов рисует образ Быкова, становящегося вождем не только русских, но и казахских рабочих. Писатель отмечает как важное звено становления классового сознания тружеников-казахов их единение с русскими пролетариями. Такие бывшие бедняки, как Буланбай, Жабай, Шегиралы, становятся истинными представителями казахского рабочего класса. Но наряду с этими удавшимися образами Евней отмечает как неудавшийся образ Е.С.Быковой. В книге она очень привлекательна и представляется борющейся за правду и справедливость. Евней аргументирует свои выводы следующим суждением: "Марксизм тогда еще не получил распространения. Если вдуматься с этой точки зрения в то, что изображает Г.Мусрепов, то Елизавета Быкова становится нереальной фигурой. Автору "Пробужденного края" следовало бы уяснить, что противоречивость, заключенная в деятельности и духовном облике революционно настроенной русской интеллигенции того времени, не имевшей правильной ясной теории и ясной цели, должна была найти отражение и в образе Быковой". Так он, в то время молодой аспирант-металлург, критически анализирует роман маститого писателя Г.М.Мусрепова.

Эта рецензия была опубликована газетой "Казахстанская правда" и явилась сенсацией в писательских кругах республики.

Откровенная обоснованная критика не вызывала мелкого раздражения в таких людях, как наш Габит-ага. Более того, Г.Мусрепов после появления статьи в газете позвонил Евнею и сказал, что придет к нему.

В то время Евней с нашей женой Зубайрой Дюсеновной занимали одну комнату в коммунальной квартире. Наша жена прекрасно готовила, и мы, студенты, приходили часто полакомиться ее вкусными блюдами. У них я не раз встречал известных писателей, поэтов, драматургов, артистов, т.е. представителей творческой интеллигенции, в среду которых вошел Евней. Мне было очень интересно увидеть известного

писателя, и я остался ждать прихода Габит-ага. В назначенное время пришел полноватый мужчина в очках, в летнем костюме с портфелем. Поприветствовал, расспросил по национальному обычаю о здоровье, здоровье родных и близких. Спросил меня, кто я. Услышав от Евнея, что его младший брат, как успокоился и стал беседовать с Евнеем на разные незначительные темы. После традиционного чая, поданного хозяином Габит-ага достал свою книгу "Пробужденный край" и газету "Казахстанская правда" с рецензией брата "У истоков дружбы".

Затем они стали скрупулезно разбирать каждое предложение очерка, образ героев и их действия. Беседа их шла спокойно на красивом литературном языке, очень эмоционально, как-то неспешно и очень уважительно. Я сидел, уткнувшись в книгу, но ничего в ней не видел, а внимательно слушал беседу.

Через два-два с половиной часа, когда они закончили обсуждение книги и очерка, мы с братом пошли провожать Габит-ага. По дороге их беседа продолжалась, а я, который впервые имел встречу с живым писателем такого высокого ранга, шел счастливый, что присутствую при этом разговоре. Наверное, эта встреча в те, уже далекие, 50-е годы послужила началом хорошей дружбы Евнея с Габит-ага. До последних дней Евней с нетерпением ждал встреч с этим умным, высокообразованным человеком. Они часто вместе отдыхали в Каракаралинске. Наверное, символично, что после публикации моего первого очерка о брате в начале 1988 года Маргарита Самиева, работавшая летом 1983 года в пионерском лагере, прислала в редакцию областной газеты "Индустриальный Караганда" фотографию, запечатлевшую Евнея с Габит-ага, которая была снята во время последнего их отдыха в Каракаралинске. Габит-ага с супругой, Евней и другие сидят на высокой траве на фоне живописной каракаралинской природы.

Я не имею филологического образования, но для эрудиции читаю среди многих материалов и критические статьи в газете "Казак эдибиеті" ("Казахстанская литература") и "Литературная газета". Анализируя их, отмечаю некоторую самоцель очерков творчества даже таких известных классиков русской литературы, как М.Шолохов, В.Маяковский и другие. Здесь хочется привести слова из выступления известного писателя Ю.Бондарева на одном из пленумов ЦП СССР, обращенные именно к тем, кто хочет "...осадными орудиями критики постепенно неуклонно расшатывать в народе нравственное и эстетическое состояние духа, а именно: делать зыбкими, больными, сом-

Главными ценностями, на чем держится общество: правда, патриотизм, семья, любовь, честь, совесть, стыд, наконец " ("Литературная газета" - 9 марта 1988 года). Я очень положительно отношусь к мысли, что критика должна быть чистой, объективной и что нельзя, как прав Ю.Бондарев, посягать никакой критикой на святыни в литературе, искусстве, которые сложились в нашем мировоззрении.

Читая статью брата "Критика и библиография" на страницах журнала "Эдбиет және искусство" (ныне журнал "Жұлдыз"), опубликованную и в журнале "Коммунист Казахстана" (№9 за 1953 год), я пришел к выводу, что все, что было написано им 30 лет назад, актуально и сегодня. Главными задачами критики и библиографии Евней называет поддержку всего передового в литературе, борьбу против проявлений чуждой идеологии, воспитание чувства патриотизма, интернационализма, дружбы народов. А работу отдела критики и библиографии считает одним из важных участков идеологической работы. Он делает обзор двадцати критических статей, указывая на некоторые творческие неудачи отдельных переводчиков.

Критический анализ романа Г.Мустафина "Караганда", одного из крупных явлений казахской литературы тех лет, по словам брата, является вялым пересказом содержания романа. А следовало бы, пишет он, далее показать, "насколько психологически оправданы разнообразные вехи и повороты в сознании его героев, какова эволюция внутреннего мира их, каковы особенности изображения этой эволюции". Евней отмечает, что критика и библиография у нас значительно отстают от роста казахской литературы, а наши критики рассматривают отдельные произведения писателей вне связи со всем их творчеством, вне связи с развитием всей советской и русской литературы.

Как же воспринималось это критическое замечание? Хорошо сказал С.Баруздин на упомянутом пленуме СП СССР: "Вот мы уже десятка три, а может, больше лет декларируем тезис о взаимовлиянии и взаимообогащении наших братских литератур. Но где, когда конкретно наша критика сказала что-то об этом? Она и не может ничего сказать, кроме разве русской критики, которая как бы тоже ограничена: ей неловко критиковать произведения писателей иноязычных. Каждый критик из союзной или автономной республики ограничивает свой разговор о литературе своей республики в полном отрыве от литературы советской, многонациональной, в том числе и русской... А ведь разговор о своей литературе в связи с

литературой общесоюзной - разве это не признак интернационализма?" В Союзе писателей Казахстана прошло совещание на тему "Время и художественная критика" под председательством С.Мауленова. Там говорилось о многих недостатках в развитии критической мысли, отдельные из которых отмечал в свое время Евней.

Другой стороной литературной деятельности брата в начале 50-х годов было пристрастие к рецензированию спектаклей, шедших на сценах казахского и русского республиканских драматических театров. Так появляется ряд очерков 1955-1957 г.г. о пьесах С.Муканова "Чокан Валиханов", А.Тажимаева "Майра", З.Шашкина и М.Гольблата "Токош Бокин", Ш.Хусаинова "Вчера и сегодня" и др.

В пьесе о Чокане Валиханове, в основу которой положена не только глубокая личная трагедия человека, переросшего свое время, Евней отмечает три линии. Первая - возникновение и крушение иллюзий Чокана, связанных с верой в способность царской администрации понять нужды казахского народа и удовлетворить их, с верой в реформаторскую деятельность царя. Вторая линия - крушения надежд, которые возлагались на Чокана людьми, давшими образование и способствовавшими его карьере с целью "приручить" выдающегося сына казахского народа. Евней отмечает, как шли они от меценатского благоволения к активному противодействию всем начинаниям Валиханова, связанными с заботами о родном народе. Третья линия в пьесе - тема великой плодотворной дружбы между русским и казахским народами. На протяжении всей жизни Чокан ощущал бескорыстную заботливую поддержку передовых представителей русского народа.

В марте 1955 года появляется статья "Легенда о любви" Назыма Хикмета на казахской сцене". Автор подробно анализирует спектакль и отмечает прекрасное декоративное оформление В.В.Голубовича, яркое выдержанное в сказочных тонах, полностью отвечающее режиссерскому замыслу. Евней пишет, что спектакль о Фархаде и Ширин в казахском театре драмы свидетельствует не только о зрелости творческого коллектива, но и о его больших возможностях.

В феврале 1956 года публикуется статья "Большая тема жизни" о спектакле по пьесе драматурга Ш.Хусаинова "Вчера и сегодня". Это была первая попытка драматурга показать на сцене культурный рост казахского народа, талантливую национальную интеллигенцию.

В статье "Пьеса о Токоше Бокине на русской сцене" Евней отмечает, что основное достоинство спектакля состоит в его идейной насыщенности. Верно показан героизм народа, духовное единение трудящихся, и прежде всего русских и казахов, в борьбе за победу власти Советов. Одним из главных недостатков Евней считает то, что, как ни странно, актеры русского театра драмы еще не имеют достаточного опыта в создании сценических образов казахов.

Позже брат все меньше обращается к критике. Почему? Как он сам оценивал свои первые работы, можно узнать из его же слов: "Как я отношусь к своим литературным работам? Хорошо отношусь. Это переводы и рецензии. Причин их написания было много, я не мог не писать, это была потребность. Переводить начал скорее потому, что хотел познакомить своих близких, не владеющих русским языком, с прекрасным в русской и зарубежной литературе. Мне нравился сам процесс перевода: это творческий процесс, который доставляет огромную радость, требуя соответственно огромного труда. А стимулом в студенческие и аспирантские годы и в начале научной деятельности было материальное поощрение, которое было просто необходимо. Но и впоследствии, когда мне показалось, что в критических статьях я повторяюсь, что в них мало свежих мыслей, я от их писания отказался".

За два-три года Евней написал и опубликовал более 15 статей и очерков, живо откликаясь на многие явления в культурной жизни Казахстана. Я сейчас не помню точно, в каком году - 1955 или 1956-м - Евней пригласили в ЦК Компартии Казахстана и предложили должность собственного корреспондента "Литературной газеты" по республике, но он тактично отказался, аргументируя тем, что, выбирая профессию, он предпочел естественные науки, а сочинения являются просто развлечением.

Но он продолжает сочетать научную деятельность с литературой. Первой большой работой был перевод повести И.Васильева "Артемка", затем последовал перевод рассказов и статей Э.Золя и романа болгарского классика И.Вазова "Под иггом", пьесы в стихах В.Маяковского "Клоп" - все это было издано в 1955-1959 годы. Потом почти на десять лет литературная деятельность Евнея прерывается. Он объясняет это так: "Большое счастье иметь возможность отказаться от желания того, в чем ты начал сомневаться, дать себе отдых и подумать над тем, что ты делаешь. Я имел возможность отказаться от писания. Вернулся к писательскому труду тогда, когда понял, что мне есть что писать, есть мысли, знания. Насколько удачно воплотил это на бумаге - судить вам, мои читатели".

Доверие

В набранном ритме Евней в эти годы, как видно из приведенных высказываний, работает в двух направлениях - в науке и литературе. Может быть, так и продолжалось бы неизвестно сколько лет и зим. Но однажды, когда решался вопрос о должности проректора его родного института вместо долго проработавшего на этой должности товарища, перешедшего по личной просьбе на более спокойную и менее ответственную работу на кафедре, выбор пал на кандидатуру моего брата, молодого доцента. В середине 1958 года его назначили на эту должность. В период работы проректором он вынужден был отложить свои любимые занятия - сочинение и перевод художественных произведений, лабораторные исследования в науке, - и целиком и полностью переключиться на административную работу. Правда, ненадолго. В начале 1960 года тогдашний президент Академии наук Казахской ССР К.И.Сатпаев предложил ему возглавить вновь созданный химико-металлургический институт. Брат дал согласие, и в феврале 1960 года переехал в Караганду.

Приняв высокий пост директора научно-исследовательского института в возрасте 35 лет и не имея особого опыта руководящей и организаторской работы, Евней столкнулся с большими трудностями. Спустя некоторое время погрузился; видно было: очень переживает. Из-за чего - мы узнали много позже. Все его попытки сплотить, хотя небольшой, но разношерстный коллектив ученых, съехавшихся со всех концов страны, были безрезультатны. Сотрудники разбились на две враждующие группы, одни были на стороне заместителя директора по науке академика АН республики В.В.Михайлова, другие - на стороне секретаря парторганизации, заведующего одной из лабораторий Ж.Т.Тюленева. Ни одна из группировок не поддерживала молодого директора. Кроме того, дефицит помещений, приборов для укомплектования лабораторий, недостаток квалифицированных кадров не могли не отразиться на результатах работы и настроении директора.

В этих условиях брат приходил к выводу, что не может сплотить работоспособный научный коллектив, и пишет заявление на имя президента АН Казахской ССР с просьбой об освобождении от занимаемой должности. Президент в обстоятельной беседе предостерегает Евнею от скоропалительных необдуманных решений и решительно отклонил его просьбу. Брат с новой энергией и энтузиазмом взялся за дело и проработал на этом посту 12 лет. Начала укрепляться

материальная база, лучше стали оснащаться необходимыми приборами лаборатории. Надо полагать, не без содействия президента Академии наук республики. Отдельные разработки, хотя и незначительные, начали внедрять в производство. Появились первые кандидаты наук, вышедшие из стен института. Это были уже зримые плоды труда, первые победы.

Коллектив сплотился. Одним из первых защитил кандидатскую диссертацию, подготовленную под руководством Евнея, его первый ученик Марк Залманович Угорец, ныне доктор химических наук, профессор Карагандинского университета. В дальнейшем подготовка научных кадров пошла быстро, многие сотрудники направлялись в центральные научно-исследовательские институты страны, в целевую аспирантуру, откуда возвращались подготовленными к защите диссертантами. Евней помогал доработать диссертации и организовывал их защиту.

Вспоминаются два эпизода из его рассказов того периода. Однажды они с одним из аспирантов были в Москве в командировке и раздобыли дефицитный прибор, который нужно было везти очень осторожно, чтобы не повредить. Купили четыре билета в купейный вагон, чтобы полностью занять купе и водрузить туда громоздкий ящик. Бухгалтерия института наотрез отказалась оплатить стоимость двух "лишних" билетов. Что же, наука требует жертв - успокоили себя ученые. Впоследствии на этом приборе было проведено немало ценных опытов, так что моральное удовлетворение сполна окупило материальные затраты.

Второй случай был на одном из уральских заводов. Наблюдая за процессом производства, Евней пришел к выводу, что процесс этот можно упростить и удешевить. Своими соображениями поделился с техническими руководителями завода, которые заинтересовались новшеством и поддержали его. В институте процесс разработали в деталях, но перед внедрением необходимо было провести полупромышленные испытания, для чего потребовалась небольшая производственная площадь. Вот это стало загвоздкой: бесконечная переписка и поездки не дали желаемых результатов.

Однажды Евней вызвал своего аспиранта В.П.Малышева (впоследствии доктор технических наук, профессор, директор химико-металлургического института) и попросил его подготовить проект письма к союзному министру - хозяину этого завода. На другой день Виталий Павлович принес отпечатанный проект письма. В нем подчеркивалось, что речь ведется о площади не большей, чем та, которую заняли бы, сойдясь

вместе для решения вопроса, три солидных директора: завода, проектного института, который проектирует реконструкцию завода, и научно-исследовательского института. А решение вопроса тянется уже более трех лет. Евней расхохотался над этой неофициальной фразой, но она была очень уместной и потому осталась в тексте. Все, кому довелось читать это письмо, смеялись. Письмо отправили, а спустя немного времени, всех трех директоров пригласили в Москву, в Министерство. Когда они зашли в кабинет, заместитель министра не мог удержаться от смеха, ибо все трое были очень солидной комплекции. Присутствовавшие не понимали, в чем причина смеха, и тогда хозяин кабинета прочитал письмо. Все вместе тоже засмеялись. Вопрос был решен без обсуждения. Дело пошло на лад, провели полупромышленные испытания, новый процесс внедрили в производство. Завод имел немалую экономию, повысилось качество продукции. Многие родственные заводы переняли опыт.

Стабилизировав текущие дела в институте, направив деятельность коллектива в нужное русло, брат начал добиваться выделения ассигнований для проектирования и строительства комплекса зданий института. Ведь институт размещался в общежитии Горного техникума, а остальные лаборатории размещались в других приспособленных помещениях - бараках. Обойдя все компетентные инстанции в области и республике и заручившись их поддержкой, Евней выехал в Москву, добился приема у М.В.Келдыша - президента АН СССР и В.А.Кириллина - заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Комитета по науке и технике СССР.

Он так рассказывал нам об этих встречах. Сначала был на приеме у президента Академии. Обговорив все необходимые вопросы, предварительно получив заверение о выделении средств на проектирование и строительство комплекса зданий института, поблагодарив М.В.Келдыша, стал прощаться; в это время в кабинет вошел красивый, подтянутый, строго одетый молодежавый мужчина. Хозяин кабинета вышел из-за стола и уважительно поздоровался с ним, Евней, едва кивнув, повернулся спиной к вошедшему и продолжал говорить о своих делах с хозяином кабинета. Президент отреккомендовал брата как молодого способного директора научно-исследовательского института и представил вошедшего. Им оказался академик Кириллин, встреча с которым была ближайшей целью Евнея. Президент сам советовал зайти к нему и заручиться его поддержкой. Вот тут-то Евней понял, какую допустил оплош-

ность. Брат рассказывал о подобных случаях и казусах в своей жизни с юмором, вызывая улыбку у собеседника.

Итак, добившись разрешения на строительство базы научно-исследовательского института, определив проектировщиков и генерального подрядчика по строительству, поручив дело ответственным работникам института во главе с заместителем директора по общим вопросам М.Мамраевым - Героем Советского Союза, не упуская повседневного контроля за ходом дел, Евней обратился к другим делам.

В науке

К этому времени брат почувствовал, что начал отставать в науке, и сосредоточил все свое внимание на этом, хотя практически никогда не забывал нет-нет да выбрать время и посидеть за лабораторным столом, понаблюдать за реакцией химических элементов.

Теперь пришлось и вернуться к истокам своих научных работ. О том периоде рассказывает в своих воспоминаниях И.Ф.Худяков - доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, профессор, проректор по науке Уральского политехнического института: "В Казахский горно-металлургический институт, где он (Букетов Е.А.) работал в должности доцента кафедры металлургии легких и редких металлов, я приехал вместе с профессором В.И.Смирновым, который был в то время членом-корреспондентом вновь созданной АН Казахской ССР, в последующем он был академиком АН Казахской ССР. После традиционного приветствия Василий Иванович познакомил меня с Евнеем Арстановичем. Началась беседа об исследованиях, которыми он в то время занимался. Ему было важно знать мнение профессора В.И.Смирнова о его работах, целесообразность их проведения. Научные интересы Евнея Арстановича были сосредоточены на металлургии редких металлов и в какой-то степени являлись продолжением его кандидатской диссертации. Из беседы, которая продолжалась больше часа, нетрудно было сделать вывод об интересном научном направлении выполняемых работ и возможности их практической реализации, прежде всего на предприятиях цветной металлургии Казахстана, в частности, на гиганте медной промышленности - Балхашском горно-металлургическом комбинате".

Работу в этом направлении Евней никогда не оставлял, внедрение его теоретических разработок позволило улучшить

качество выплавляемой меди, поднять его выше мирового стандарта.

Подытожив результаты своей научной деятельности за более чем десятилетний период, Евней пришел к выводу, что можно приступить к оформлению докторской диссертации.

1966 год, 10 октября. Москва. Зал заседания ордена Трудового Красного Знамени института стали и сплавов. Свободных мест нет. Многие из сидящих в зале - убеленные сединой, лысоватые, маститые ученые, имена которых известны не только в нашей стране, но и за рубежом. Идет заседание Объединенного ученого совета по присуждению ученых степеней. Когда члены совета заняли свои места и в зале воцарилась тишина, председатель - доктор технических наук, профессор С.Ф.Кузькин - объявил, что рассматривается диссертационная работа Е.А.Букетова на соискание ученой степени доктора технических наук на тему "Извлечение селена и теллура из остатков медных электролитов". Официальными оппонентами были назначены доктор технических наук, профессора Н.Н.Севрюков, М.Д.Ивановский, Н.А.Суворовская.

После краткого доклада было задано множество вопросов, на которые диссертант дал исчерпывающие ответы. При обсуждении выступили четверо ученых, докторов наук и член-корреспондент АН СССР И.Н.Плаксин. Все были единого мнения: выполненная работа вполне заслуживает присвоения ученой степени доктора технических наук. Диссертанту Е.А.Букетову можно было бы присвоить эту степень без защиты - за совокупность научно-исследовательских трудов. Но диссертант провел специальные научные исследования, разработал и внедрил в производство новые процессы, чем принес стране немалую пользу.

При тайном голосовании все двенадцать членов проголосовали "за", против - ни одного. Поблагодарив оппонентов, членов ученого совета и всех участников заседания, он вышел из зала. И тут почувствовал щемящую боль в области сердца, лицо покрылось каплями пота. Сказались перегрузки и, конечно, волнение.

Вскоре после защиты решение Объединенного ученого совета Московского института стали и сплавов о присуждении Букетову ученой степени было рассмотрено и утверждено Высшей аттестационной комиссией страны. Так сын маленького аула, мой брат Евней, стал настоящим ученым, доктором технических наук. В том же 1967 году ему было присвоено ученое звание профессора. Таким результатом увенчался его многолетний

труд. В дальнейшем он много сил вложил в подготовку научных кадров института, параллельно включившись в общественную жизнь города и области. Чаше стал выступать по телевидению, на страницах областных и республиканских газет и журналов как на литературно-художественные темы, так и на темы своих научных разработок. Был автором-ведущим документального телевизионного киноочерка "Южнее города Омска" о становлении Карагандинского и Экибастузского угольных бассейнов и развитии металлургической промышленности.

К семидесятым годам у него уже было за тридцать изобретений, сделанных им в соавторстве со своими учениками. Главным из них была разработка и внедрение новых прогрессивных технологических процессов по резкому увеличению выплавки меди с применением кислорода и комплексному использованию сырья с получением ранней продукции и серной кислоты из отходящих газов конверторов. Это изобретение со столь сложным названием было внедрено на Балхашском горно-металлургическом комбинате, за что группе специалистов, и в том числе моему брату, была присуждена Государственная премия СССР за 1969 год.

Этот технологический процесс стали называть "Балхашским эффектом", он получил огромный резонанс на заводах цветной металлургии страны. Производственники выплавляли на тех же печах дополнительно десятки тысяч тонн меди "с четырьмя девятками", что означает чистоту получаемого металла - почти идеальную.

Одновременно был разработан метод извлечения из ядовитого дыма заводских труб редких металлов, в том числе рения. Дым научились превращать в металлы, более драгоценные, чем золото. В эти же годы группа ученых Химико-металлургического института работает над способами переработки и обработки пирита, содержащего полиметаллическое сырье. Эти разработки увенчались успехом, были признаны изобретением. Евней и его коллеги получили пять авторских свидетельств. Указанные изобретения в 1983-1984 годах запатентовали в Канаде, США и Австралии, в 1985-1986 годах - в Швеции, Франции, ФРГ, а в 1987 - году в Японии и Италии.

В 1970 году Евней был избран членом-корреспондентом Академии наук Казахской ССР. В эти годы он работает особенно активно, ежегодно получает от трех до восьми свидетельств об изобретениях, много времени уделяется подготовке кандидатов, докторов наук. Вся его деятельность была направлена на то,

чтобы в институте работало больше сотрудников с учеными степенями.

Вот как вспоминают его аспиранты тех лет, ныне ведущие специалисты, организаторы науки в регионе, преподаватели химического факультета университета: "Мы всегда восхищались тем, что Евней Арстанович умел находить время для беседы с молодыми научными сотрудниками; даже будучи ректором университета, он каждую среду - свой творческий день - посвящал нам, приходил в новый корпус Химико-металлургического института, выслушивал нас, указывал на ошибки, поощрял успехи. Если все же нам не удавалось по какой-либо причине встретиться с ним на работе, мы в любой день, в любое время, когда он был свободен, могли к нему прийти домой. Там нас встречала доброй улыбкой его жена, уважаемая Зубайра Дюсеновна, которая хорошо знала всех учеников Евнея Арстановича.

Наши рукописи статей никогда не залеживались у Евнея Арстановича. Он удивительно быстро их прочитывал, вносил поправки, делал ценные замечания. Для беседы по научной работе мог вызвать нас домой и в 7-8 часов утра, и в 10-11 часов вечера, и в субботу, и в воскресенье...".

В университете

В один из дней ранней весны 1972 года Евней позвонил мне и попросил зайти к ним (тогда мы жили в одном доме по проспекту Ленина, 56). После традиционных приветствий брат заявил, что ему предлагают должность ректора будущего Карагандинского государственного университета. В то время мы знали, что Карагандинский педагогический институт преобразовывается в государственный университет, в конце 1971 года пресса сообщила о Постановлении правительства. Я ему не советовал переходить на другую должность, учитывая состояние здоровья, а также мотивируя тем, что в химико-металлургическом институте АН Казахской ССР, где он директорствовал, все отлажено, создан сплоченный коллектив, многие сотрудники начали успешно защищать кандидатские и докторские диссертации, а еще больше соискателей готовилось подняться на эту ступень науки. Завершался многолетний кропотливый труд, готовился к вводу в эксплуатацию комплекс зданий института из стекла и бетона. В общем дальнейшее сулило спокойную ритмичную жизнь, хотя мы хорошо знали, что спокойствия он никогда не знал и не будет знать, так

ходился и воспитал себя. Оказывается, наша женеше, его жена, тоже возражала против перехода в университет.

Несмотря на все наши настойчивые возражения, он вынужден был перейти в университет, ибо местные партийные и советские органы другой подходящей кандидатуры не искали, и настояли на его переходе.

В середине марта того года брат мой стал первым ректором второго в республике государственного университета.

Перед университетом стояло много сложных задач: он должен был продолжать готовить педагогические кадры, в частности, учителей для сельских и аульных школ. Ведь базой университета стал Карагандинский педагогический институт, который и передал университету все свои проблемы. А проблем было ой как много! Намечалось большое увеличение приема студентов, не хватало помещений для учебного процесса и т.п. Для решения всех этих вопросов была создана комиссия обкома партии и облисполкома во главе с тогдашним заместителем председателя облисполкома тов. Язевым В.И. Быстрыми темпами шло строительство временного главного корпуса на улице Гоголя, где в настоящее время разместился математический факультет университета.

Вначале коллектив бывшего педагогического института хорошо принял Евнея. Но когда начались подбор и расстановка кадров и наметились передвижение и перемещение некоторых сотрудников, стали появляться обиженные, недруги. Надо сказать, что к этому времени Евней был более подготовленным, опытным руководителем как в области организаторской, так и педагогической деятельности, не то что 12 лет назад, когда стал директором Химико-металлургического института. Обиженными оказались люди, занимавшие определенные руководящие посты в прежнем педагогическом институте. Они долго не выбывали обиду, а некоторые вредили как могли. В том году был такой случай. Один молодой человек, наш земляк, окончивший медицинский институт, и дочь одного из бывших руководителей пединститута решили пожениться. Этот земляк спросил меня и еще нескольких близких людей пойти к ее родителям и совершить помолвку. Когда мы появились, хозяйка квартиры нас радушно приняли, помогли раздеться, провели в зал. Разговорились, стали знакомиться, и когда очередь дошла до меня и выяснилось, что я брат ректора университета, родители девушки, я заметил, изменились в лицах. Дальше разговор плохо клеился. Угостив традиционным чаем, хозяйка проводила нас, пообещав, что свое решение о свадьбе объявят

позже. Потом они категорически воспротивились, и этим молодым людям не суждено было соединить свои судьбы. Причиной всему было одно: жених оказался земляком неуважаемого человека. Может быть, не так сложились бы их судьбы, не появившись его брат, то есть я. Бывают же в жизни такие парадоксы! Впоследствии многие поняли, что, переставляя кадры и приглашая со стороны более квалифицированных специалистов, Евней поступал правильно, многие с ним согласились, ибо университет не пединститут. У него другие, более ответственные и сложные задачи: подготовка и воспитание творческих, научных работников.

День официального открытия университета был приурочен к началу учебного года. Оно состоялось 1 сентября 1972 года. В Караганду съехалось много гостей со всех регионов республики, из университетов других союзных республик. Небольшой конференц-зал нового здания, которое было построено благодаря настойчивости Евнея за несколько месяцев, не вмещав собравшихся на торжество. Многие стояли в проходах. За столом президиума были руководители области, делегация Академии наук Казахской ССР, местные ученые, представители рабочего класса и интеллигенция, а на открытии выступили тогдашний первый секретарь обкома партии В.К.Акулинцев, вице-президент Академии наук республики А.М.Кунаев, ректор Казахского госуниверситета профессор У.А.Джолдасбеков, впоследствии академик, Президент инженерной академии республики, а также республиканские академики М.Каратаев, О.А.Жаутыков и писатель-академик Сабит Муканов. Это был последний его приезд в Караганду.

Итак, приняв статус университета, новый вуз вошел законную силу и начал действовать. В обиход многих карагандинцев и жителей северных областей республики вошло выражение: "Мой сын (или моя дочь) поступил (поступила) в Карагандинский государственный университет", чаще - "КарГУ". Состоялся набор первокурсников, шло комплектование профессорско-преподавательского состава. Если абитуриенты съезжались в основном со всех концов республики, то новые кадры - из всех регионов страны. Как шел этот процесс, можно увидеть на примере физического факультета. По приглашению приезжали преимущественно молодые люди, кандидаты наук только что начавшие путь. А.И.Турмухамбетов и К.З.Альжанов - из Алма-Аты, из Казахского университета, Б.И.Минаев приехал из Томского университета, К.Т.Ермагамбетов из Караганды работал в Сибирском отделении Академии наук

Союза ССР, Г.А.Кецле - в Московском университете, Ж.С.Акылбаев - в КазГУ, Л.А.Краус - в Карагандинском, а Л.Ф.Ильина - в Казахском политехническом институтах.

Из Алма-Аты приехала семья Перевертун, Алексей Иванович и Мария Александровна - оба кандидаты физико-математических наук. Глава семьи - физик, а Мария Александровна математик, стали работать по своим специальностям заведующими кафедрами, Мария Александровна впоследствии продолжительное время, до ухода на заслуженный отдых, работала деканом математического факультета.

О том, как осуществлялись подобные приглашения, вспоминает Лидия Федоровна Ильина, долгие годы проработавшая заведующей кафедрой общей физики, а позже - деканом физического факультета: "Разговор состоялся в приемной заместителя министра высшего и среднего специального образования Каз.ССР Софрония Платоновича Попова. Евней Арстанович предложил мне ехать в Караганду на должность заведующей кафедрой общей физики или теоретической (я ведь закончила кафедру теоретической физики). Я страшно испугалась. Новый незнакомый город, новые люди, новая очень ответственная работа. Ничего не получится! Так все и выложила, Евней Арстанович рассмеялся - громко, раскатисто, от души, как мог смеяться только он, и начал рассказывать. Он говорил о своей Сары-Арке, о своей Караганде, о том, каким будет университет, о том, что им нужны молодые, энергичные, знающие специалисты, что все будет хорошо, и посоветовал переговорить с родными. А потом мы разговаривали с ним вдвоем - мой муж и я, всецело покоренные всепобеждающим обаянием этого большого человека. Не верить ему, не соглашаться с ним было невозможно. В июне я была уже в Караганде. Евней Арстанович позаботился о комнате в общежитии, а через 20 дней мы получили квартиру в самом зеленом уголке Караганды"...

Я привел один маленький пример, один штрих той многогранной, большой работы, какую пришлось проводить моему Евнею по привлечению нужных кадров. В университете сразу же было открыто пять новых факультетов из восьми, их надо было обеспечить новыми кадрами, 1 сентября начать занятия. Все эти заботы легли на плечи брата. Он отчетливо понимал, что каким бы трудным ни был путь развития коллектива университета, он должен иметь свое лицо.

В эти годы широко и во многих направлениях раскрываются его организаторские способности. Он закладывает фундамент

подготовки кадров высокой квалификации, кандидатов и докторов наук. В настоящее время в университете трудятся более 35 докторов наук, не считая разъехавшихся по различным житейским причинам.

В музее университета висит макет генерального плана университетского городка, который был разработан и начал претворяться в жизнь под непосредственным руководством Е.А.Букетова. Вот что сказано в книге "Карагандинскому государственному университету 20 лет", изданной в 1992 году:

"Освещая историю становления и развития университета, особо следует отметить создание его материальной базы. Решением исполкома Карагандинского городского Совета депутатов трудящихся для университетского комплекса был отведен земельный участок площадью 65 га, расположенный за городом, в районе Юго-Восточного жилого массива.

Генеральный план вузовского комплекса на современном этапе характеризуется, прежде всего, четким зонированием территории, позволяющим обеспечить развитие каждой зоны в отдельности и всей композиции в целом, а также короткими коммуникационными связями между зонами. Другая проблема современного вуза - единство его территории и комплексность решения вопросов жизнедеятельности вуза (учеба, наука, спорт, отдых, жилье для студентов, культурно-бытовое обслуживание, хозяйство вуза). Полное решение этой проблемы может обеспечить функционирование и развитие вуза на длительное время. Все эти теоретические предпосылки нашли свое отражение в проекте Карагандинского государственного университета.

Основа архитектурно-планировочной идеи университетского городка - четкое функциональное разделение на зоны: учебно-производственную, НИИ, жилую, спортивную, хозяйственную, парковую. В состав комплекса входят учебные корпуса гуманитарных и естественных факультетов, здания научно-исследовательского назначения, фундаментальная библиотека, Дворец культуры студентов, 14-этажное здание главного корпуса, спортивный комплекс, сооружения хозяйственного назначения. Закладка фундамента первого здания университетского комплекса состоялась 15 мая 1974 года. На митинге, посвященном этому событию, прочитал свои стихи известный казахский поэт Абдильда Тажибаев. За период с 1975 по 1987 г.г. сданы в эксплуатацию следующие объекты: корпус гуманитарных факультетов с шестью поточными аудиториями, Дворец культуры студентов, спортивный зал, 2 столовые на

330 и 530 мест, 4 студенческих общежития на 2148 мест, 54-квартирный (1975г.), 75-квартирный (1978г.), 72-квартирный (1979г.) жилые дома, учебно-лабораторный корпус физического факультета с лекционными залами (1987г.), санаторий-профилакторий на 100 мест (1979г.). Все эти объекты обошлись государству в 17,6 млн.рублей. Как видно, ежегодно на строительстве осваивалось более 1 млн.рублей капиталовложений (по ценам того времени). В 1992 году закончено строительство учебного корпуса биологического факультета. Словом, на Юго-Востоке Караганды возник и формируется ансамбль университетского городка.

В этом большая заслуга его первого ректора академика Е.А.Букетова. В годы ректорства раскрылся его талант организатора большого масштаба. Он решал сложные проблемы создания материальной базы университета в условиях застоя, тоталитаризма, партийно-государственной бюрократии, жесткой централизации материальных и финансовых ресурсов. При помощи первых руководителей Совета Министров Казахской ССР, Госплана, Минфина, Минвуза республики, Карагандинского обкома и горкома партии, облисполкома и горисполкома решал вопросы финансирования, материально-технического снабжения и строительства жилых домов, студенческих общежитий, учебных корпусов. В сравнительно короткий срок была создана прочная материальная база для плодотворной работы университетского коллектива".

Я бы лучше не сказал. Одновременно Евней Арстанович не менее активно занимался своей любимой работой, которой посвятил всю свою жизнь, - наукой. Вот как сказано об этом в упомянутой книге:

"Значительно возрос научный потенциал естественных факультетов. Укрепление материальной базы, усовершенствование оборудования, качественный рост научно-педагогических кадров позволили ряду кафедр физического, химического и биологического факультетов подняться на уровень современных фундаментальных задач естественных наук, сформировать и развить собственные направления, а по ряду научных направлений войти в группу лидеров.

Академик Е.А.Букетов был основателем общепризнанной Казахстанской школы исследований в области химии и технологии халькогенов. Значительное место здесь занимают исследования в области химии соединений меди, а также ее естественных природных спутников - серы, селена, те лура, мышьяка и сурьмы, или, как их еще называют, халькогенов.

Интерес к этому кругу объектов был вызван не только тем, что Центральный Казахстан является одним из кладовых такого рода сырья, но и тем, что интенсивная их переработка привела к существенному уменьшению доли содержащихся в них ценных компонентов. В связи с этим назрела задача вовлечь в сферу производства так называемые окисленные и высококремнистые руды, осуществляя комплексную и экономичную их переработку. На решение этих проблем были направлены исследования Е.А.Букетова...".

Он не теряет связи с родным химико-металлургическим институтом, ибо его просил об этом тогдашний Президент АН Казахской ССР Ш.Есенов. Вот его письмо:

"Министру высшего и среднего специального образования Казахской ССР тов. Айманову К.А.

В связи с назначением члена корр.АН Каз.ССР Е.А.Букетова ректором Карагандинского университета создаются трудности по продолжению исследовательских работ в отделе неорганической химии и цветной металлургии Химико-металлургического института АН Казахской ССР.

Президиум Академии наук Каз.ССР просит Вас разрешить чл.-корр. АН Каз.ССР Е.А.Букетову сотрудничать в ХМИ АН Каз.ССР в качестве старшего научного сотрудника по совместительству для консультаций и руководства названными исследованиями". Соответствующее разрешение было получено, это позволило не терять связи с родным коллективом, самое главное - вести научно-исследовательскую работу, без чего не мог жить мой брат.

В годы, когда возросла его популярность во всех сферах творчества, наступил юбилей: 50-летие со дня рождения. Эта дата вообще в нашем государстве торжественно, широко отмечалась с правительственными наградами для соответствующих лиц, с богатейшими застольями.

Мы, родственники, друзья также готовились отметить и юбилей Евнея, ибо были уверены, что он заслужил это.

Ученый совет университета разослал приглашения принять участие в торжественном собрании, посвященном юбилею Е.А.Букетова. Желавших оказалось больше, чем достаточно. Приехали видные ученые, писатели, общественные деятели республики и других регионов страны. Большой зал университета по ул.Гоголя не вмещал участников, многие стояли в проходах, немало оказалось и в коридоре.

Торжественное собрание прошло почти нормально, без казусов. Большие сложности начались при проведении второго

этапа подобных торжеств - угощении участников. Нам категорически было запрещено арендовать любое общественное заведение, ресторан или самую незначительную столовую в городе. Поэтому все пришлось организовать, т.е. накрыть традиционный национальный дастархан, в наших двух квартирах в несколько этапов. Добро что мы жили в одном доме, но все же натерпелись неудобств. Однако все провели, как положено. Руководство республики наградило его Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Казахской ССР - высшей наградой республики. Было преподнесено более 100 приветственных адресов различными коллективами, получено неисчислимое количество поздравительных телеграмм: из Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Баку, Казани, Ташкента, Самарканда, Улан-Уде и почти из всех городов Казахстана от ученых многих отраслей, писателей, поэтов и т.д. Считаю уместным привести текст некоторых телеграмм:

"Дорогой Евней Арстанович от всего сердца поздравляем Вас славным пятидесятилетием, возраст с вершины которого можете оглядываться на пройденный этап жизни и размышлять. Позвольте пожелать вам и вашей семье хорошего здоровья, много лет красивой жизни и пафоса творческих взлетов.

Академик Алкен Маргулан, Алма-Ата". Из Ленинграда: "Дорогой Евней Арстанович! Сотрудники кафедры металлургии легких и редких металлов и проблемной лаборатории ЛГИ горячо поздравляют Вас со славным пятидесятилетием. Мы знаем Вас как блестящего ученого и организатора науки, создавшего школу плодотворно работающую в различных областях химии и металлургии. Многие работы Вашей школы доведены до успешного промышленного внедрения и заслужили всеобщего признания. Ваша деятельность исключительно многогранна. Мы гордимся Вами - представителем металлургов в Союзе писателей СССР. Желаем Вам крепкого здоровья, больших творческих успехов.

профессор Грейвер Т.Н., Остробород М.Я., Косовер В.М., Зайцева И.Г., Беленький А.М."

Эта телеграмма была передана по фототелеграфу, фотокопия ее хранится в музее.

Из Москвы: "Уважаемый Евней Арстанович! Секретариат правления Союза писателей СССР и совет по казахской литературе поздравляют Вас с полувекowym юбилеем. Мы, ваши коллеги по перу, знаем Вас не только как вдумчивого литературного критика и переводчика, страстного пропагандиста творений Владимира Маяковского и Сергея Есенина, но и как

крупного ученого, внесшего большой вклад в развитие химико-металлургической науки Казахстана. Ваши деяния на этом поприще заслуженно отмечены государственной премией СССР. Ваши художественные очерки "Человек, родившийся на вершине", "В орбите кочевков", эссе о людях казахского театрального искусства сразу полюбили широкому кругу читателей. Дорогой Евней Арстанович, Вы, как лучший представитель технической интеллигенции, счастливо сочетающий в себе литературный талант с плодотворной научной деятельностью, безусловно создадите еще много произведений о людях отечественной науки. Дорогой друг, от всей души желаем Вам долгого и доброго здоровья, новых свершений во имя расцвета науки и культуры нашей социалистической родины.

Секретариат правления Союза писателей СССР".

В приведенных трех телеграммах вкратце отражен Ваш путь, пройденный Евнеем к своему юбилею. В докладе и выступлениях на торжественном собрании тоже говорили об этом. Продолжения были за столом торжественного ужина. Текст зависел от подготовленности и красноречия оратора.

Учитывая, что два коллектива, химики университета химико-металлургического института АН Каз.ССР, объединенные под научным руководством академика Е.А.Букетова, далеко шагнули вперед в области исследований химии и технологии халькогенов и халькогенидов, Академия наук СССР приняла решение проводить Всесоюзные совещания на эту тему в Караганде под руководством академика Е.А.Букетова.

Первое такое совещание с участием всемирно известных ученых, академиков союзной академии, Героев Социалистического Труда В.И.Спицына, А.В.Новоселовой состоялась в 1978 году, второе - в сентябре 1982 года.

За большую работу по проведению 1-го Всесоюзного совещания Президиума АН СССР Распоряжением от 1 декабря 1978 года объявил благодарность 4-м членам оргкомитета, том числе моему брату Евнею.

В эти же годы у него зародилась идея получения низкосортных, высокозольных углей Казахстана моторно-топлива. После освобождения от должности ректора университета он посвятил себя этой идее, но не успел довести дело до победного конца. Об этом позднее.

Так же активно в эти годы брат занимается писательской деятельностью. Выступает во многих союзных, республиканских, областных газетах и журналах, по радио и телевидению. В это время он написал и опубликовал, не считая чисто научной

работ, более 40 больших и малых статей, очерков, посвященных людям науки и студенчеству, в том числе такие, как "Человек, родившийся на верблюде, и его современники" - об ученых Казахстана ("Знамя", 1972г. №8), ставшая основой книги под этим названием, "Великая цель и святое дело Чокана" - о Чокане Валиханове, "Первый академик" - о К.И.Сатпаеве, "Пушкин и Маяковский" - этот очерк был опубликован в журнале "Жалын" в 1974 г. №3. Когда он предложил очерк редакции журнала "Простор", произошел казус. Остановлюсь на этом подробнее. Евней получил из редакции лаконичный ответ (я решил привести переписку полностью, ибо она подчеркивает характер Евнея, его отношение к задуманному):

"Уважаемый товарищ Букетов! Об отношении Маяковского к художественному наследию Пушкина существует обширная литература. Ваша работа "Пушкин и Маяковский" не сообщает ничего нового, в литературном смысле она вторична. Публиковать ее не представляется целесообразным.

Зав.отделом критики журнала Н.Ровенский."

Получив этот ответ, Евней пишет ему письмо, между ними завязывается интенсивная переписка. Поэтому ответ Евнея так же привожу без сокращений:

"Журнал "Простор", товарищу Ровенскому.

Уважаемый товарищ Ровенский!

К сожалению, я не могу с Вами согласиться, что "Об отношении Маяковского к художественному наследию Пушкина существует обширная литература". Это - истина того же порядка, что и ..."Волга впадает в Каспий". Я знаю эту истину (нужно ли этим гордиться?) и в своей статье пишу вовсе не об отношении Маяковского к художественному наследию Пушкина, хотя, я думаю, что и эта тема пока не исчерпана.

В данной работе, приводя самые известные места из поэзии Пушкина и Маяковского, я старался показать, что Маяковский являлся продолжением Пушкина, что их нельзя противопоставить и что главный герой поэзии молодого Маяковского есть продолжение Онегина, продолжение плеяды лишних людей, характерных для дореволюционной русской общественной жизни и русской литературы. Мне показалось, что эта мысль нова, она мною была давно лелеема, и я имел смелость представить ее на Ваш суд. Я полагал также, что эта связь, а также мысль, что даже Пушкин и Маяковский (а в нашей поэзии, скажем, Абай и Сейфуллин) - ветви одного и того же могучего древа национальной поэзии, в назидание тем молодым, которым думается, что они выросли отдельно вне этого общего древа и

возвышаются над кажущимся им океаном серости, как Нептун над водным океаном.

Я не спору, что эта мысль, да и сама статья, может оказаться несостоятельной. Но ведь необходимы доказательства, а не утверждения. Я - профессор, а Вы - известный литературовед и литературный критик, и мы хорошо знаем, как интерпретация одних и тех же фактов позволяет иногда находить связи, которые не улавливались до определенного времени. Это же зависит от диалектики мышления и от угла зрения, который выбирает исследователь. Иной, если он не глубок в диалектике мышления, выбирает такой угол зрения, что дальше собственного носа не видит, а другой выбирает такой угол зрения, что, основываясь на одних и тех же фактах, видит связь явлений дальше и глубже. Если Ваше утверждение, что "работа... в литературоведческом смысле вторична" относится к фактам, то, согласитесь, что подобное суждение опрометчиво. Тут я вспоминаю случай из 12 года (может быть, не очень к месту, но для разрядки, рассказанный тем же Пушкиным). Прискакал к Багратиону Денис Давыдов и второпях выдохнул: "Ваше сиятельство, неприятель на носу!" "На чем носу? Если на Вашем, то неприятель действительно близок, если же на моем, то успеем еще отбежать".

Уважаемый товарищ Ровенский! Скажу прямо, мне не понравился тон Вашего письма. Если бы я не знал Вас лично (я видел Вас лет двадцать тому назад и сохранил воспоминание об эрудированном, остроумном и обаятельном молодом человеке, который, судя по дальнейшим непрерывным публикациям, рос и стал популярным литератором), я бы мог подумать, что это - письмо молодого человека, случайно перескочившего потолок своей компетентности. Известно, что такой человек изрекает свои суждения с апломбом, не терпящим возражений, и что ему кажется, что только он в себе содержит истину последней инстанции. Я хорошо знаю, что Вы по занимаемому положению и по уровню Ваших возможностей еще далеки от своего потолка компетентности и полагаю, что непозволительный тон Вашего письма есть не что иное, как... пленной мысли раздражение..., ибо наша жизнь настолько стремительно урбанизируется и настолько полна стрессовых состояний, что любой из нас может оказаться временно в плену нежелаемых эмоций. И почему-то думаю (может быть, нескромно? - но как нам, творческим работникам, жить без веры в собственное дело), что статья "Пушкин и Маяковский" достойна более объективного обсуждения.

Уважаемый товарищ Ровенский! Я хорошо знаю Вас (грешно было бы не знать одного из ведущих наших писателей), знаю Ваше имя и отчество, но я нарочно выдерживаю заданный Вами тон, чтобы показать, насколько нежелательны черствость и казенность в наших взаимоотношениях. Мир тесен, особенно когда люди работают в одной и той же республике, на одной и той же ниве науки и культуры, пути господни неисповедимы, неожиданно и часто перекрещиваются наши дороги и, ей богу, необходимо твердо сохранять доброжелательность всем нам друг к другу в нашем социалистическом общечитии. С неизменным уважением к Вам Букетов". (Дата не проставлена).

Евней получил ответ на свое довольно резкое послание. Видимо, читателю небезынтересно прочитать, что же дальше, как отреагировал такой маститый литературовед, литературный критик, как Н.С.Ровенский, занимающий соответствующий солидный пост на этом поприще:

"Уважаемый Евней Арстанович! Рад был получить Ваше умное, веселое и язвительное письмо. С удовольствием обращаюсь к Вам по имени-отчеству, которое узнал только из "Правды". Мои коллеги (стыдно сказать) ничего определенного сообщить по этому вопросу не могли.

Боюсь, спор о Вашей статье в эпистолярной форме ни к чему не приведет, для установления истины необходима аудитория, которая могла бы определить степень убедительности аргументов полемизирующих сторон. А как ее соберешь, такую аудиторию?

Дорогой Евней Арстанович!

Мы несколько раньше автора очерка в "Правде" знаем Вас как тонкого и точного критика, человека, любящего и понимающего литературу и искусство, их сложные и неисповедимые пути развития. Вы всегда хорошо чувствовали время в книгах, фильмах и спектаклях (не могу понять, что толкнуло Вас повернуть на скучные тропы академического литературоведения?!) Не согласитесь ли Вы отодвинуть наш неплодотворный спор на неопределенное время с тем, чтобы обратиться к вопросам более живым и актуальным, сейчас у всех на устах - НТР*. Не потому, что мода, а потому, что поджигает. Если Вы внимательно следите за выступлениями "Литературной газеты", "Литературного обозрения" (посмотрите №9 за этот год), Вам нетрудно вспомнить статьи, посвященные отражению НТР в литературе. Казахскую литературу Вы знаете не хуже

* НТР - научно-техническая революция.

иных профессионалов. Но Вы еще и большой ученый. Не смогли бы Вы написать статью, заметки, соображения о том, какое место занимает НТР в современной казахской литературе, и занимает ли, есть ли в ней правдивые образы ученых, инженеров, рабочих, есть ли в ней изображение современных промышленных предприятий, индустриальных коллективов. Такая статья насущно необходима. При Вашем умении писать остро, аргументированно, при Вашем научном авторитете статья могла бы оказать серьезное влияние на литературный процесс, освежить и динамизировать его. Что Вы на это скажете? Не отбирайте хлеб у литературоведов, поскольку Вы имете возможность предложить здоровую пищу писателям, родной литературе.

Искренне недоумеваю, что показалось Вам в моем ответе непозволительным, нежелательным, казенным и черствым. Ответ написан с учетом подготовленности адресата. Делить нам нечего и ссориться абсолютно не из-за чего. А мир, действительно, тесен.

Доброго Вам здоровья и успешной работы над поименованной статьей (в последнем пожелании я, пожалуй, излишне самоуверен?) Ждем Вашего ответа. Ровенский Н. 30.X.74г."

Ответ Евнея: "Глубокоуважаемый Николай Степанович!

Вы в своем письме затрагиваете действительно насущный вопрос нашей жизни и литературы. НТР - ныне - это то, что определяет самые коренные особенности нашей жизни, если кто-либо думает изобразить нашего современника, проходя мимо влияния НТР на его психику, на динамику его переживаний, тот всегда окажется далеким от правды. Я в последнее время, к стыду и к великому сожалению, очень мало читаю, просто не хватает времени, и боюсь, что отстаю от жизни (было бы еще хуже, если бы это было отголоском того, о чем писал 70-летний Ч.Дарвин: "Потерял интерес к художественной литературе, боюсь, что душевно деградирую", но, кажется, пока у меня этого нет). И все же не ошибусь, если скажу, что в нашей казахской литературе с этим делом очень плохо. С легкой руки глубокоуважаемого и высокочтимого Илеке* (я действительно люблю) большинство дельных, умных и высоко талантливых писателей переключились на прошлое, даже далекое прошлое. Это, наверное, хорошо. Это, наверное, означает, что благодаря условиям, созданным Октябрем и Партией Ленина, пробудилось в нашем народе национальное

*Илеке - Ильяс Есенберлин - известный казахский писатель.

самосознание и гордость за прошлое. Потребовалось, например, изумительному чародею казахского слова, умно всматривающемуся в современность, Габиту Мусрепову изобразить умную, по-настоящему женственную женщину - казашку, он ее отнес к середине XIX века ("Улпан", "Жулдуз" этого года). Вот Вы хорошо написали о Большом Алимжанове недавно в "Литературной газете". А ведь как он вдохновенно любит и своим прошлым (Махамбет), и прошлым хинди (Акбар), и фарси (Рудаки), отнюдь не поступаясь истиной. Вы это не хуже меня знаете. Ведь мы интеллектуально обогащаемся, в основном за счет доброжелательного и делового общения. Как, например, приятно и полезно было бы для меня услышать ваши суждения и замечания в смысле художественной подлинности образа. Все это я к тому говорю, что Ануар, талант которого был воспитан на самом современном материале, на ниве журналистики, что Ануар, высокоинтеллектуальный человек, более остро, более тонко, чем кто-либо, чувствует пульс современности и уже, отодвигаясь от послевоенного Жомарта все больше назад, дошел до Махамбета, и еще дальше: до "Гонца". Все это тоже, наверное, архиинужно для нашей литературы, но из этого же и вытекает то, что пока НТР у наших серьезных писателей не в большой чести. Кажется на подступах, на серьезных подступах к этой теме находится З.Кабдолов ("Пламя") НТР - широкое внедрение науки в жизнь. Скоро не будет семьи (по крайней мере, городской), где не будет научного работника. Следовательно, тема НТР требует изображения сложнейшей духовной сути современного ученого. Недавно в разговоре скульптор Наурызбаев Хакимжан сказал, что ему легко делать скульптурные портреты чабана, рабочего, но с большим трудом удаются портреты ученых, писателей, ибо их духовное содержание настолько динамически отражается на облике, что трудно уловить момент сосредоточения всей сути на лице. Я думаю, что многие избегают НТР, потому, что она, как ни говорите, страшно сложна для изображения, да к тому же "большое видится на расстоянии". Словом, дело это трудное, но мимо нее мы не можем проходить. И, кажется, судя по "Литгазете" и по "Музобозрению", наша советская литература в общем-то не проходит мимо нее. Из этого я не хочу сделать заключения, что Вы, Николай Степанович, ставите передо мной трудную задачу, но все же в порядке критики заделов и в порядке постановки вопроса можно что-то на эту тему написать, однако нужно время. Вы могли бы, наверное, планировать страниц 20-30 где-то на вторую половину следующего года,

ибо разговор должен быть не ребяческим, а серьезным, требуется, как говорится, помозговать. Думаю, согласитесь с это.

Но, к сожалению, Вы статью мою не читали и раздражении (и этот со своим грубым химико-техническим рылом лезет в наш изящно-тонкий литературоведческий ряд) ограничились казенной канцелярской отпиской.

Пишущей братии много. В "Простор", наверное, много различного рода "произведений" поступает, их все читаю, наверняка, Вам некогда (хотя Горький, например, прочитываю все, что к нему приходило), но тогда надо было хотя бы помощников попросить. В общем, это, как говорится, на Вашей совести, но все же меня не покидает уверенность, что Вы найдете возможность отнестись к моей работе более серьезно. Я понимаю Вашу шутку о литературоведческом хлебе, но что поделаешь - ведь охота пуще неволи: в этом-то, может быть и заключается самое интересное в жизни, что мы имеем возможность заниматься тем, что может нас по-настоящему вдохновить и что может дать человеческое удовлетворение.

Благодарю за хорошее письмо, за письмо, в котором сказывается тот Николай Степанович, который есть на самом деле. Желая в эти Октябрьские дни Вам успехов, здоровья и счастья! Весь Ваш Букетов."

На это Н.С.Ровенский отреагировал коротким ответом от 12 ноября 1974 года:

"Уважаемый Евней Арстанович!

Большое спасибо за твердое намерение сделать статью. Эту тему мы включили в план 1975 года с указанием автора. Это происходило при таких свидетелях, как член-корр. АН Каз.ССР М.Каратаев и многих других, знающих Вас и уважающих литераторов. Так что назад у Вас ходу нет. Объем не ограничиваем, число произведений тоже. Тема очень важная и скороговорка в решении ее ни к чему. Думаю, что у нас будет возможность при личной встрече поговорить о статье "Пушкин и Маяковский", которую я читал самым внимательным образом. Ведь не так часто ученые-химики пишут статьи такого рода. Разумеется, я искал какой-то новый, своеобразный угол зрения. Но об этом потом.

Доброго Вам здоровья, неиссякаемой научной и литературной дерзости.

Н.Ровенский."

На этом переписка, сохранившаяся в архивах, обрывается. Она заинтересовала нас той настойчивостью, с какой Евней Арстанович отстаивал свою точку зрения не только в области

своей специальности, но и в литературе. Несмотря на эти обстоятельства, как видно из переписки, работники совершенно разных направлений так быстро поняли друг друга, нашли общий язык и в дальнейшем подружились. Кульминацию их отношений могут показать только дальнейшие поиски продолжения их переписки.

Особо плодотворными для литературной работы были 1977-1978 г.г. Евней пишет и публикует на казахском и русском языках публицистические статьи, очерки, издает книгу "Грани творчества". Многочисленные положительные отклики получил очерк "Второй в республике" - о родном университете, опубликованный в восьмом номере журнала "Простор" за 1977 год. Вот как откликнулся на него один из многочисленных читателей - В.Шестюков из Талды-Курганской области:

"В редакцию журнала "Простор". В восьмом номере Вашего журнала напечатана статья ректора Карагандинского государственного университета Евнея Арстановича Букстова под скромным названием "Второй в республике". Меня лично, читателя, выступление ученого сильно увлекло, заинтересовало. Я прочитал его с большим удовольствием. Вчера в троллейбусе я услышал, как несколько пассажиров ссылались на статью, прочитанную мною, мнение совпало... Журнал, на мой взгляд, может гордиться этой статьей..." Таких откликов я слышал и читал немало...

Евней готовился писать большой труд о жизни и деятельности первого Президента АН Казахской ССР, первого академика Союзной академии Каныша Имантаевича Сатпаева. Вел долгие поиски и накопил богатейший материал, который в настоящее время хранится в его личном архиве. Приступил к осуществлению давней мечты, начал писать и публиковать отрывки отдельными главами. Так, 21 марта 1975 года в Казахской литературной газете "Қазақ Әдебиеті" появилась вступительная глава. В дальнейшем эта тема стала одной из основных в его литературной деятельности.

Когда читаешь его наброски, то нетрудно догадаться, что работа была задумана как многоплановая - трилогия-эпопея, но не суждено было сбыться его мечте. Не успел. Написал около 300 машинописных страниц и дошел лишь до 15-16-летнего возраста главного героя книги.

Объединив эти главы с эссе о Чокане Валиханове, в 1989 году я предложил этот материал издательству "Казахстан" под названием "Слово о двух мыслителях". Продержав какое-то время рукопись на своих полках, издательство ее вернуло,

объясняя невозможностью публикации отсутствием финансирования и бумаги. Не теряю надежды, что придет время и этот бесценный труд брата будет все же издан.

В 1977 году он написал рецензию на казахском и русском языках на книгу новых стихов и поэм поэта Жубана Молдыгалиева "Дойду до горизонта", после этого - документальную повесть "Время светлой судьбы" (записки научного работника), которую опубликовал в журнале "Простор" (1978г., N8-9). Эта публикация сыграла роковую судьбу в его жизни. Позже остановлюсь на этом подробнее.

Не забывает Евней и о переводах произведений любимых поэтов. Переводит на родной язык поэму "Хорошо!" В. Маяковского, стихи С. Есенина "Русь советская", "Письмо женщине", "Собаке Кочалова". Объединив их с ранее переведенной поэмой "Анна Снегина", издает отдельным тиражом в издательстве "Жалын". Перечисление всех его литературных трудов заняло бы много места и времени читателя, поэтому ограничусь приведенным. К тому же издается много научных работ по химии и металлургии. Под его руководством были изданы монографии, кроме того, он редактировал научные труды своих учеников и других сотрудников ХМИ. Читал лекции на химическом и филологическом факультетах. Руководил дипломными работами студентов этих факультетов, многие из них до сих пор вспоминают Евнея Арстановича добрым словом и благодарны ему.

Раньше я уже говорил, что в это время у Евнея зародилась идея заняться проблемой сжижения угля для получения моторного топлива. Он нашел активного сторонника в лице академика Союзной академии, доктора химических наук, директора института физической химии АН СССР, Героя Социалистического Труда Виктора Ивановича Спицына. Между ними завязалась интенсивная переписка. На отдельных ее моментах я посчитал целесообразным остановиться.

Разбирая архивы брата, однажды наткнулся на письмо, напечатанное на фирменном бланке ордена Трудового Красного Знамени института физической Академии Наук СССР, от 26 мая 1981 года. Для наглядности считаю уместным привести текст полностью:

"Глубокоуважаемый, дорогой Еке!

Я получил Ваше письмо с некоторым запозданием, так как был в командировке на совещании в Риге. Основная Ваша идея - применять для гидрогенизации угля связанный водород - мне нравится. Я советую Вам сосредоточить сейчас свое внимание

на процессе гидрогенизации угля и характеристике получаемых жидких продуктов. Вероятно, нужно добиваться максимальной гидрогенизации угля.

В определении состава получаемых жидких углеводородов мы можем помочь. Наш масс-спектрометр определяет состав летучих жидкостей по массам - за 5 минут. Накопите 10 проб и пришлите нам. Советую выбрать один из восстановителей, например - ферросилиций, и с ним уточнить условия гидрогенизации. Есть еще одна возможность: применить в качестве восстановителя металлические окатыши железа. Они содержат 90-95% железа и получаются при прямом восстановлении руд Курской Магнитной аномалии. Если у Вас нет такого материала, могу Вам выслать.

В своем описании Вы не пишете, сколько вводите воды в шихту. Или она имеется в виде влажности угля? В случае ферросилиция сырьем для получения водорода должны являться оба компонента.

Напишите, какой у Вас автоклав? Мы имеем также опыт работы с автоклавами (при изучении коррозии).

Пишите о результатах. Я буду в Москве до 15-20 июля, потом поеду в санаторий.

Всего Вам доброго и желаю успехов! Привет и наилучшие пожелания Зубайре Дюсеновне!

Екатерина Алексеевна также шлет Вам свой привет. Ваш Вике".

Размышляя над этим письмом, я понял, что оно адресовано моему брату, т.е. Еке это Евней, а кто такой Вике? Из содержания письма легко догадаться, что написано оно очень компетентным ученым в области химии и высоко эрудированным человеком, кроме того имеющим возможность решать определенный круг административных вопросов. Перебирая в уме круг знакомых коллег Евнея, работающих в Москве в институте физической химии, не припомнил никого из казахов. Пришлось обратиться к одному из учеников брата, Малышеву В.П. - доктору технических наук, профессору, который, увидев письмо, воскликнул, что его написал Виктор Иванович Спицын - доктор химических наук, профессор, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда, директор института физической химии АН СССР. Таким образом, мои предположения подтвердились.

Виталий Павлович, коротко рассказав, что ему было известно об авторе письма, достал из сейфа серую папку и подал мне. Это была переписка Евнея с Виктором Ивановичем.

Она касалась многих тем научно-исследовательской работы, основном в области химии.

В последний период, начиная с 1978-1979 годов, шла интенсивная переписка на тему ожигения угля, т.е. на проблеме получения искусственной нефти из каменного угля. В письмах нередко можно встретить и многие другие темы, том числе житейские. Между учеными завязалась дружба. Если в начальный период переписка шла по строго официально-канцелярской форме, то позже, как видно из последних строк приведенного письма, она обрела уважительно-дружеский тон.

В одном из своих писем Евней делится со своим Вике (так обращался он к В.И.Спицину) сокровенными планами на ближайшее будущее как в науке, так и в литературе. Прочитирую отдельные места из некоторых писем:

"Глубокоуважаемый, дорогой Вике! Мне было радости слышать Ваш голос, и я постоянно нахожусь под впечатлением Вашего умения не забывать работу и дела даже в воскресные дни, когда бездельники ждут этого воскресенья, будто они всю неделю горы ворочали, камни вверх таскали и, уж в крайнем случае, сено косили..."

Далее в этом письме брат с огорчением сообщает, что дело по углехимии - ожигению угля - складываются не так, как хотелось. Приводит причины и выражает сожаление, что не Сатпаева, который в свое время много говорил об углехимических исследованиях и ставил целью открыть академический институт по проблемам химического использования угля. Признается, что тогда, по молодости и неразумию, не обращал внимания на эту пророческую озабоченность нашего первого пока последнего национального академика...

"Без Вас, даже точнее говоря, без Вашей опеки мне здесь не обойтись. Если такая опека с Вашей стороны будет иметь место, то дело наверняка плодотворно развернется, если же не будет, то есть опасность, что захиреет или в лучшем случае будет только тлеть, а сама идея будет растаскана по частям как это в жизни бывает.

У таких больших людей, как Вы, дорогой Вике, есть свойство втравливать приблизившихся в дело и заражать беспокойством. Вы меня втравили и заразили, так теперь спасайте, имея в виду мое теперешнее положение, когда могу распорядиться разве лишь собственными книгами... Я совершенно уверен, что игра стоит свеч. Буду ждать Ваши соображений и решений..."

Отвечая на это письмо, восьмидесятилетний академик В.И.Спицын подробнейшим образом излагает свои соображения и рекомендации по проведению исследовательских работ. Вот как он выразил свою поддержку и помощь: "...Караганда стоит на угле, и Вам самой природой положено включиться в проблему ожигения угля... Конечно, дела по ожигению угля развернутся не сразу, но времени терять нельзя. Я буду информировать Вас о всех предстоящих совещаниях, конференциях и т.п. Придется Вам на них приезжать. С Вашей стороны было бы желательно подобрать двух-трех молодых способных химиков из Химико-металлургического института АН Казахской ССР или Карагандинского университета, которых можно было бы направить в Москву для стажировки в Институт горючих ископаемых Министерства угольной промышленности СССР... Я постараюсь устроить прикомандирование на 1 год или не менее 6 месяцев...

Мы всегда будем рады сотрудничать с Вами по этой проблеме. Академик В.Спицын".

Это письмо датировано концом 1979 года. Как видно, тон строгий, но теплый.

Отвечая на озабоченность Виктора Ивановича по поводу углехимических проблем, Евней сообщает свою готовность сотрудничать. По всему видно, что молодой химик был подобран и направлен на стажировку, но он не оправдал надежды, ибо Евней в одном из писем сообщает: "Немного по-другому складываются дела по углехимии. К сожалению, скоро сказка сказывается, да нескоро (и не спорю!) дело делается... Тот товарищ, который у Вас стажировался, по некоторым обстоятельствам отошел от этих дел, получилось не очень хорошо, но иногда обстоятельства бывают сильнее нас". Далее он с доверием пишет, что теперь за это дело принялся умный, толковый и очень инициативный кандидат химических наук Ермагамбетов Болат. Он находит целесообразным искать свои пути ожигения углей...

Б.Ермагамбетов по сей день руководит лабораторией, созданной Евнеем, которая занимается тем же вопросом получения искусственных нефтепродуктов из угля.

Докладывая глубокоуважаемому Виктору Ивановичу об этом направлении работ, Евней пишет: "Словом мы хотим идти, пусть не оригинальным, но своим путем, ибо вести ожигение угля тем путем, который разрабатывается в Московском институте горючих ископаемых, - тяжкое дело: например, расход молибденового концентрата, регенерация которого че-

ресур проблематична...", приводит множество отрицательных сторон этого метода и сообщает: "...Для чего, конечно, нам в дальнейшем нужны будут и автоклавы и многое другое. С этим тоже скажем.

Очень просил бы Вас, если это возможно, поручить сделать перевод с японской статьи, которую прилагаю".

Переписка касается многих других проблем. Брат мой докладывая о полученных результатах по той или другой теме проводимой в лабораториях института, часто спрашивает совет Спицын, в свою очередь, дает очень обстоятельные советы и рекомендации.

В письмах Евнея можно встретить рассуждения о методе обогащения колчеданных руд и полупродуктов цветных металлов, из отходов которых есть возможность извлекать пирит, кремнезем, и описание методов извлечения, использованного осадка для производства высококачественного цемента. В этом письме автор, сообщая о своих делах затрагивает еще несколько тем. Но главной темой остается углехимия, т.е. ожигение угля: "Я очень благодарен Вам пишет Евней,- что нацеливаете меня на занятие углехимией. Я кое-что прочитал в этой области и почувствовал, что боги горшки обжигают. Переговорил на месте. Интерес имеется..." Следует полагать, что в это время он уже получил искусственную нефть ожигением угля, что подтверждает: "...временем, если найдете возможным выслушать, я доложу Вам данные этой работы для совета и помощи. Есть и мелкие темы которые вызывают интерес и которые, если ими заниматься могут перерасти во что-то большее... Но, к сожалению, на одного человека, по-видимому, никогда не хватит, приходится "смирять себя, становясь на горло собственной песне".

Вчитываясь в переписку, можно понять, откуда пришла идея ожигения угля. Все началось с того, что Евней вычитывал в работах, когда уголь ожигали в лаборатории с целью изучения его структуры. Разбирая теоретически весь этот процесс, Евней приходит к мысли, что весь процесс можно упростить и удешевить. В письме своему Вике о достижении в этом деле лабораторным способом сообщает, что, пожалуй, неорганическую часть проблемы они могут в основном сделать до выхода из лабораторных и укрупненно-лабораторных условий на месте.

Изучение органической части представляет большие трудности, главным образом, из-за отсутствия оборудования.

людей. Он убежден, что к этому делу надо приступать деловито и с размахом.

Волей и настойчивостью этих двух сподвижников науки действительно лабораторные исследования развернулись с размахом. Евней сумел убедить в перспективности затеянного бюро Карагандинского обкома партии, тогдашнего первого секретаря Коркина А.Г., который оказал существенную помощь. Вопрос был рассмотрен на бюро обкома партии, было принято специальное постановление о строительстве лабораторного корпуса. Работа пошла на лад.

На январь 1984 года было запланировано на заседании ученого совета института физической химии АН СССР рассмотреть предварительные результаты исследований с целью подготовки вопроса на заседании президиума АН СССР для того, чтобы принять практические меры по ускорению ведения работ. С докладом должен был выступить Е.А.Букетов, но этому не суждено было осуществиться в связи со скоропостижной кончиной Евнея.

Когда о случившемся сообщили Виктору Ивановичу по телефону, тот, видимо, растерялся и произнес: "Он же должен был сделать доклад на ученом совете института по ожигению угля 27 января предстоящего года". Эти слова еще раз подтверждают преданность без остатка любимому делу академика В.И.Спицына. То же определение можно дать и Евнею, который за день до кончины писал записку начальнику "Карагандаглавнаба" с просьбой для нужд лаборатории выделить насосы высокого давления.

Работа эта продолжается учениками брата, но, видимо, не такими темпами, какими была начата двумя академиками, которых уже нет в живых.

Осуществилась их мечта, задуманная еще К.И.Сатпаевым. Организован в г.Караганде академический институт по органическому синтезу и углехимии, в состав которого входит и указанная лаборатория. В том же году было организовано Центрально-Казахстанское отделение АН Каз.ССР, Евней вошел в состав бюро. Мы уверены, что дело будет доведено до победного конца, искусственная нефть получена и приоритет будет принадлежать карагандинцам и в конечном документе будут названы имена людей, стоявших у истоков.

Как я упоминал ранее, Евней нередко информировал своего Вике и о делах не химических, о чем свидетельствуют цитаты из его писем: "...К сочинительству у меня интерес, по-видимому, в крови. Нет-нет, да и хочется о чем-то написать. Последние

десять лет я урывками занимаюсь биографией академика Каныша Имантаевича Сатпаева. Почему я занимаюсь именно им? Потому что он наш первый академик, первый признанный всеми, в особенности выдающимися деятелями русской советской науки, ученый-казах. До него был крупнейшей фигурой Чокан Валиханов, но он умер тридцати лет промелькнувшим метеором, как выразился академик Веселовский. Сатпаев - первый президент нашей национальной академии. Последнее, конечно, ничего не значит, ибо граф Кирилл Разумовский тоже был президентом императорской академии... Речь идет о Сатпаеве - труженике науки, о Сатпаеве - человеке такого кругозора, который не оставлял его равнодушным ко всему, что делалось в республике, Сатпаеве - эрудите, обладавшем громадной интуицией и тонким чувством нового, умения вникать во все прогрессивное и давать необходимые импульсы. Я проработал под его началом где-то года три-четыре, причём отношение его ко мне к концу его жизни (1964г.) было скорее отрицательным, поскольку, не имея достаточного жизненного опыта, я не умел нейтрализовать всякого рода околонучные людей, наущивших изрядно больному Президенту, особенно напирала на неуважение к старшим. В том я, по-видимому, был сам виноват, потому что, как щенок из-за набегавшего чувства самостоятельности, далеко отбегающий от хозяина, вел себя слишком самостоятельно, что было наруку зашаталям. И тем не менее, чем дальше отходит то время, когда работал Сатпаев, тем явственней чувствуется громадность его фигуры. Поистине, большое видится на расстоянии. Это фигура, через которую при умении можно показать всю нашу жизнь, весь наш рост при советском строе, подобно тому, как весь дореволюционный быт нашего народа М.Ауэзов сумел показать через личность Абая. Мало того, Сатпаев - личность, на деяния которого можно наилучшим образом воспитывать нашу научную молодежь. Высшая культура - это равнодушие, выразил недавно один писатель. Сатпаев был в высшей степени равнодушным и беспокойным человеком. При Ваших внезапных звонках я всегда вспоминаю Сатпаева. Президент Сатпаев, если он находился в Алма-Ате, звонил, интересуясь ходом теорий или иных исследований, а если находился в Москве, звонил или вызывал для решения многих вопросов, которые он сам же инсценировал..."

Естественно, такие обстоятельства заставили Евнея не забывать К.Сатпаева, и ему хотелось написать о человеке

который сам горел работой и тормозил всех окружающих, призывая, понукая, поощряя во имя дела.

Работая над задуманной эпопеей, брат написал небольшой очерк (37 м.п.стр.) о Сатпаеве - журнальный вариант и опубликовал его. Сам он позже писал дорогому Вике: "...Именно этот журнал осколок вызвал гнев начальствующих, главным образом, потому, что "...не должно быть...". Видимо, его работа над образом Сатпаева - национальной гордостью казахского народа была еще одним поводом попасть в немилость тогдашних руководителей республики в дополнение к его "винс" в том, что вовремя не снял свою кандидатуру на пост Президента Академии наук республики.

Но задуманное также не удалось завершить. Из переписки видно, что замыслов, идей, как у В.И.Спицына, так и у Евнея Арстановича Букетова - доктора технических наук, академика республиканской академии, лауреата Государственной премии, члена Союза писателей СССР - было очень много, и эти замыслы были разносторонние, но им не суждено было осуществиться при их жизни.

У казахов истари заведено при обращении к старшим или к довольно молодым, но почитаемым людям вообще не произносить полного имени. В знак уважения из полного имени преобразовывали ласкательно-краткое, удобное для произношения, вежливое имя, например: Абдрахман - Абеке, Зейнолла - Зеске и т.д. Эту уважительно-вежливую форму обращения казахов принял русский, коренной москвич академик Виктор Иванович Спицын при обращении к моему брату, называя его Еке - сына степей, коренного азиата, довольно молодого казаха; разница в возрасте между ними более 22 лет. Казалось, что между ними общего? Здесь усматривается подлинный интернационализм, преданность общему делу, большое человеческое уважение не только друг другу, но и к нации.

Мне доподлинно неизвестно, когда и где встретились и познакомились эти два сподвижника науки, но помню, что дорогой Вике дважды был в Караганде - в 1978 и 1982 годах, когда проводились Всесоюзные совещания по халькогену и халькогенидам, организованные и проведенные по инициативе и под руководством Евнея.

Дружеские и подлинно интернациональные взаимоотношения, определившиеся в двух словах - Вике и Еке, сохранили они до конца своих жизней.

Приступая к конкретным исследовательским работам по этой теме, Евней подбирает, как упомянуто выше, несколько

специалистов-химиков и направляет их в Москву на специализацию, они вскоре оставили эту работу. Из них остался один кандидат химических наук, ныне доктор наук Болат Ермагамбетов, который эту тему сделал делом всей жизни, издал монографию, защитил докторскую диссертацию. В настоящее время вплотную занимается строительством завода по превращению угля в жидкое топливо, дай Бог ему удачи. Если только практически осуществится этот замысел Евнея Арстановича, то будет ему вечной памятью.

Считаю, нет особой необходимости перечислять все то, что написал за свою непродолжительную жизнь Евней. Часть из написанного издана отдельными книгами, а большая часть подготовлена к изданию. Это - пять книг, художественных произведений, надеюсь они будут изданы, найдут своих читателей и станут достоянием своего народа.

Популярность и пасквиль

Из изложенного видно, что очень много писал сам Евней на различные темы в науке, литературе, искусстве и других направлениях, не меньше писали о нем и публиковали в периодической печати при его жизни.

Ему посвящали стихи известные поэты. В 1967 году стихотворение "Химик-Лирик" написал М.Алимбаев. Много статей и очерков писали журналисты, прозаики, поэты, ученые, и все они были похвальные. Евней становится популярным в народе, особенно после защиты докторской диссертации и получения Государственной премии СССР. Газета "Правда" 30 августа 1971 года публикует статью своего специального корреспондента Г.Петрова - "Академический цех Караганды" о работе химико-металлургического института, возглавляемого Евнеем Арстановичем. Республиканский журнал "Білім және еңбек" помещает большой очерк журналиста Б.Ибраева "О Букетове". Позднее эти два автора выпустили в издательстве "Жалын" книгу под названием "Большая вахта", в которой одна из глав "Норма конфликтности" также посвящена исследовательской работе ХМИ на Балхашском горно-металлургическом комбинате, результатом которой явилось присуждение группе работников Государственной премии СССР, в том числе Евнею.

Итак, периодически появлялись подобные статьи и очерки, особенно перед и в дни юбилея 50-летия со дня рождения в 1975 году. Известные поэты Какимбек Салыков, Абдильда Тажибаев посвятили Евнею свои стихи, писатель-ученый

Зейнолла Кабдолов опубликовал статью "Селен мен олең"; писатель Сергей Никитин опубликовал в газете "Правда" очерк "Простор"; журналист, корреспондент АПН И.Моляр, в Вестнике агентства печати новости поместил статью "Слав ученого и поэта". Несколько раз выступил со статьями и очерками писатель Жаик Бектуров. Нередко организаторами бывали редакции газет и журналов. Не отставали радио и телевидение, приглашая выступить и самого Евнея. Так продолжалось до середины 1979 года, пока в республиканской молодежной газете "Ленинская смена" 19 мая 1979 года не появился пасквиль под заглавием "В соавторстве... с Хлестаковым" Ю.Рощина - кандидата исторических наук.

Пришло время более подробно остановиться на этой теме.

Эта была единственная гласная публикация отрицательного характера за всю мою жизнь, не исключая и устные и письменные, анонимные, говорят, бывали, но при проверках не подтверждались. Появление этого фельетона было сенсационным для интеллигенции, особенно ученых и писателей. Многие начинали искать автора и быстро нашли. Настоящее его имя Владислав Владимиров - помощник первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Д.А.Кунаева. Автор, боясь ответственности перед общественностью республики, да и страны, подписался анонимно.

Проведенное мною поверхностное расследование подтвердило это. Первоначально пасквиль был предложен редакции газеты "Казахстанская правда", но тогдашний главный редактор Ф.Михайлов проявил гражданское мужество, отказав в публикации, несмотря на занимаемый пост автора, ведь он курировал всю прессу республики. Главный редактор молодежной газеты Ф.Ф.Игнатов не выдержал напора столь высокопоставленного чиновника руководящего партийного аппарата, кроме того, как выразился сам Федор Федорович, лично не знал героя фельетона и не встречался с ним, а когда встретился и побеседовал, то глубоко сожалел об опрометчивом поступке, но было поздно. Настоящего автора он тоже подтвердил. Последнюю точку в этом вопросе поставила газета "Кооперативные новости", опубликовав в 1992 году на своих страницах небольшую заметку "Это не "Записка". Это донос".

"... Нам кажется, деликатность в таких принципиальных вопросах излишня. Ведь автор этого доноса сделал все, чтобы галантливая поэтесса Тамара Мадзигон молодой ушла из жизни. Молодым умер Толя Тарасов. После гнусного фельетона всем хорошо известного анонима погиб академик Е.Букетов..."

Приводя множество подобных фактов, газета называет и этого доносчика - Владислав Владимиров.

В конце статьи от редакции: "Как бы хотелось, что В.Владимиров подал на "КН" в суд за клевету. Мы готовы отчислить любую сумму за экспертизу авторства доноса. Мы готовы выслушать показания множества свидетелей.

Замечательный должен бы получиться процесс. Процесс на теми, кто пока ушел от заслуженного ответа".

Но доносчик в суд не подал. Замолчал. Перефразируя известную русскую поговорку, получается: "Молчание знак признания". Пасквиль безусловно был написан по злому умыслу, но по инициативе автора или же по поручению высшего партийным руководством - остается загадкой. Все же я склоняюсь ко второму.

Подтверждением тому является интервью академика Ш. Есенова, опубликованное в журнале "Зерде" (1989 г. №1)

Появление этого незаслуженного пасквиля казахстанцы поняли как расправу и поняли, что Букетову осталось недолго работать на посту ректора второго в республике университета.

Незамедлительно были организованы всевозможные проверки, ревизии учебного процесса, финансово-хозяйственной деятельности и т.д. К концу того же года его вынудили написать заявление об уходе по состоянию здоровья, так как проверки не нашли серьезных просчетов в его деятельности. Снять его не могли, хотя для этого документы готовились. Причиной всего этого было то, что Кунаевы и многочисленное окружение в лице Букетова увидели серьезного претендента на пост Президента республиканской академии наук, на который он никогда не претендовал. Люди, устроившие гонения пользовались слухами, когда встал вопрос о кандидатуре на пост Президента. Ведь каждый высказывает свои соображения. Тогда одной из вероятных кандидатур был мой брат, к тому же, наверное, наушничали и доносчики. Помню моменты, когда Евнея поздравляли, звонили из разных регионов республик. Это надо понимать, были подхалимы, заранее готовившие себе почву. А Евней по простоте своей души мог и поверить, хотя нам ничего об этом не говорил.

Тернии

Когда стало известно об уходе Букетова из университета, нашлись люди во главе с руководителями отделов университета и химико-металлургического института, которые сочинили письмо-обращение к первому секретарю обкома партии т.Кор

кину А.Г. Они просили защитить, отстоять ректора от несправедливого гонения, но их сам Евней остановил: "Туда ходить нечего, команда поступила из Алма-Аты от первого, все ваши затеи бесполезны".

Попрощавшись с сотрудниками университета, попросив их не забывать, Евней добавил: "Может быть, все к лучшему? Наконец, я смогу сесть за лабораторный стол и вести исследования по более экономичному превращению низкосортного казахстанского угля в моторное топливо и извлекать из него нужное сырье для народного хозяйства. Смогу сесть за книги, чтобы окончить их".

Имя его долгие годы было в забвении. О происходящем Евней нас не уведомлял, чтобы не расстраивать.

В один из первых дней 1980 года он позвонил и попросил меня зайти к нему. Встретил улыбающимся и сказал: "Можешь поздравить безработного академика". Я опешил. Выяснилось то, о чем я написал выше. Просьба его была с радостью и незамедлительно удовлетворена. Считаю, что он поступил в этот момент мужественно, так как в тот период круговой поруки все равно ему не дали бы нормально работать.

Евней вернулся в родной химико-металлургический институт и был зачислен на скромную должность старшего научного сотрудника, ибо другую должность не смогли предложить: был строгий запрет сверху. Но он особенно не унывал, окунулся в работу. В научном плане главной его темой стала проблема получения жидкого топлива и химического сырья из углей бассейна. Для этого требовалась довольно мощно оснащенная лаборатория. А где ее разместить, тем более, что лучше всего было бы отдельно стоящее здание. Чтобы не быть голословным, он в имеющейся лаборатории примитивным способом получает из угля нефть, которую превращает в горючее, и, разлив ее в пробирки-флакончики, демонстрирует соответствующим компетентным людям, которые могли бы оказать содействие в осуществлении задуманного - строительстве лабораторного корпуса.

Едет в Алма-Ату, докладывает на заседании Совета отделения химических наук, получает одобрение. Позже на заседании бюро Карагандинского обкома партии тоже получил одобрение и большую поддержку. Решено было срочно начать строительство лабораторного корпуса. В течение нескольких месяцев он был построен, смонтировали и оборудовали все экстренно, не доставало только насосов высокого давления и кое-чего по мелочи. По-детски радовался Евней этому событию.

Однажды повел меня в будущую лабораторию и объяснил популярно, что к чему. Мне показалось, что это здание стоимостью в 40 тыс. рублей, в исчислении того времени, будет для него самым теплым, просторным и уютным по сравнению со всеми предыдущими, где приходилось работать. Мечтательно добавлял: "В дальнейшем будет построен второй этаж и будет создана настоящая крупная углекислотная лаборатория". Но этим мечтам не суждено было сбыться. А маленькая лаборатория все же работает.

Наступил тяжелейший период в его жизни. Многие, если не все его окружавшие, отвернулись, создался вакуум. Он оказался почти один в отведенном ему маленьком кабинете, за маленьким столом, со своими бумагами, формулами, расчетами. Лишь немногие, имевшие гражданское мужество, сохранили уважение и любовь к нему. Среди них был Олжас Сулейменов, который, несмотря ни на какие обстоятельства, посетил его, тем самым морально поддержал. Но ученики его не оставляли. Безусловно, тяжело было ему работать в такой обстановке, ему, человеку, привыкшему работать масштабно, с размахом. Спасением для него были три его верных спутника: терпение, труд и упорство. Дома принимал редких посетителей, занимался своими детьми, на работе консультировал своих аспирантов и многочисленных научных сотрудников. Так протекало его время. Он особо не переживал. Но трудным для него было то, что ни одно периодическое издание не публиковало его сочинения, а издательства вернули книги, подготовленные в производство. Это было тяжелейшим ударом для него. Его лишили общения с массовым читателем как литературных, так и научных трудов. Но он не унывал. Иногда мы за ним замечали задумчивость, а однажды Евней произнес: "Не век же жить Аблайхану, придет время, и над ним прояснится небо". Однажды в минуту таких раздумий он высказал вслух: "Можно было бы поехать в ЦК на прием к Кунаеву, объясниться. Но ведь я абсолютно ничего плохого не сделал ни одному из Кунаевых, о чем же буду говорить?". Такая обстановка продолжалась, а он с присущей ему энергией упорно работал и в науке, и в литературе.

В первую очередь он пересмотрел и переработал автобиографическую повесть, назвав ее "Шесть писем другу". Повесть дополнена рассказами об учителях и учениках, ставших его коллегами в решении множества научных проблем, воспоминаниями о становлении научного коллектива ХМИ, основного центра академической науки в Центральном Казахстане, на

базе которого организовано Центрально-Казахстанское отделение НАН РК Казахстана. Повесть написана на казахском и русском языках. На русском языке издана отдельным тиражом в 1989 году издательством "Жалын". В ней правдиво изображены картины жизни ученого. Она имеет оригинальную композицию, а своеобразный жанр располагает читателя к душевному разговору. Глубина мыслей заставляет читателя не просто следить за фабулой, а сопереживать, вдумываться в прочитанное. Сложная структура предложений, облеченная в образный и живой язык, как бы дает возможность разогнаться. Действия, разворачивающиеся, на первый взгляд, медленно, постепенно захватывают читателя своей динамикой. Таково движение жизни: детство, когда каждый год тянется неумолимо долго, юность, годы которой забываемы и проносятся все более стремительно, и взросление - жизнь на полной скорости. Повесть заставляет читателя задуматься: все ли свои умственные и физические возможности я использовал, чем могу быть еще полезен людям? Положительно откликнулись читатели. Было опубликовано несколько откликов, рецензий, в т.ч. Т.Савченко - кандидата филологических наук, доцента, зав.кафедрой русской и зарубежной литературы Карагандинского государственного университета, К.Муканова - зам. начальника Северо-Казахстанского облуправления народного образования и др.

Давно Евнеем было задумано изложить свои мысли о двух великих сынах казахского народа - Чокане Валиханове и Каныше Сатпаеве. Ранее небольшие по объему части увидели свет на страницах журнала "Простор"; это были материалы к 150-летию Ч.Валиханова и к 80-летию К.Сатпаева.

Переработав небольшой очерк о Ч.Валиханове, Евней превращает его в довольно большое эссе, предлагает редакции Московского ежегодного альманаха "Пути в незнаемое", который с удовольствием принял его к публикации. Эссе было опубликовано в 18-ом номере сборника в 1985 году. Самому Евнею предложили стать членом редакционной коллегии этого сборника: безусловно, предложение он принял и стал его членом.

Второе большое повествование о первом Президенте АН Казахской ССР К.И.Сатпаеве тоже начал перерабатывать и дополнять. Однако работа осталась незаконченной.

Последним прижизненным изданием была небольшая книжка "Моя любовь", куда вошли переводы стихов и поэмы "Анна Снегина" Сергея Есенина (1978 г.). В предисловии к ней

академик АН Казахской ССР М.Каратаев обращает внимание на то, как удачно передаются на казахский язык лирико-эпический сюжет и смысловые особенности поэмы. Даже собственную характеристику С.Есенина "Российский скандальный поэт" переводчик дает с большим пониманием и тактом.

В эти годы Евней переводит на казахский язык две трагедии В.Шекспира - "Макбет" и "Юлий Цезарь". Премьеру "Макбета" переводчик видел на сценах Карагандинского, Чимкентского и Кустанайского областных казахских драматических театров. Премьера "Юлия Цезаря" была назначена на 22 декабря 1983 года, но ему не суждено было присутствовать на ней.

Летом последнего года своей жизни Евней писал рассказ на казахском языке - "Подозрительный червяк" (Құдік құрт), который смог опубликовать в газете "Орталық Қазақстан" в двух номерах - за 24 и 25 сентября 1983 года, под псевдонимом Кабикен Арстанов. Это было выходом из тупика, ибо существовал полный негласный запрет на появление его сочинений. Это была последняя прижизненная публикация.

Творческая кухня

В 1971 году Еней был принят членом Союза писателей СССР по рекомендации областной писательской организации. Вскоре после появления пасквильной статьи в молодежной газете "В соавторстве... с Хлестаковым" состоялась встреча в университете, на которой присутствовали не только студенты. Мне хочется вернуться к этой встрече, к тем вопросам, которые там были заданы, к ответам Евнея.

- Как Вы стали писателем?

- Судьба, рок? Не будем использовать этих понятий. Я, как и всякий много читающий человек, в детстве пытался писать, переводить. В мои школьные годы был организован юбилей А.С.Пушкина, который оставил в моей памяти неизгладимый след. Мне удалось достать огромного формата его юбилейный однотомник. Ясно, что после я стал грешить стихами.

- Жалее ли Вы, что стали химиком-металлургом, ученым?

- Нет! Эта работа творческая, она позволила мне изнутри познать жизнь производства и, пожалуй, одну из массовых специальностей - специальность современного ученого. Но первая любовь - любовь к поэзии, литературе остается. В "Грнях творчества" я рассказал о далеком и близком мне учителе. Во "Времени светлой судьбы" уже нашли воплощение

мысли о развитии современной науки, о путях развития моего народа.

- В чем особенности Вашей творческой кухни?

- Не знаю, есть ли они. Прежде в том, чтобы держать себя в узде. Ежедневно с 6.00 до 8.00 - полных два часа работы. Я считаю это время наиболее плодотворным. Испысываю много, но окончательного текста - не более одной страницы.

- И это все Ваше время, которое отдано литературной деятельности?

- Конечно, нет. Во время прогулок или поездок появляется время на обдумывание. Это может быть рассказ попутчика, который предстоит записать, или разговор, беседа на тему, которая должна быть освещена. Если пишешь, нельзя не читать как современников, так и классиков. Перечитываю Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского и других.

- Считаете ли Вы себя дилетантом? Как вы относитесь к дилетантизму?

- Дилетантизм! Слово-то какое. А кого мы готовы окрестить им? Неужто это А.П.Чехов - врач по профессии и писатель по влечению, Л.Н.Толстой - недоучка в понимании ретивых блюстителей, или А.М.Горький - это учитель писателей окончил только университет жизни. И кого же из них назовем "дилетантом"? Вы читали прекрасные мемуары маршала Жукова? Это мемуары, слава Богу, что он не написал "Войну и мир" 1941-1945 годов, а ведь он организовал и провел не одно Бородинское сражение, материала у него больше, чем у Л.Н.Толстого. И спасибо Жукову за мемуары. Хотя и художественное произведение он, наверное, написал бы талантливо, как безусловно талантливый человек. Но тогда его тоже отнесли бы к разряду "дилетантов". Я не получил специального филологического образования, но как писатель, как переводчик дилетантом себя не считаю. Уверен, что образованных бесплодно-нально работающих людей без образования, по избранной специальности. Последние делают заметный вклад в науку, литературу. Это и С.Есенин - "зрелознающий работу" - по собственному его заявлению, которого долго считали дилетантом. А В.В.Маяковского и до сих пор считают таковым.

Вот такие слова были сказаны Евнеем своим коллегам-филологам КарГУ. Наверное, не случайно на кафедре русской и зарубежной литературы висит его портрет. Он всегда с большой симпатией относился к филологам, нередко к ним обращался

за советом и помощью - к Б.А.Байтанаеву, М.К.Смагулову, С.А.Матяш, А.Н.Тэн, Е.П.Цой, Т.Т.Савченко и другим.

Евней никогда не брался переводить стихи А.С.Пушкина и М.Ю.Лермонтова. Он понимал, что, как великий Абай, переводить не сможет, а поэтому не стоит начинать. Но в начале декабря 1983 года, за неделю до кончины, он перевел стихотворение А.С.Пушкина "Полководец", которое по моей просьбе опубликовала областная газета "Орталық Қазақстан".

В напряженном упорном труде проходило время. В один из весенних дней 1983 года руководство ХМИ предложило Евнею возглавить лабораторию по черной металлургии. Причиной тому послужил разлад в небольшом коллективе этой лаборатории. Чтобы каким-то образом помогать своим ученикам, он дал согласие на эту должность и стал исполнять обязанности заведующего лабораторией до конца своей оставшейся жизни.

Мы с ним чаще, чем с другими братьями, общались по телефону ежедневно. У него был заведен такой порядок: знал, что я на работу прихожу к 8.00 часам, и он между 8.00 и 9.00 обязательно звонил и осведомлялся о моем здоровье, о семье, о новостях и т.д. И в этот день в моем кабинете раздался телефонный звонок. Я поднял трубку, это была Зуке - жена брата. Она сообщила эту страшную весть. На поверхностный взгляд казалось, что все становится на свои места, стала налаживаться жизнь, несмотря на все тернии, но, как говорят, сердце не камень: 13 декабря 1983 года в 7 часов 40 минут на 59 году жизни оно остановилось. Он, как обычно, утром встал, умылся, оделся и вышел на прогулку со своим неизменным спутником-овчаркой "Рик". Ему лечащие врачи отвели асфальтированную тропу за забором внутри двора, примерная протяженность 80-100 метров. Проходясь от забора к забору, он встретил соседского парня-студента, весело поговорил с ним и проводил с добрым напутствием, потом встретил старшего брата этого студента и тоже поговорил с ним. Это были последние люди, видевшие Евнею живым. Он не дошел до входной двери своей квартиры всего лишь два с половиной метра.

По проведению похорон облисполкомом была образована комиссия, которую возглавил зам. председателя облисполкома О.Шакиров, безусловно, с одобрения обкома партии.

Проводить Евнею в последний путь приехало очень много народу. Хорошо были организованы их встреча и размещение на ночлег. Всего необходимого было в достатке. Четко работала

комиссия. Единственным недостатком, на наш взгляд, было то, что прощальную панихиду организовали в небольшом зале Химико-металлургического института, а горожане ждали, что эта процедура будет проведена в одном из центральных залов города, в здании Дворца горняков или же в театре драмы. Но этого не разрешили местные власти, боясь гнева верхних эшелонов властей республики.

Похоронили Евнея на смешанном городском кладбище 15 декабря в 14 часов по полудни 1983 года, дорогое тело моего любимого брата предали земле. Пачками в течение недели почта приносила телеграммы соболезнования. Некрологи были во многих газетах и журналах республики и в изданиях Союза.

После похорон Евнея я почувствовал, что даже, имея семью, других братьев и родственников, уважающих тебя, можно быть одиноким. Мне вспомнился наш Ибрай-ага. Они жили по соседству со своим младшим братом Маутаем. Если по каким-либо причинам Маутай-ага не мог присутствовать у него на ужине или на обеде, он самый лучший кусок просил отложить и отнести к брату домой. Так и мы прожили с Евнеем дружно, деля все свои радости и беды пополам.

Наступили очень тяжелые дни одиночества, не с кем посоветоваться, некому сказать о каких-нибудь своих невзгодах или радостях, которые случилась на работе. В общем, я стал скрытный. Но жить, работать надо. При жизни Евнея у меня было большое неотступное желание умереть раньше его, чтобы он меня хоронил: этому не суждено было осуществиться. Я боялся, что не смогу на должном уровне проводить его в последний путь, а проводили довольно на высоком уровне почти без моего участия.

В похоронах активное участие принимали его ученики, соратники. Два крупных коллектива, университет и химико-металлургический институт, руководимые З.М.Мулдахметовым и Ж.Н.Абишевым, сделали много. Летом 1984 года родные, проживающие в Сергеевском районе Северо-Казахстанской области, просили провести поминки для тех, кто не смог принять участие в похоронах. Просьба их была удовлетворена, соблюдая национальный обычай, поминки прошли в родном ауле Баганаты.

После похорон, не откладывая в долгий ящик, я активно занялся сооружением надгробного памятника, достойного его деяниям и имени. Ездил в Алма-Ату, советовался со специалистами, просил помощи. Никто не отказывался, но и энтузиазма не проявлял. Обошел все кладбища Караганды.

подходящего образца не нашел. Начались переживания. В один из таких дней мне на работу позвонил известный карагандинский скульптор Юрий Вильгельмович Гуммель, мы с ним познакомились и в какой-то степени подружились при сооружении памятника В.И.Ленина в центре Караганды. Мы встретились. После традиционных вопросов-ответов о житье-бытье, обменявшись новостями в городе, он задал мне прямой вопрос о том, что я думаю о надгробном памятнике брату-академику. Я без утайки рассказал о своих похождениях-мытарствах. А он говорит: "Может быть, мне доверите?" Я ему отвечаю, что если государство доверило грандиозный памятник вождю всех народов, я тем более доверяю. Не буду описывать подробности. Мы с ним работали в тесном контакте. Памятник-надгробие был установлен к годовщине со дня его кончины.

Одновременно я занимался изданием его трудов, публикацией отдельных статей, неопубликованных очерков, а результат был ноль. В издательствах, редакциях принимали хорошо, хвалили брата, благодарили меня за то, что проявляю заботу, обещали помочь, потом наступала тишина. Так продолжалось до 60-летия со дня его рождения, т.е. до 23 марта 1985 года. Перед этой датой в газете "Орталық Қазақстан" появилась подвальная статья в соавторстве с историком З.Утемисовым.

Общественность города, в том числе пенсионер союзного значения Н.Д.Ундасынов, обратились в обком партии, к его первому секретарю А.Г.Коркину - просили разрешения провести юбилейные торжества. Разрешение было получено. Торжественное собрание провели опять в том же маленьком зале ХМИ отсюда его отправили в последний путь. В связи с юбилеем в областных газетах опубликовали воспоминания его учеников к тому времени докторов наук, профессоров Ж.Н.Абишева, В.П.Малышева, "Ученый, художник, гражданин", еще 2 небольшие статьи других авторов.

"Являясь учениками Евнея Арстановича, мы занимались множеством различных задач в области химии и металлургии. Особенно бурно развивались исследования по сере, селену, теллуру, мышьяку. Мы делили себя на "мышьячников" и "селенщиков", на "гидриков" и "пириков", химиков и металлургов, теоретиков и практиков, технологов и аналитиков. Евней Арстанович был один во всех этих лицах". Так отозвались его первые аспиранты и первые докторанты в вышеуказанной статье-воспоминании.

После этого опять наступило молчание на длительное время. Я упорно трудился над приведением в порядок и подготовкой к изданию его литературных трудов, подготовив первые книги с помощью знающих людей, начал ходить с папками по кабинетам, но поддержки не нашел.

Прошел декабрь 1986 года. Сменилось руководство республики, а вместе с ним начались перемены во многих звеньях партийно-государственного аппарата. Пришло новое время. "Казахстанская правда" 19 июля 1987 года опубликовала довольно обширную статью известного казахстанского писателя А.И.Брагина под заглавием "И все-таки он победил, потому что был интернационалистом в большом и малом". Нетрудно догадаться, о чем идет речь в самой статье. Этой статьей республиканский партийный орган как бы реабилитировал Евнея Арстановича. Главным редактором газеты в это время был тот самый Ф.Ф.Игнатов, который в свое время опубликовал владимировский пасквиль. Статья Брагина как бы открыла дорогу для выступлений многочисленных авторов, желающих публично выступить с воспоминаниями. Одним из них оказался и я. По воле редакции областной газеты "Индустриальная Караганда" 10 января 1988 года появился первый мой очерк-воспоминание о любимом брате. Читатели тепло приняли эту мою работу. Я получил много устных, письменных и телефонных положительных откликов, были просьбы продолжать писать. Идя навстречу их пожеланиям, я и по сей день продолжаю писать.

Возвращение

Очень много и довольно часто стали появляться на страницах газет, журналов воспоминания писателей, поэтов, ученых, учеников и соратников Евнея Арстановича. Нередко эти статьи и эссе завершались настойчивым предложением увековечить его память, присвоить его имя отдельным объектам, связанным с его жизнью и деятельностью, а также издать как литературные, так и научные труды. С воспоминанием-эссе выступил на страницах "Правды", "Казахстанской правды", в журнале "Жулдыз" и Семипалатинской и Карагандинской областных газет писатели М.Сарсекеев, Ж.Бектуров, поэты Сырбай Мауленов, Музафар Алимбаев, ученые Ишамбай Каракулов, И.Ф.Худяков из Свердловска, журналисты Павел Новокшенов из Вологды, Валерий Могильницкий, Е.Решеткина из Караганды, многие его ученики и соратники: Б.Байтанаев, А.Баешов, Р.Казова, К.Рустембеков, земляки К.Муканов, Г.Кад-

ралин - из Петропавловска и многие, многие другие. Перечень материалов, к сожалению, с пропусками, приведен в библиографическом указателе "Евней Арстанович Букетов", изданном Карагандинским государственным университетом в 1992 году.

Так стало возвращаться его имя народу, которому он отдал себя без остатка.

В каждой из этих статей можно встретить суждения о причинах его ранней скоропостижной смерти, в которой обвиняют верхние эшелоны республиканской власти. Меня часто спрашивали, подозреваю ли я кого-нибудь. Я открыто написал в своем первом очерке-воспоминании, который опубликовали журнал "Простор" и областная газета "Индустриальная Караганда". Д.А.Кунаев в своих мемуарах "О моем времени" отреагировал на эти выступления. Опровергая факты, изложенные в моей статье, опубликованной в журнале "Простор" №9 за 1988 год, автор мемуаров пишет: "Переходя конкретно к указанным в статье обвинениям, хочу заявить, что никакой неприязни к Е.Букетову не испытывал. С ним вообще я лично знаком никогда не был и никогда не беседовал. На приеме у меня он никогда не был. Ссылка на мой разговор с Е.Букетовым - это сплошная выдумка автора"... (стр.279). Я написал в своей статье то, что слышал из уст брата.

Что же, у меня нет документальных доказательств, нет телевизионных съемок, протокольных записей. В одном я уверен, что из уст брата никогда, ни слова не слышал неправды.

В Караганде живы еще очевидцы-свидетели, которые присутствовали при личных беседах этих людей - Д.А.Кунаева и Е.А.Букетова, когда Д.Кунаев посещал Карагандинский университет. Сохранилась вырезка-фотография из газеты, где запечатлены Д.А.Кунаев, Н.А.Назарбаев, Е.А.Букетов и другие. Сообщу, что мне стало обидно, когда я увидел, что авторы мемуаров перепутали начальную букву моего имени. Какое пренебрежение.

Затронув вопрос о мемуарах бывшего первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Д.А.Кунаева, хотел бы остановиться еще на одном аспекте изложенного в них. Мне кажется, не было особой необходимости подчеркивать, каким путем, по чьей инициативе и по чьему предложению занял кресло Президента республиканской академии его родной брат А.М.Кунаев. Я нисколько не умаляю его достоинств и компетентности, хотя критики в его адрес в свое время было очень много. Ведь всем, кому довелось в то тоталитарное время быть на мало-мальских руководящих постах, известно, каким образом подбирались и

расстановливались чиновники управления. А подбирались они за плотно закрытыми дверями в тиши кабинетов руководящего партийного аппарата, в зависимости от того, свой или чужой и насколько предан вышестоящему лицу. Потом проводилась беседа также за закрытыми дверями. После этого на подобранную кандидатуру составлялись характеристики, объективки, листки по учету кадров со свежей фотографией. Потом только собирали отзывы-предложения. И в этом случае составлялись списки тех, у кого следовало запрашивать отзывы, те, безусловно, старались писать положительные отзывы, тем более, когда просьбы приходили из ЦК высшего органа власти, ибо боялись попасть в немилость партийному аппарату. Количество отзывов зависело от того, на какую номенклатурную должность назначали человека, их могло быть от 3 до 10: чем выше должность, тем больше отзывов. Такова была инструкция-установка высшего партийного органа. Следует подчеркнуть, что, боясь попасть впросак, исполнители под строгой секретностью параллельно готовили документы на вторую кандидатуру, т.е. альтернативный вариант, этот документ обычно хранился в сейфе, в большинстве случаев там и оставался в особой папке.

Подготовленные документы на основную кандидатуру оформлялись скрупулезно и проходили соответствующие инстанции за закрытыми дверями руководящего партийного аппарата, как отмечено в мемуарах. За всех ученых республики вопрос о главе академии республики решили несколько высокопоставленных чиновников центра. Голосование после такого одобрения носило чисто формальный характер, это можно понять и из текста мемуаров.

О жизни и деятельности Евнея-интернационалиста, как примере служения своему народу, в последние годы написано в очерках, статьях, книгах. Так, например, писатель Сергей Никитин сделал его, переименовав фамилию, главным героем романа "Жар", но закончить книгу ему было не суждено. В одной из своих последних книг Абдильда Тажибаев вспоминает Евнея в его далекие студенческие годы. Писатель Медеу Сарсекеев подготовил книгу к изданию воспоминаний, Музафар Алимбаев, Акселеу Сейдимбеков посвятили ему свои труды. Известный журналист Валерий Могильницкий много сделал для увековечения памяти на газетных страницах, в книгах "На земле Сатпаева", "Созвездие талантов" и "Город в степи". В них Евнею посвящены целые главы.

В 1984 году в издательстве "Молодая гвардия" в серии "Эврика" вышла книга А.Сухотина под названием "Ритмы и

алгоритмы". Автор повествует о жизни и деятельности многих видных ученых мира, в которых сочетались способности одинаково талантливо заниматься многими отраслями науки, культуры, искусства, писательской деятельностью. В главе "Притча о двух Ломоносовых" он пишет о В.Гёте - поэте и естествоиспытателе, С.Ковалевской - математике и писательнице, Леонардо да Винчи - в ком одинаково гениально сочетал: сь поэт и математик, живописец и астроном, музыкант и ботаник. Он с равным успехом мог конструировать, скажем, парашют или гребной винт и создавать архитектурные группы, работать военным инженером и справляться с обязанностью первого тенора театральных зрелищ во дворцах миланской знати. Подобного рода таланты были и у американца Р.Буда, бывшего иностранного почетного члена Академии наук СССР. Читатель, верно, догадался, что дальше речь пойдет о М.Ломоносове и А.Бородине, а также о В.Обручеве, у которых уникально сочетались в одном человеке научные и художественные дарования.

Перечислив упомянутых знаменитостей, автор книги Анатолий Константинович Сухотин, заведующий кафедрой Томского государственного университета, доктор философских наук, заслуженный деятель науки, профессор далее пишет: "И уже совсем в наши дни проявились дарования Е.Букетова, члена-корреспондента Казахской академии наук, лауреата Государственной премии, крупного специалиста в области химии. Казалось бы, современная наука spolна поглощает ученого, и ему не остается времени ни на что другое. Но Е.Букетов еще и ректор Карагандинского университета. Не у каждого ректора достает сил даже на науки - хватает административных забот. Но Е.Букетов не только большой ученый, но не менее известный писатель, поэт, создавший ряд художественных произведений на родном языке и познакомивший соотечественников со многими жемчужинами русской и западной классики. Его переводы стихов В.Маяковского, поэмы С.Есенина "Анна Снегина", рассказов Э.Золя и других творений мирового искусства хорошо приняты в республике".

Стоит напомнить размышления Н.А.Назарбаева о партийном товариществе. Будучи первым секретарем ЦК Компартии Казахстана, в "Правде" от 23 февраля 1990 года он писал: "...Казахстанцам хорошо известны имена писателя Сакена Сейфуллина, академиков Каныша Сатпаева, Евнея Букетова. Эти люди - наша национальная гордость - долгие годы третировались бывшим руководством республики. Сегодня мы

с любовью и чувством неизбывной вины возвращаем народу имена репрессированных, оболганных... Да, поздно, надо было раньше, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда..."

Безусловно, эти высказывания первого руководителя республики Нурсултана Абишевича оказали неоценимую помощь в деле возвращения доброго имени моего брата и восстановления его памяти в народе.

Перечислять все, что посвящено Евнею, потребуется много места и времени у читателя: у меня хранятся две довольно объемные папки воспоминаний современников, многие из них не публиковались, надеюсь, придут добрые времена, когда они увидят свет отдельным изданием, и книги придут к читателям.

Школа и наследие

"...Я не знаю, что будет после меня, но если хоть одно зерно, посеянное мной, даст плоды, я буду считать себя счастливым человеком". Такую фразу оставил он в одном из своих сочинений. Можно ли считать его счастливым человеком? Он оставил 9 монографий, 14 монографий его учеников и соратников вышли под его редакцией, в соавторстве со своими учениками и лично им написаны учебные пособия, научные статьи и тезисы в количестве 242, получено около 100 авторских свидетельств СССР, на отдельные изобретения и открытия есть патенты крупнейших, развитых в промышленном отношении иностранных государств - США, Франции, Англии, Канады, Австралии, Италии, Германии и Японии. Большинство научных изобретений и открытий внедрено в производство с немалым экономическим эффектом, многие из них актуальны по сей день.

Евней Арстанович, как отмечалось выше, был не только крупным ученым в области химии и металлургии, но и писателем, литературным критиком, прекрасным переводчиком, публицистом и поэтом, общественным деятелем, педагогом и воспитателем молодежи. Его литературное наследие составляет пять томов, из них издана только одна книга. Он написал более 50 произведений на различные темы, около 20 художественных переводов, среди них есть еще не опубликованные. Так, например, недавно обнаружен в архиве большой очерк "Нефть, уголь и вода в химии и энергетике" - об истории и проблемах получения моторного топлива и исследованиях угля.

Евней Арстанович - ученик академика Академии наук Казахской ССР Виктора Дмитриевича Пономарева, известного ученого в области физико-химии и технологии неорганических

веществ. Однако по объему и широте исследований, разнообразно использованных методов, их современному уровню, по количеству учеников и по их научным достижениям Евней создал свою научную школу, известную не только в Казахстане и в бывшем СССР, но и далеко за их пределами. Об этом многократно говорилось в дни юбилеев - 50-летия и особенно 60-летия.

Сегодня в музее Е.А.Букетова красочно оформленный список 61 кандидата наук, считающих себя выходцами из школы Букетова, любезно представленный администрацией Химико-металлургического института НАН Республики Казахстан, 52 кандидата наук являются непосредственными его учениками, подготовившими и защитившими диссертации под его руководством, остальные 9 начали работать, но не успели защититься при его жизни, а защитились позже. Многие из них разъехались по разным городам бывшего Союза и республики, живут и трудятся в науке и на производстве, большинство продолжают плодотворно работать в родном ХМИ, в университете, носящем его имя. Заведуют кафедрами на химическом факультете кандидаты наук М.Жамбеков, К.Рустембеков, д.х.н. Г.Макаров, доцентами работают Ж.Егимбаев, Н.Гафуров, Ш.Насипкалиева и др.

Из числа кандидатов наук, вышедших из букетовской школы, 16 человек стали докторами и крупными специалистами и организаторами науки. Это такие известные ученые-химики и металлурги, как академик НАН Республики Казахстан, заслуженный деятель науки, ныне председатель Центрально-Казахстанского отделения НАН З.М.Мулдахметов, много сделавший для претворения в жизнь идей своего учителя, а также для увековечения его памяти; член-корреспондент Ж.Н.Абишев, многие годы возглавлявший Химико-металлургический институт, ныне живет и работает в Алматы, доктор технических наук, профессор, член-корреспондент НАН РК Е.И.Пономарева, доктор технических наук, профессор В.П.Малышев - директор ХМИ, М.З.Угорец последние годы работал зав. кафедрой в университете, ныне живет в Израиле. Многие ученики стали докторами наук после его смерти. К ним относятся Н.С.Бектурганов, работающий заместителем главы областной администрации, С.М.Исабаев - зам.директора ХМИ, А.А.Жарменов, В.Г.Шкодин, М.И.Бакеев, А.Баешев, Б.К.Касенов, Г.В.Макаров, К.Аялбергенов, Т.Габдуллин, М.Н.Казов и Б.Ермагамбетов.

Подводя итоги, хочу подчеркнуть, что он не менее талантливо решал вопросы строительства объектов, где работал.

Один из его друзей сказал: "Судьба Евнея - рок!" И привел следующие примеры: работая проректором Казахского горно-металлургического института, Евней принимал активное участие в строительстве нового комплекса института. Когда ввели первую очередь в эксплуатацию, Евнея перевели в Караганду. В новом здании ему не пришлось работать ни дня.

Приехав в Караганду, от чертежей и первого кирпича начал возводить Химико-металлургический институт; 31 декабря 1971 года был подписан акт государственной комиссии о приемке первой очереди института в эксплуатацию. В феврале его перевели в университет.

В университете опять начал со строительства комплекса. Много пришлось работать над созданием материальной базы университета. В ноябре 1979 года переселились в новый корпус на Юго-Востоке, а в декабре пришлось уйти из университета.

Вернувшись в Химико-металлургический институт, добился открытия лаборатории по исследованию низкосортных углей Казахстана и сооружения здания для нее, все было экстренно смонтировано и оборудовано, не хватало только одного насоса высокого давления. Радовался Евней этому событию. Но работать ему не пришлось. Ушел навсегда.

Я привел неполный перечень зерен, посеянных моим любимым братом. Дали ли они плоды, считать ли его достигшим своей цели в жизни и считать ли его счастливым человеком - судить вам, дорогие читатели.

В кругу семьи и друзей

Весной 1953 года я получил письмо от женгей - жены брата Зубайры Дюсеновны, где она приглашала меня в Алма-Ату, советуя получить специальность, а семье обещала помогать. Одного из братьев, Шабдана-забияку, после окончания четвертого класса Евней увез с собой в Алма-Ату. Он до окончания института воспитывался у него, и только женившись, уехал работать по направлению. С мамой оставались еще два брата-школьника, Жартас и Есламбек. Приехав в Алма-Ату, я поступил в техчикум и получил специальность строителя-электромонтажника. После окончания техникума в 1957 году меня направили в Караганду, в сентябре того же года Евней поехал за мамой и перевез нашу семью ко мне в Караганду. К этому времени Жартас тоже уже был в Алма-Ате, поступил в институт, на геологический факультет, а с мамой жили самый младший брат и осиротевшая двоюродная сестра.

Получили квартиру, стали жить нормально, было все необходимое, естественно, не роскошествовали. Евней каждый месяц высылал из своего заработка триста рублей, которые мама называла пенсией, это стало традицией, ибо еще во время моей учебы мама от Евнея ежемесячно получала такую материальную помощь, а иногда побольше. После переезда брата в Караганду он каждый раз в день зарплаты приносил эти деньги маме, нашему семейному кассиру. Он садился возле нее, и у них начиналась задушевная беседа с юмором, на что они оба были мастерами. С мамой, как я уже упоминал выше, он разговаривал наравных, но всегда не переходя каких-то только ему видимых границ в отношениях с мамой. У мамы был беспрекословный закон, который мы старались всегда выполнять. Приехав или придя домой, мы всегда рассказывали ей где были, что видели и слышали, представляли полный устный отчет о сделанном. Это было непростое любопытство, как я сейчас убеждаюсь на собственных детях, это был воспитательный прием, она оценивала таким образом наше поведение, нашу среду общения. Особенно истово выполнял это ее желание Евней. После любой поездки, большой или малой, он обязательно приходил к нам и маме рассказывал подробно о своей поездке, сопровождая остроумными шутками, в это время в маленькой нашей квартире стоял веселый хохот. Мы любили его слушать.

Мама наша умерла в конце мая 1962 года, прожив без мужа ровно двадцать лет. Выполняя ее завешание, мы похоронили ее рядом с отцом, на берегу реки Ишим. На том месте, где родились мы с Евнеем, на том самом бугорке, который всегда притягивал Евнея, где бы ни находился. Хотя бы один раз в год он находил время для того, чтобы съездить туда. Мне тоже посчастливилось не раз бывать в родных местах с ним. Останавливались мы у какого-нибудь почетного аксакала. Собирались родственники, аульчане. После традиционного чая он в сопровождении одного из родственников обходил весь аул. Цель такого обхода была в первую очередь почтить память умерших, поздороваться с аксакалами, сходить на кладбище, отдать дань памяти предкам.

Особенно Евней радовался появлению наших детей. Первой родилась моя дочь, которую наша мама назвала Айсулу - Лунная красавица, второй родилась дочь Евнея. Ее опять же наша мама назвала Аксулу - Светлая красавица. Евней, где бы он ни находился, привозил и приносил одежду, обувь, игрушки обсем одинаково. Дети других братьев тоже не

оставались без внимания. Он часто всех их сажал в машину, когда они подросли, ездил с ними, беседовал, советовал, что нужно прочитать, и не забывал спросить, как они исполняют его рекомендации. Если же дети аккуратно выполняли его задание (чаще всего так делал мой младший сын Гайса), он радовался и покатиисто смеялся: "Вот молодец! Из него будет толк". Если же кто-либо из детей не выполнял его заданий, он очень переживал. "Неужели он не будет человеком", - говорил Евней.

Новый год и другие праздники мы обычно встречали дома у Евнея. Дети ставили свои нехитрые концерты, это доставляло Евнею истинное удовольствие. Во главе с Евнесом дети готовили красочно оформленную стенную газету. Одна из этих газет, выпущенная к новому 1977 году, и сейчас экспонируется в музее. "Главным редактором", как мы называли его шутя, был Евней. Шуточные эпиграммы содержали пожелания каждому из нас с неедкой критикой.

Отдыхом для Евнея была работа. В 1962 году, находясь на отдыхе в Сочи, он перевел на казахский язык поэму Сергея Есенина "Анна Снегина" и прислал мне по почте. Первым слушателем поэмы на казахском языке была наша мама. Рукопись выставлена в музее.

Находясь после первого инфаркта на больничной койке в кардиологическом центре, он написал довольно веселый "Рассказ Плетнева Алексея Александровича о том, как он вора поймал". Писал, скрываясь от строгих глаз лечащего персонала. Свободным он считал время, предоставленное на обдумывание того, что заходило в тупик в науке или в его собственных сочинениях. Для этого ему не нужно было создавать каких-то особых условий, он думал постоянно. Даже сидя за столом, разговаривая с нами, он, казалось, где-то в глубинах мозга обдумывал что-то, известное только ему. Труд и труд, начиная с шести часов утра, до глубокой ночи был его основным занятием.

Несмотря на свою иногда какую-то отрешенность, он всегда был очень внимательным к людям, большей частью к совершенно чужим. Вспоминается такой случай. Однажды вечером он по обыкновению позвонил ко мне и попросил зайти к нему. Голос у него был веселый, радостный. Зайдя, я увидел на диване пожилого человека, а рядом женщину, видно, муж с женой. Оба держались стеснительно, я поздоровался. Они стали по казахскому обычаю подробно расспрашивать меня о родных и близких моей семьи. Кто они - вспомнить не могу.

Брат спросил, узнаю ли я их? Я отрицательно покачал головой. Тогда он, смеясь, говорит гостям: "Вот видите, чуть выбился в начальство и родственников стал забывать". Оказались они, действительно, нашими дальними родственниками по маминной линии. Вечером, как обычно, Евней гулял по своему маршруту, и вдруг слышит - за спиной женский голос укоряет мужа: "Надо было взять адрес кого-нибудь из детей тетушки Бальтай". Брат повернулся и узнал своих дальних родственников. У него была исключительная память. Поздоровался и говорит: "Пойдемте, я найду вам ночлег". Только когда пришли к Евнею, они узнали, куда пришли. Евней принял деятельное участие в оправдании их брата, которого привлекли к ответственности, как потом оказалось, по какому-то недоразумению.

Одновременно вспоминается и такой случай. Люсе Тихой, соседской дочери, очень понравилась специальность эпидемиолога. После окончания десятилетки она подала документы в Карагандинский медицинский институт. Но не прошла по конкурсу, не хватило пол-балла. После этого она сдавала еще пять раз. И всегда не хватало пол-балла или одного балла. Жили они с Евнеем в одном подъезде. Отец ее, рядовой шахтер, проработавший на одной шахте около сорока лет, мама - счетный работник того же медицинского института. После шестого раза Люся и мама со слезами на глазах шли к дому. Евней оказался во дворе. Увидев их расстроенные лица, он расспросил, в чем дело. Узнав подробности, успокоил их. На следующий день он пошел к ректору медицинского института и попросил поднять архив за пять лет. Оказалось, что действительно Людмила Романовна Тихая шесть раз сдавала экзамены и, ни разу не провалив, не проходила по конкурсу. Тогда Евней спросил своего коллегу: "Кого же мы будем учить, как не преданных избранному делу людей?". Люся Тихая была зачислена. Успешно закончив институт, работает сейчас в Актау, воспитывает сына, которого назвала Женей, думаю, не случайно. Вот такие незаметные, на первый взгляд, житейские эпизоды показывают, как внимательно Евней относился к людям.

Ко мне, несмотря на то, что я был моложе, он относился очень уважительно, заботился о моем здоровье, благополучии семьи. Помогал и морально и материально, особенно в годы моей учебы в институте. Когда мы жили в одном доме по пр.Ленина, 56, я обычно, уходя на работу, разговаривал с Евнеем. Он открывал форточку, спрашивал о здоровье, спрашивал, как мне отдыхалось. Если же я болел, то проявлял

заботу, почти ежедневно навещал меня, доставал нужные лекарства. Однажды по делам службы я пришел к председателю горисполкома, после приветствия он, смеясь, сказал, что ездил по поводу улучшения жилища нашему академику. Но оказалось, что ему нужна не одна, а две квартиры. Евней даже не обратил внимания на предлагаемый особняк, а стал смотреть кругом, не найдется ли поблизости подходящая квартира и для Камзабая.

Я никогда не забываю его отношения ко мне, стараюсь чем-то быть похожим на него, но это не всегда удается, так как иногда хорошо знавшие его меня упрекают, что я Букетов, но не тот.

Мы с ним прожили очень дружно; во всех бытовых, да иногда и в служебных делах я советовался с ним, а его советы почти всегда были деловыми и правильными. До сих пор при решении некоторых проблем я мысленно обращаюсь к нему, предполагая, что бы он посоветовал, но иногда впадаю в раздумья, не слышу его советов. В эти моменты он предстает перед моим взором во всем своем огромном росте, богатырском телосложении, спокойный, с глубокомысленным взглядом. Никогда он не принимал скоропалительных решений. Обдумав возникший вопрос, всегда тихим голосом говорил: "Думаю, если сделать вот так... будет правильным" или "хорошо, я помогу" и т.д. ...

В жизни у Евнея было очень много друзей и приятелей. Он был общительным, быстро сближался с людьми, всегда находил общий язык со всеми, с кем доводилось встречаться. Свободно мог беседовать и с аксакалами, и с юными. С каждым он находил, о чем говорить. А беседовал он с юмором, к месту появлялись цитаты из произведений великих мыслителей или же народные пословицы и поговорки, при необходимости здесь же переводил с одного языка на другой, а импровизированные переводы были точны. Его натура позволяла быстро сдружиться с людьми. Дружил со многими не мимолетно, хотя были и исключения. От некоторых иногда молча отходил и больше о них не вспоминал, особенно, если узнавал о нечестности, корысти и несправедливости.

С Сейльбеком Глеубасвым, участником Великой Отечественной войны, учившемся на филологическом факультете Казахского педагогического института им.Абая, случайно встретился в 1949 году, и они подружились. Дружба эта сохранилась до конца жизни Евнея; личная дружба с Айдарбеком Кусаиновым, тоже филологом, переросла в дружбу семейную.

В аспирантские годы Евней познакомился с будущими известными учеными-педагогами Е.Есркегеновым, Х.Нурмагамбетовым - братом известного карагандинского шахтера Героя Социалистического Труда Башира, Т.Жакуповым. Сегодня никого из них нет в живых, все они до конца своих дней сохранили искреннюю человеческую дружбу.

Особо хочется отметить большую дружбу с Алексеем Ивановичем Первертуном. Они встретились в первый год аспирантуры и были неразлучны до конца жизни Евнея. Говоря несколько преувеличенно, они не могли друг без друга даже дышать. Специалист мог бы написать на эту тему книгу. Вспоминаю не менее крепкую дружбу с Муштаем Батырбековым - историком по образованию, Кажигумаром Куандыковым, будущим театральным критиком, рано ушедшим из жизни, а в то время студентом Московского театрального института.

Друзей и приятелей Евней никогда не делил по национальности или по каким-то другим признакам, все для него были равны, будь то безусый юноша или же белобородый аксакал. Он хорошо дружил с Габитом Мусреповым - народным писателем Казахстана, с Ишамбаем Каракуловым - ученым, медиком, общественным деятелем. Разница в возрасте между ними и Евнеем была более 20 лет. Его друзьями были чабаны Турсун и Габдулла, фамилии их не помню, прокурор Ахмадия.

Если с писателем Сергеем Никитиным он познакомился и подружился в последние годы своей жизни, то с И.С.Белетченко и А.Я.Соколовой дружил со школьных лет. Иван Савельевич живет в г.Петропавловске, а Анна Яковлевна - в Ставрополе, оба кандидаты исторических наук.

Я перечислил только тех, кого задержала память. Перед любыми праздниками, большими и малыми, Евней писал и отправлял по почте более сотни поздравительных открыток и карточек, старался не опоздать и никого не пропустить, не обидеть дальних и близких родственников. У него в папке хранился отпечатанный на машинке довольно обширный список всех, кого нужно поздравить, с указанием имен всех членов семьи, точным почтовым адресом и номером телефона. Этот список в настоящее время экспонируется в музее.

Память

Прошло сорок дней после кончины и похорон Евнея. За это время было много посетителей в наших домах, приходили и на работу с выражением соболезнования. В таких случаях, безусловно, начинались традиционные воспоминания об усоп-

шем. На сороковой день по народному обычаю устроили поминки. Пригласили друзей, товарищей, учеников и родственников, по национальному обычаю они разделяли нашу невосполнимую утрату, великое горе. На всех встречах за дастарханом все в один голос вспоминали Евнея только добрым словом. Говорили о его человечности, скромности, эрудированности и образованности во многих направлениях науки и техники, отмечали большой вклад в науку и производство, в литературу, культуру и искусство. Об этом говорили на каждом шагу при любых встречах знавшие его люди любой национальности, выражали сожаление о его ранней смерти. Это еще раз подтверждает его интернациональный дух. Для нас, для семьи он был всего-навсего брат, как другие братья, только и всего.

Постепенно я стал убеждаться в том, что наш Евней очень много сделал для народа, для окружающих, для региона, для республики и страны, во многих направлениях науки, культуры и искусства, он был высокочтимым человеком.

Эти убеждения привели меня к тому, что я упорно, целенаправленно начал искать пути увековечения его памяти. С первых же шагов я встречал одобрение и поддержку. Правда, не все шло гладко, немало было негласного сопротивления.

Советуясь со многими его соратниками, людьми, хорошо знавшими его, я и его друзья составили примерный план увековечения его памяти. Большинство из тех пунктов, благодаря новым веяниям времени в истории нашей республики, сменой руководства, претворилось в жизнь.

А теперь опишу все это подробнее. Первым пунктом в этом наброске плана значилось сооружение достойного надгробия. Пусть будет не в назидание читателю, но хочу вспомнить об этом обстоятельно, ибо мне очень дорого дались эти шаги. Немало было бессонных ночей, и днем не выходили из головы мысли. Я считал своим долгом увековечить Евнея не как брата, а как бескорыстного друга.

Уже шел четвертый месяц после похорон, соорудить задуманное надгробие хотелось к годовщине кончины. Время неумолимо летело. Переживания о бессилии увеличивались, так как хорошо знал причину безмолвия. Всем известно, и выше об этом рассказано, что он последние годы своей жизни был в опале. И вот появляется в моем кабинете "спасательный круг" - Ю.В.Гуммель.

За несколько дней на столе лежали три варианта эскизов, составленных по моим представлениям о том, каким хотел видеть памятник брату. Посоветовавшись с архитектором,

остановились на одном. Решили сделать все три варианта в гипсе. Когда гипсовые макеты были готовы, я стал ежедневно посещать мастерскую скульптора на ул. Связи; привез туда Зубайру Дюсеновну, жену брата, которая тоже остановила свой выбор на том варианте, который был одобрен нами, но высказала некоторые замечания. На следующий день попросил собраться в мастерской близких Евню людей академика А.Сагинова, генерала Б.Бейсенова, профессоров З.М.Мулдахметова, Ж.Н.Абишева и еще несколько человек. Посмотрев, все одобрили выбранный нами вариант. В ход пошла основная работа скульптора - лепка в будущую натуральную величину. Прежде всего надо было выбрать камень-гранит. Желасмого в Караганде не оказалось, пришлось ехать в Алма-Ату. Выбрали на Бурундайском карьере, перевезли на железнодорожной платформе вместе с подобным материалом городского спецкомбината. На душе стало спокойнее, наступила уверенность, что надгробный памятник будет сооружен к сроку. За лето полностью заложили фундамент и другие сооружения. За 2-3 дня до годовщины установили. Участники поминок поехали посмотреть памятник, отдать дань уважения Евнею.

Евней Арстанович изображен сидящим, опершимся локтями на книги, их пять, по числу направлений, в которых он занимался - химия, металлургия, проза, литературная критика и поэзия (переводы). Он задумчив, думает думу свою. Стоимость по смете получилась приличной по тем временам. 50% расходов на сооружение были выделены Советом Министров Казахской ССР, подписанным его тогдашним председателем Назарбаевым Н.А. Не остался в стороне и секретариат Союза писателей Казахстана. Были пожертвования членов коллектива Химико-металлургического института АН Каз.ССР и родственников.

Одновременно, не откладывая в долгий ящик, руководители Центрально-Казахстанского отделения АН Казахской ССР, Карагандинского государственного университета и Химико-металлургического института АН Каз. ССР, члены-корреспонденты академии, профессора З.М.Мулдахметов, Ж.Н.Абишев от имени и при полной поддержке своих коллективов обратились с официальными письмами с предложением по увековечению памяти Евнея Арстановича, где были предусмотрены конкретные предложения руководству Сергеевского и бывшего Целинного районов Северо-Казахстанской области, т.е. на родине, а также горкому партии и горисполкому Караганды и руководству Карагандинской области. Отклика на все эти предложения не

было. Позже выяснилось, что из центра республики дали знать, что следует молчать.

Только летом 1987 года пришла оттепель. После появления на страницах "Казахстанской правды" статьи А.Брагица начали решать вопросы об увековечении памяти Евнея Арстановича. В г. Сергеевке одноименного района Северо-Казахстанской области улицу Солнечную переименовали в улицу имени академика Е.А.Букетова. Позже, приехав на родину, мы поспешили на эту улицу, уже были указатели, но улица оказалась очень короткой, состояла всего из полутора десятков домов и домиков. Про себя подумал, что здесь боязнь перед вышестоящими сыграла роль, ибо есть в городе улицы более солидные с ничего не значащими названиями: "Водопроводная", "Овражная", "Высоковольтная" и т. д. Но все же, слава Богу, хоть кусочек будет напоминать о моем любимом брате, уважаемом человеке моих земляков.

Встретившись с тогдашними руководителями района, я высказал свою неудовлетворенность. Иван Григорьевич - председатель райисполкома, объяснил, что их выбор улицы для переименования основывался на том, что эта улица тупиком упирается в главную улицу города, носящую имя В.И.Ленина, на противоположной стороне трехэтажное здание школы, в которую упирается торцом и улица, названная им.Букетова, как бы образуя букву Т. В этом здании - школа, перебазируемая из бывшего районного центра с.Марьевки перед его затоплением водами Сергеевского водохранилища, где с 4 по 10 класс учился Евней. В дальнейшем планировали направить ходатайство о присвоении его имени этой школе, сооружении памятника и установке его на перекрестке, чтобы образовать уголок знаменитого земляка в центре г. Сергеевка. В настоящее время почти так получилось. Постановлением Кабинета Министров Казахской ССР от 31 января 1991 года №177 этой школе присвоено его имя, и она стала называться "Средняя общеобразовательная школа №2 имени академика Е.А.Букетова".

В конце июня 1992 года районная администрация, общественность района, поддержанные областной администрацией, провели торжественные мероприятия по этому случаю. В плане были предусмотрены теоретическая конференция, посвященная жизни и деятельности академика Е.А.Букетова, открытие мемориальной доски у стены школы, носящей его имя, открытие музея Е.Букетова в школе, спортивные мероприятия, где были предусмотрены как древние национальные виды спорта "қазақша күрес", "бәйгі", "қыз қуу" и другие, так и современ-

ные. На конференции со вступительным словом выступил вел его глава районной администрации Т.К.Симанбаев, основным докладчиком был академик З.М.Мулдахметов, выступив с воспоминаниями его одноклассники, сослуживцы по школам в которых работал в военное лихолетие Евней Арстанович, земляки П.П.Завьялов, А.К.Мусин, академик НАН Республики Казахстан А.Кошанов, писатель Ж.Бектуров, свои стихи посвященные Евнею Арстановичу, прочитал поэт Е.Зикибаев и др.

При открытии мемориальной доски у школы также выступили О.Ш.Курманалиев - декан химического факультета доктор химических наук, профессор Г.К.Кулкубаев - доктор медицинских наук, профессор, директор института и многие земляки. Школе были преподнесены подарки от Карагандинского госуниверситета, около 100 учебников для средних школ, был прочитан приказ ректора Карагандинского госуниверситета профессора Ж.С.Акылбаева о шефской помощи и деловых связях со школой. Итак, получился уголок, символизирующий служение народу, грядущему поколению. Участники мероприятий посетили родовое кладбище и отдали дань памяти его родителям. Спортивные мероприятия и выступление художественной самодеятельности были организованы на берегу водохранилища у опушки леса в ауле Баганаты.

В празднике принимали участие делегации почти всех районов Северо-Казахстанской области, близлежащих районов соседней Кокчетауской области. Многочисленную делегацию областного центра города Петропавловска возглавлял первый заместитель главы администрации К.Калиев.

Основные сюжеты проведенных мероприятий запечатлены на видеопленках, запись сделана работниками Карагандинской телестудии журналистом Маратом Дюсембиным и оператором Маратом Сулейменовым, кассета хранится в музее Е.А.Букетова в Караганде. По возвращении из поездки писатель Бектуров в газете "Орталық Қазақстан" опубликовал большой очерк.

В 1987 году в г. Караганде на фасаде главного корпуса Химико-металлургического института АН Каз. ССР была установлена мемориальная доска с портретным изображением Евнея Арстановича на граните, исполненная скульптором Ю.В.Гуммелем. В 1989 году решением Карагандинского облисполкома одной из улиц в новом микрорайоне города было присвоено его имя. После долгих мытарств увидела свет его автобиографическая повесть "Шесть писем другу".

Этот его труд при жизни был снят с производства и возвращен с коротеньким сопроводительным письмом "Возвращаю согласно договоренности по телефону №№, отделом издательства Степанова". О чем договорились, стало тайной, которую он унес с собой.

Усилия его друзей и товарищей, в том числе видных общественных деятелей, ученых, писателей, нем Е. Кавдалов, А. Сейдимеков, М. Сарсекеев, Д. Досжанов и других, до середины 1987 года были тщетны. С кем бы из руководителей издательств в Алма-Ате ни встречался по этому вопросу, все дружелюбно принимали и также хорошо провозжали, при этом вспоминая моего брата как достойного особого внимания и одобряя мои хождения в целях издания его книг.

В один из весенних дней 1987 года позвонил ученик брата, известный писатель Медеу Сарсекеев из Семипалатинска, с которым я поддерживал связь, и передал привет и просьбу нового директора республиканского издательства "Жалын" Сейдахмета Бердыкулова, который просил привезти или выслать ему, что есть более-менее готовое или же подготовить к изданию что-нибудь из литературного наследия брата.

Правду говоря, я С.Бердыкулова знал только заочно как редактора казахской молодежной газеты "Лениншіл жас" и писателя, пишущего на спортивные и молодежные темы. С одной стороны, мне было очень радостно что открывается путь к заветной цели - изданию литературного наследия Евнея, за что я серьезно переживал, с другой - удивление, что мало знакомый товарищ сам проявляет заботу. Несмотря на все это, моей радости не было предела. Как мне было не радоваться - ведь за публикацию этого труда в журнале "Простор" он пострадал, был изгнан из университета. Полный текст этой повести был подготовлен к изданию, находился в наборе. Видимо, узнав об этом, высокие чины того времени вынудили руководство издательства снять книгу с производства, и она была возвращена автору. Другая книга из другого издательства точно так же вернулась в 1981 году.

Получив обе книги, Евней еще раз пересмотрел написанное, внес отдельные коррективы и, закончив переработку в начале 1982 года, положил в дальний ящик своего стола до лучших времен. Сам продолжил работу над книгой о К.И.Сатпаеве. После звонка из Семипалатинска на третий день с одним, притом не первым экземпляром машинописи названной книги, без особой надежды на успех я появился у директора издательства "Жалын".

Немного подождав в приемной, я переступил порог и вошел в кабинет. Из-за стола поднялся полноватый выше среднего роста, спортивного телосложения, средних лет мужчина и направился навстречу, поздоровался обеими руками, приветствуя поклоном, попросил сесть на стул у приставного столика и по обычаю начал расспрашивать обо всех родных и близких, проявляя интерес к семье Евнея. После короткой паузы спросил, что я привез. Я из портфеля извлек голубую, довольно толстую папку, с машинописью и подал ему. Хозяин кабинета, полистав, указал пальцем на чистую внутреннюю сторону обложки и попросил написать разборчиво мои реквизиты: имя, отчество, фамилию, домашний адрес и телефон. На прощание заявил, что труды Евней-ага будут издавать, что он уважаем всеми, кто его знал, снискал это своей человечностью и незаурядным талантом.

Прощался я с ним вроде бы тепло, но в душе оставалось недоверие. Мне было очень стыдно перед этим добрым, чистосердечным человеком за свое недоверие, когда позднее убедился, что книга будет издана. В трудах и заботах летело время незаметно, через каких-то 1,5 - 2 месяца позвонила из издательства женщина, представилась как Кулимхан Хасенова, редактором рукописи книги Евнея Арстановича "Шесть писем другу", уточнила некоторые вопросы, передала номер своего телефона, осведомилась, есть ли первый экземпляр. Я ответил отрицательно. Все еще мало верил в успех издания. Только когда мне позвонил мой друг со студенческих лет Серипек Байболов, что разыскивает меня художник-оформитель книги, появился какой-то проблеск надежды, что книга увидит свет и найдет своего читателя. Да, оказалось, спустя одиннадцать лет после первого набора, пять с половиной лет после кончины автора, благодаря усилиям доброго человека С.Бердыкулова, книга увидела свет.

Вот я держу в руках отлично оформленную, отпечатанную на высококачественной бумаге книгу - сигнальный экземпляр, которую привез из Алма-Аты высокочтимый земляк наш Малик-ага Имашев - почитатель таланта Евнея. Перед глазами промелькнула история издания этой драгоценной для нашей семьи, для учеников, соратников, да и для всех почитателей его таланта, особенно для меня, книги. Есть еще один очередной памятник.

В свое время, когда повесть попала к читателю, республиканская и областные газеты опубликовали несколько рецензий с очень теплыми положительными отзывами, где особо подчер-

квивалась полезность книги для воспитания подрастающего поколения.

В тематический план 1991 года того же издательства было включено издание этой же книги на казахском языке, семье автора был перечислен причитающийся гонорар, но книга до сих пор не увидела свет, видимо, причиной тому стал уход с этого поста уважасмого С.Бердыкулова. Но мы искренне благодарны ему, коллективу издательства "Жалын", доставившим нам великую радость, увековечившим память брата. Пусть сопутствуют им удача.

Но иная судьба выпала на долю трех других книг, которые до настоящего времени покоятся на полках шкафов издательств: "Казахстан" под рабочим названием "Дорога к истине", "Жазушы" - "Сокровенное" и "Жалын" - "Алты хат". Появлению их на свет до сих пор мешают бумажный голод и отсутствие финансирования, как и во всем по всему бывшему Советскому Союзу. Богатые спонсоры тоже не находятся.

Как уже отмечалось выше, появление очерка писателя А.И.Брагина "И все-таки он победил", который открыл дорогу выступлениям со статьями, очерками авторитетных представителей казахстанской интеллигенции народного писателя Сырбая Мауленова, поэта Музафара Алимбаева, известного ученого, общественного деятеля Ишамбая Каракулова, писателей Жанка Бектурова, Медеу Сарсекеева, журналистов Валерия Могильницкого, Бахытжана Тобоякова, Бейбита Сапаралина и многих, многих других деятелей науки, культуры и искусства, а также учеников и соратников было большим событием. Несколько раз организовывались передачи по республиканскому и областному телевидению, где выступали академики республиканской академии З.Кабдолов, Ш.Есенов, З.Мулдахметов, члены-корреспонденты И.Каракулов, Ж.Абишев и другие почитатели его таланта. Все они однозначно выражали пожелания увековечить его имя как крупного организатора науки, писателя, переводчика, публициста, внесшего заметный вклад в популяризацию отечественной и западной классики, активного общественного деятеля, присвоив его имя Карагандинскому госуниверситету, где он был первым ректором, школе, которую он окончил, совхозу, где родился, издать собрание сочинений и научных трудов и т.д., создать дом-музей в г. Караганде.

Идя навстречу пожеланиям трудовых коллективов, научной творческой интеллигенции, а также ученого совета Карагандинского госуниверситета, принявшего свое постановление, исполком Карагандинского областного Совета народных депу-

готов в феврале 1990 года ходатайствовал перед Советом Министров Казахской ССР о присвоении имени академика Букетова Евнея Арстановича Карагандинскому государственному университету. Этот акт нашел поддержку в Президиуме Академии наук Казахской ССР. Однако в правительстве республики этот вопрос рассматривался более года. Благодаря вмешательству бывшего первого секретаря Карагандинского обкома партии В.С.Гаркуши и ректора университета профессора Ж.С.Акылбаева этот вопрос нашел положительное решение: 16 августа 1991 года Карагандинский государственный университет стал именоваться Карагандинским государственным университетом имени Е.А.Букетова, в этом же Постановлении Кабинета Министров Казахской ССР, подписанном бывшим Премьером-Министром У.Карамановым, вторым пунктом поручено Алма-Атинскому горисполкому установить мемориальную доску на доме в г. Алматы по ул. Фурманова, 118, где Евней жил в 1950-1956 г.г., но этот пункт постановления до сих пор не выполнен.

Это постановление Правительства явилось как бы кульминационным моментом в деле практического осуществления первоначальных планов по увековечению памяти Евнея Арстановича. 2 сентября 1991 года во дворце студентов университета собрались профессорско-преподавательский состав, студенты университета и общественность города на торжественное собрание, посвященное этому знаменательному событию. Зал был переполнен.

С информацией выступил ректор университета профессор Ж.С.Акылбаев, воспоминаниями поделились профессора Т. Абдразаков, Р.Клешева и другие, а также главный редактор областной газеты "Орталық Қазақстан", немало сделавший для пропаганды дела Е.А.Букетова Н.Оразбеков, принимала участие и выступила заместитель председателя облисполкома Р.К.Омарбекова. Все горячо поздравили коллектив университета и студенчество с этим знаменательным событием, пожелали успехов, а главное, чтобы были достойны имени академика Е.А.Букетова.

Не нужно, наверное, особых доказательств, что все эти мероприятия осуществлялись благодаря новым веяниям времени. Нам известно, что все вопросы положительно решались при поддержке нашего Президента Н.А.Назарбаева, и мы ему благодарны за справедливость и человечность.

В упомянутом решении Карагандинского облисполкома вторым пунктом поручалось соответствующим компетентным

органам создать дом-музей академика Е.Букетова в г.Караганде. Этот пункт решения оставался невыполненным из-за отсутствия подходящего помещения. Предлагались всевозможные варианты, но по разным причинам к единому мнению не приходили.

Осенью 1991 года Совет Карагандинского университета имени Е.А.Букетова принимает решение отметить 20-летие со дня образования этого учебного заведения. Был разработан комплекс мероприятий по проведению юбилея. Одним из пунктов предусматривалось при университете создать музей академика Е.А.Букетова и истории университета. Была образована комиссия под руководством проректора В.С.Батурина, а музей решили разместить в бывшем зале заседаний ученого совета, в кабинете ректора, приемной и комнате отдыха, дополнительно отдали кабинет одного из проректоров с приемной (в здании математического факультета по ул. Гоголя, 38).

В создании музея приняли участие все факультеты университета во главе с деканами. Музей был открыт 19 июня 1992 года, с этого дня и начал функционировать.

По инициативе ректора университета Ж.С.Акылбаева в том же году был издан библиографический указатель трудов Е.А.Букетова на двух языках с кратким очерком научной, педагогической и общественной деятельности.

Кстати, о музеях. Еще в 1985-1986 годах мне не давал покоя директор Сергеевского районного историко-краеведческого, солидного, очень интересного музея - В.Д.Кузнецов в оказании практической помощи в создании уголка Е.Букетова. Подготовив небольшие стенды с экспонатами, здесь в Караганде, по эскизам самого В.Кузнецова, в марте 1986 года, перед днем рождения Евнея, я появился там, мы с ним в течение трех часов собрали все, что я привез, и установили на всеобщее обозрение. Получился приличный уголок.

В начале 1992 года получил письмо от заведующей отделом литературы и искусства Северо-Казахстанского областного музея изобразительных искусств И.Матвеевой с подобной же просьбой, пришлось изыскать материалы, трижды высылать по почте. В ответ я получил благодарственное письмо.

В дополнение ко всему хочу отметить, что коллектив преподавателей восьмилетней школы во главе с директором К.Курмангалиевым создал также небольшой музей. Таким образом, материалы о жизни и деятельности академика Е.А.Букетова в настоящее время экспонируются в трех городах:

Караганде, Петропавловске, Сергеевке и в родном ауле Баганаты.

Недавно, в 1993 году, два райцентра - с. Тимирязево Северо-Казахстанской области и с. Коктобе Павлодарской области присвоили имя Е. Букетова улицам. На торжествах по этому случаю в Тимирязеве, приуроченных к летним областным спортивным играм "Ақ бидай", я принимал участие, оказавшись в отпуске на родине. Принимали участие руководители области и всех районов, выступил с речью глава областной администрации В.К.Гартман и другие.

Так сегодня чтут память верного сына своего народа - академика, общественного деятеля, скончавшегося в расцвете творческих сил и энергии.

* * *

Главной целью написать эти воспоминания вынудили меня две причины. Первая причина - после похорон брата народ недоумевал о причинах отстранения его от активной деятельности, освобождения с поста ректора университета, о лишении возможности публиковать свои научные и литературные труды. Ко мне часто обращались с этим вопросом. Для удовлетворения интересов общественности региона, по настойчивой просьбе друзей Евнея и редакции газеты "Индустриальная Караганда", вынужден был взять в руки ручку и бумагу и писать. Первый очерк был положительно принят читателями, просили продолжить, что я и делаю.

Вторая причина родилась в ходе работы над своими воспоминаниями. Пришел к выводу, что отдельные штрихи его жизни известны, только мне из оставшихся в живых родных и родственников. Писал с мыслью, что, может быть, читающая молодежь извлечет что-то полезное для себя. Если же такое случится, то я своей цели достиг. Судите сами.

Ни в коем случае не претендую на полноту изложения всех деяний академика Е.А.Букетова. Здесь нет материалов об официальных сторонах жизни и деятельности, о внешних связях с властями и многими другими родственными институтами и т.д., безусловно это большой объем работы, требующий своего решения.

Менее года осталось до 70-летнего юбилея со дня его рождения - 23 марта 1995 года. Возлагаю большую надежду, что общественность республики достойно отметит эту дату. В этих мероприятиях главное не празднества, а деловое решение вопросов по изданию собраний сочинений в науке, литературе,

совершенствование музея в Караганде, выделении его в областной, может быть, в республиканский статус.

В основном воспоминания написаны по памяти, за исключением отдельных моментов жизни и деятельности, где пользовался документами, письмами из его личного архива.

г.Караганда
1987-1994 г.г.

Викетов university

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВНЕЯ АРСТАНОВИЧА БУКЕТОВА

1925 г. 23 марта - родился в ауле Баганаты Октябрьского (ныне Сергеевского) района Северо-Казахстанской области.

1932-1941 г.г. Сначала учился в школах деревень Малый Кизак, Макушино Мокроусовского и Макушинского районов Курганской области РФ, затем в школе с. Марьевка Октябрьского района Северо-Казахстанской области, где окончил девять классов.

1941-1945 г.г. Учитель начальных и неполных средних школ аулов Жалтыр, Социал, сел.Афанасьевка, Ольгинка, Двойники и Городецк Октябрьского района СКО, временами завуч этих школ.

1939-1947 г.г. Член ВЛКСМ

1944 г. Работа в первичной комсомольской организации в качестве секретаря колхоза "Красная планета" (с.Двойники)

1945 г. Сдал экстерном экзамен на аттестат зрелости в Марьевской средней школе.

1945-1950 г.г. Студент Казахского горно-металлургического (ныне политехнического) института в г. Алма-Ате.

1947 г. Принят кандидатом в члены ВКП(б)

1949 г. Принят в ряды ВКП(б)

1951-1953 г.г. Аспирант Казахского горно-металлургического института

1954 г. июнь. Защитил диссертацию на соискании ученой степени кандидата технических наук по проблемам извлечения молибдена и его химического анализа в объединенном Ученом Совете Института металлургии и обогащения АН Казахской ССР.

1954-1956 г.г. Ассистент кафедры металлургии легких и редких металлов Казахского горно-металлургического института

1956-1958 г.г. Доцент кафедры металлургии легких и редких металлов КазГМИ

1958-1960 г.г. Заместитель директора по учебной работе КазГМИ

1960-1972 г.г. Директор Химико-металлургического института АН Казахской ССР в г. Караганде.

1961 г. Награжден Грамотой Верховного Совета Казахской ССР

1962 г. Присвоено ученое звание старшего научного сотрудника по специальности "Металлургия цветных металлов"

1966 г. 10 октября защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора технических наук на тему "Извлечение

селена и теллура из медеэлектrolитных шлаков" в объединенном Ученом Совете Московского ордена Трудового Красного знамени института стали и сплавов.

1967 г. Присуждены ученая степень доктора технических наук и ученое звание профессора.

1967 г. Участвовал во Всемирной выставке в Монреале (Канада)

1968-1969 г.г. Заведующий кафедрой, профессор кафедры общей химии Карагандинского ордена Трудового Красного Знамени политехнического института (по совместительству)

1968-1970 г.г. Кандидат в члены Карагандинского областного комитета Компартии Казахстана.

1969 г. Избран депутатом Карагандинского областного Совета депутатов трудящихся XI созыва. Удостоен Государственной премии СССР в области науки и техники за разработки и внедрение технологии комплексной переработки медных руд на Балхашском горно-металлургическом комбинате

1969-1971 г.г. Член редколлегии журнала "Известия" Академии наук Каз. ССР серия химическая

1969-1980 г.г. Член редколлегии журнала "Білім және еңбек"

1970 г. Избран членом-корреспондента АН Каз. ССР. Награжден юбилейной медалью "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина"

1971 г. Принят в члены Союза писателей СССР.

1971-1981 г.г. Член Карагандинского областного комитета Компартии Казахстана.

1972-1980 г.г. Первый ректор Карагандинского государственного университета.

1972 г. Член научного совета "Гидрометаллургия" Государственного Комитета по науке и технике при Совете Министров СССР, г. Москва

1973-1980 г.г. Депутат Карагандинского областного Совета депутатов трудящихся XIV-XVI - созыва.

1975 г. Избран действительным членом (академиком) Академии наук Казахской ССР. Награжден Почетной грамотой Верховного Совета Казахской ССР.

1976 г. Награжден орденом Трудового Красного Знамени. Первый заведующий кафедрой физической химии КарГУ, открывшейся по его инициативе (по совместительству).

1978-1982 г.г. Организатор и председатель 1 и 2 Всесоюзных совещаний - "Химия и технология халькогенов и халькогенидов", проведенных в г. Караганде

1978 г. Организатор создания первой проблемной лаборатории в КарГУ по химии и технологии халькогенов и халькогенидов.

1978-1983 г.г. Член редколлегии журнала "Комплексное использование минерального сырья". Член редколлегии сборника "Пути в незнание" издательства "Советский писатель" г. Москва

1980-1983 г.г. Старший научный сотрудник, руководитель лаборатории ХМИ АН КазССР, г. Караганда

1980-1983 г.г. Профессор кафедры неорганической химии Карагандинского государственного университета (по совместительству)

1983 г. Член бюро Центрально-Казахстанского отделения АН Казахской ССР, г. Караганда

13 декабря 1983 г. Е.А.Букетов скончался. Похоронен на Карагандинском городском кладбище. Установлен надгробный памятник-бюст из красного гранита работы заслуженного деятеля искусств Казахской ССР скульптора Гуммеля Ю.В.

СОДЕРЖАНИЕ:

В аule	5
На Урале	9
В колхозе	29
В военное лихолетие	34
В поиске знаний	38
Увлечение	42
Доверие	50
В науке	53
В университете	56
Популярность и пасквиль	80
Тернии	83
Творческая кухня	86
Возвращение	92
Школа и наследие	95
В кругу семьи и друзей	98
Память	103
Основные даты жизни и деятельности Е.А.Букетова	114

Художник *М. К. Баймурзинов*
Корректор *Н. П. Загоруйко*

Подписано к печати 12.09.1994. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура "Тип Таймс". Усл. печ. листов 7. Тираж 4000 экз. Цена договорная. Заказ № 2282.

Типография "Офсет", Карагандинское производственное объединение "Полиграфия".